

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
РОССИИ
№ 4 (46) 2015**

Периодическое научное издание

Учреждено в 1915 г.
Возобновлено в 2004 г.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Российской Федерации (*Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 10. 11. 2004 г. ПИ № ФС77-18838*).

**Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте**

в сотрудничестве с Межрегиональной
Санкт-Петербурга и Ленинградской области
общественной организацией
Вольного экономического общества России

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (*Решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля 2012 года № 8/13*).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» и размещается на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руководством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР – С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР – Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается с письменного разрешения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое возрождение России» обязательна.

Электронная версия журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова
Верстка А. Г. Крысько

Адрес редакции:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru

Подписано к печати 22.12.2015 г.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная.
Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 21.
Тираж 2000 экз. Заказ 1247

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В.О., 9-я линия, д. 12

© Экономическое возрождение России, 2015

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Ивантер, д-р экон. наук, профессор, академик РАН, председатель научно-редакционного совета;
А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. М. Георгиев, д-р экон. наук, профессор (Болгария);
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
И. И. Елизеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Б. Г. Клейнер, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
И. А. Максимова, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Непелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Л. Васа, д-р экон. наук (Венгрия);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Ю. П. Панибратов, д-р экон. наук, профессор, академик РААСН;
Г. Х. Попов, д-р экон. наук, профессор;
В. Реген, д-р экон. наук, профессор, иностранный член РААСН (Германия);
З. А. Самедзаде, д-р экон. наук, профессор, академик НАН Азербайджана
А. И. Татаркин, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Ж.-Л. Трюэль, профессор Университета Париж-12 (Франция).

**MEMBERS OF
THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD**

V. V. Ivanter, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences, Chairman of the scientific editorial board;
A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. M. Georgiev, Doctor of Economics, Professor (Bulgaria),
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian Academy of Sciences;
B. G. Kleiner, Doctor of Economics, Professor, corresponding member of Russian Academy of Sciences;
I. A. Maksimova, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nikipelov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
L. Vasa, Doctor of Economics (Hungary);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
Yu. P. Panibratov, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences;
G. Kh. Popov, Doctor of Economics, Professor;
V. Regen, Doctor of Economics, Professor, foreign member of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (Germany);
Z. A. Samedzade, Doctor of Economics, Professor, academician of National Academy of Sciences of Azerbaijan;
A. I. Tatarkin, Doctor of Economics, Professor, academician of Russian Academy of Sciences;
J.-L. Truel, Professor of University of Paris-12 (France).

CONTENTS

Foreword from the editor in chief

<i>Bodrunov S. D.</i> New industrial society: structure and content of public production, economic contacts, institutions.....	9
--	---

Proceedings of seminar “Renewal of Russian economic system: transition to new industrial society”

<i>Ryazanov V. T.</i> Neoindustrialization of Russia and of the possibilities of overcoming the economic stagnation.....	24
<i>Kleiner G. B.</i> Re-industrialization, re-scientification, re-institutionalization the key tasks of the economic revival of Russia	34
<i>Buzgalin A. V.</i> Material production and the creatosphere: space of discussions	40
<i>Bodrunov S. D.</i> Modernization of economy and fiscal policy	43
<i>Gubanov S. S.</i> From export and raw material model to neo-industrial economic system.....	48
<i>Epshtein D. B.</i> About transition of Russian economy to new industrialization and import substitution.....	60
<i>Katchalov R. M.</i> Evaluation of the proposed economic system models perspective.....	69
<i>Sukharev O. S.</i> Problems of development industry: practical formulation and theoretical solution.....	72
<i>Sorokin D. E., Tolkachev S. A.</i> Conditions and factors of effective re-industrialization and industrial policy of Russia.....	87

The 250th anniversary of the Free Economic Society of Russia

<i>Lukichev P. M.</i> Imperial Free Economic Society as the first public organization in Russia.....	100
--	-----

Problems of economic development

<i>Karmenov B. A., Tarasevich L. S.</i> Peculiarities of Kazakhstan Republic budget flows in the XXI century.....	107
<i>Tkachenko E. A., Kochetkov S. V.</i> Mechanisms of stimulation of structural transformation of economy.....	112
<i>Biglova G. F.</i> Some aspects of management of innovative process at the regional and national levels of the economy.....	121
<i>Demidenko D. S., Malevskaya-Malevich E. D.</i> Peculiarities of optimal innovative business strategy formation.....	131

Business economics and innovation

<i>Grodinskaya A. N., Taburchak P. P.</i> Method of determining the level of sustainability of the subsystems of an industrial enterprise is presented.....	141
<i>Efimova G. A., Osipova O. V., Bulgakov P. E.</i> Strategic landmarks reindustrialization of agrarian economy	152
<i>Komolov O. O.</i> Big and small business: role and place in the modern economy	156
<i>Krasnostanova M. V., Kashpur A. K.</i> The human resource management innovations evaluation.....	168
<i>Zolotarev A. A., Yakovleva N. G.</i> Production, science and education of Russia: to overcome stagnation.....	182
<i>Zotova E. S.</i> Renewal of Russian economic system: scenarios and theoretical discussion.....	188

Abstracts	192
------------------------	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора

Бодрунов С. Д. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты 9

Материалы научного семинара ИНИР «Обновление российской экономической системы: переход к новому индустриальному обществу»

Рязанов В. Т. Неоиндустриализация России и возможности преодоления экономической стагнации 24

Клейнер Г. Б. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России 34

Бузгалин А. В. Материальное производство и креатосфера: пространство для дискуссий 40

Бодрунов С. Д. Модернизация экономики и бюджетная политика 43

Губанов С. С. От экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной экономической системе 48

Эштейн Д. Б. О переходе экономики России к новой индустриализации и импортозамещению 60

Качалов Р. М. Оценка перспективности предлагаемых моделей развития экономической системы 69

Сухарев О. С. Проблемы развития промышленности: практические постановки и теоретические решения 72

Сорокин Д. Е., Толкачев С. А. Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России 87

К 250-летию Вольного экономического общества России

Лукичёв П. М. Императорское Вольное экономическое общество как первая общественная организация России 100

Проблемы развития экономики

Карменов Б. А., Тарасевич Л. С. Особенности бюджетных потоков Республики Казахстан в XXI веке 107

Ткаченко Е. А., Кочетков С. В. Механизмы стимулирования структурной трансформации экономики 112

Биглова Г. Ф. Некоторые аспекты управления инновационным процессом в экономике на региональном и национальном уровнях 121

Демиденко Д. С., Малевская-Малевич Е. Д. Особенности формирования оптимальной инновационной стратегии предприятия 131

Экономика предпринимательства и инновации

Гродинская А. Н., Табурчак П. П. Методика исследования устойчивости подсистем промышленного предприятия 141

Ефимова Г. А., Осипова О. В., Булгаков П. Е. Стратегические ориентиры реиндустриализации аграрной экономики 152

Комолов О. О. Крупный и малый бизнес: роль и место в современной экономике 156

Красностановова М. В., Кашиур А. К. Оценка эффективности инноваций в управлении персоналом 168

Золотарев А. А., Яковлева Н. Г. Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию 182

Зотова Е. С. Обновление российской экономической системы: сценарии и теоретические дискуссии 188

Рефераты 192

14 ноября 2015 г. исполнилось 80 лет Виктору Викторовичу Ивантеру – известному российскому экономисту, директору Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, председателю научно-редакционного совета журнала «Экономическое возрождение России», доктору экономических наук, профессору, академику РАН

Виктор Викторович Ивантер закончил Московский государственный экономический институт.

В 1958–1959 гг. – ст. лаборант СОПС при Президиуме РАН.

В 1961–1964 гг. – аспирант Московского института народного хозяйства им. Плеханова.

В 1964–1969 гг. – ст. научный сотрудник Института электронных управляющих машин.

В 1969–1986 гг. – ст. научный сотрудник Института экономики РАН.

В 1982–1986 гг. – заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института РАН.

В 1986–1997 – заместитель директора, заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

С 1988 г. – профессор кафедры макроэкономического регулирования и планирования экономического факультета МГУ им. Ломоносова, заведующий кафедрами национальной экономики в Московском физико-техническом институте, Государственном университете управления, МЭУ им. Плеханова.

С 1997 г. – директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН).

С 2000 г. – академик РАН.

ИНП РАН был создан в феврале 1986 г. на базе ряда научных подразделений ЦЭМИ АН СССР как головная организация разработки социально-экономических разделов комплексных программ научно-технического прогресса СССР на 20 лет.

Основными направлениями научной деятельности, проводимой в лабораториях и исследовательских центрах института, сегодня являются:

- разработка комплексных прогнозов (обоснование альтернатив) развития экономики страны в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе;
- разработка стратегий развития регионов в рамках приоритетов общехозяйственного развития;

- *прогнозно-аналитические исследования в интересах крупных хозяйствующих субъектов (РАО ЕЭС, РАО «Газпром» и т. п.) и органов государственного управления РФ (Государственная Дума РФ, Минтопэнерго РФ, Федеральная дорожная служба РФ и т. п.);*
- *совершенствование методологии и методики комплексного социально-экономического прогнозирования.*

В Институте в разное время работали многие ученые с мировым именем, внесшие значительный вклад в исследование проблем теории и методологии воспроизводства, социально-экономического анализа и прогнозирования, межотраслевого анализа и моделирования, разработки комплексных прикладных программ социальных и структурно-технологических преобразований национальной экономики. К их числу относятся такие выдающиеся отечественные ученые-экономисты, как А. И. Анчишкин, Ю. В. Яременко, С. С. Шаталин.

В. В. Ивантер является известным специалистом в области социально-экономического развития России, ее энергетических программ, среднесрочных и долгосрочных прогнозов, инновационно-технологического развития, макроэкономической динамики, регионального развития, финансово-банковской сферы, налоговой политики. Член ряда экспертных и научно-консультационных советов при различных органах государственной власти.

Распоряжением Администрации Президента РФ В. В. Ивантер включен в состав рабочей группы по разработке стратегии сотрудничества Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и прогноза социально-экономического развития Дальнего Востока до 2050 года.

Автор книг: «Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегия», «Будущее России: инерционное развитие или инновационный прорыв?» (в соавторстве с Б. Н. Кузыком), «Прогноз технологического развития экономики России с учетом новых мировых интеграционных процессов», «Прикладное прогнозирование национальной экономики». В 2013 г. под редакцией академиков РАН В. В. Ивантера, А. Д. Некипелова и С. Ю. Глазьева был опубликован известный доклад «Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике».

В. В. Ивантер является главным редактором журнала «Проблемы прогнозирования» и Journal STUDIES ON RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT, профессором и членом Ученого совета Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, председателем научно-редакционного совета журнала «Экономическое возрождение России», членом редакционных советов в журналах: «Экономическая наука современной России», «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», «Журнал Новой экономической ассоциации», «Финансы и бизнес», «Экономика качества».

В. В. Ивантер – член Совета старейшин (Сената) Вольного экономического общества России.

***Редакция журнала «Экономическое возрождение России» поздравляет
Виктора Викторовича с 80-летием!***

**26 октября 2015 г. исполнилось
70 лет академику РАН
Андрею Афанасьевичу Кокошину –
выдающемуся российскому ученому
с мировым именем, крупному организатору
науки, признанному лидеру среди
исследователей в области комплексных
проблем национальной и международной
безопасности, видному государственному
и общественному деятелю**

В 1969 г. А. А. Кокошин окончил МВТУ (МГТУ) им. Н. Э. Баумана по специальности «радиоэлектронные устройства». В 1969–1972 гг. учился в аспирантуре Института США и Канады АН СССР (ИСКАН). После ее окончания работал младшим научным сотрудником, ученым секретарем, зав. отделом военно-политических исследований, заместителем директора ИСКАН. С 1992 по 1997 г. – первый заместитель министра обороны РФ; в 1997–1998 гг. – главный военный инспектор – секретарь Совета обороны РФ, затем секретарь Совета безопасности РФ. Курировал разработку и производство многих новейших систем вооружения, поступающих в настоящее время на вооружение в РФ, а также технологий двойного назначения; подготовил ряд государственных решений по ядерной политике РФ, по сохранению и развитию оборонно-промышленного комплекса страны, строительству Вооруженных сил РФ.

В 1998–1999 гг. – и. о. вице-президента РАН; с 1999 г. по настоящее время – депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ.

С 23.12.1987 г. – член-корреспондент РАН – Отделение экономики (мировая экономика, международные отношения).

С 25.05.2006 г. – академик РАН – Отделение общественных наук (секция философии, социологии, психологии и права).

С 14 декабря 2009 г. – академик-секретарь Отделения общественных наук РАН, член Президиума Российской академии наук.

За последние годы им глубоко разработаны проблемы теории и практики обеспечения устойчивого военно-стратегического равновесия (стратегической стабильности) с учетом комплекса технических, оперативно-стратегических, политических и экономических факторов; определены основные характеристики макроструктурных изменений в системе мировой политики, разработана типология ядерных конфликтов в международных отношениях XX–XXI вв.; разработаны вопросы методологии прогнозирования в интересах национальной безопасности России; определены параметры обеспечения реального суверенитета России в современной системе мировой политики. А. А. Кокошин – автор ряда важных разработок по проблемам неядерного стратегического сдерживания, имеющих большое прикладное значение для обеспечения обороноспособности России, а также исследований по малоизвестным аспектам отечественной политико-военной и военно-стратегической мысли.

Под руководством Кокошина разработаны математические модели, позволяющие определять ряд пороговых значений для равновесных и неравновесных состояний системы взаимодействия государств, обладающих разными по структуре, составу и техническим характеристикам стратегическими ядерными силами.

Значительная часть научных исследований выполнена на стыке естественно-научных и общественно-научных дисциплин совместно с такими выдающимися учеными, как Е. П. Велихов, Б. В. Бункин, Г. Г. Голицын, В. И. Гольданский, Н. Н. Моисеев, Р. З. Сагдеев, Б. В. Раушенбах и др.

Кокошиным определены закономерности взаимосвязи идеологии, политики и военной стратегии; разработаны теоретические и прикладные вопросы принятия стратегических решений в сфере национальной безопасности; определено соотношение системного и ментального подходов к исследованию проблем мировой политики и внешней политики отдельных государств.

Автор более 200 научных трудов, в том числе 28 монографий (из них 8 в соавторстве) по проблемам международной и национальной безопасности, теоретическим и прикладным вопросам стратегической стабильности, вопросам научно-промышленной политики. В их числе книги: «США в системе международных отношений в 1980-е годы» (1984); «Космическое оружие: дилемма безопасности» (в соавторстве, 1985); «Армия и политика. Эволюция советской военно-политической и военно-стратегической мысли, 1918–1991 годы» (1995); «Путь России в глобальной экономике» (1999); «Промышленная политика и национальная безопасность России» (в соавторстве, 2001); «Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России» (2003); «Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ» (в соавторстве, 2005); «Политология и социология военной стратегии» (2005); «Реальный суверенитет в современной мирополитической системе» (2006); «О стратегическом планировании в политике» (2007); «Размышления о технократах и технократии» (2008); «Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем» (2009); «Политика как феномен общественной жизни» (2010).

Многие труды А. А. Кокошина опубликованы не только в нашей стране, но и за рубежом: в КНР, США, Великобритании, Франции, Германии, Индии, Швейцарии, Венгрии, Казахстане, Белоруссии и других странах.

А. А. Кокошин, будучи профессором факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующим кафедрой проблем международной безопасности, ведет большую педагогическую работу по подготовке высококвалифицированных специалистов, молодого поколения ученых. С 2003 г. является деканом факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова (его деятельность была высоко оценена министром иностранных дел России С. В. Лавровым). Он создал на факультете научную школу по проблемам национальной и международной безопасности, которая в 2014 г. выиграла грант Президента России для ведущих научных школ по теме «Методология системного анализа практики применения инструментов «жесткой» и «мягкой» силы во внешнеполитических целях».

Неоднократно выступал с лекциями, проводил семинары и мастер-классы в ведущих университетах и исследовательских центрах различных стран мира: в Китайском институте международных стратегических исследований, в Гарвардском университете (США), в Стэнфордском университете (США), в индийском Институте стратегических исследований, в Стокгольмском международном институте проблем мира, в лондонском Международном институте стратегических исследований и др.

Член научного совета РАН по комплексной проблеме «Гидрофизика» (председатель совета – академик А. В. Гапонов-Грехов). Член научного совета Совета безопасности РФ.

Директор Института проблем международной безопасности РАН.

Председатель Совета по проблемам международной безопасности при Отделении общественных наук РАН.

Председатель Совета по научной и технической политике при Министерстве обороны РФ.

Действительный член Российской академии ракетно-артиллерийских наук, общественной российской Академии военных наук.

Имеет ранг Действительного государственного советника 1 класса (Указ Президента РФ от 28 августа 1997 г. № 947).

Удостоен наград: орден «Знак Почета», орден Почета, орден Дружбы, орден «За заслуги перед Отечеством» IV (1997) и III (2005) степеней, орден «Содружество» Парламентской ассамблеи СНГ (2007), почетный знак Государственной Думы ФС РФ «За заслуги в развитии парламентаризма»; награжден медалями и почетными знаками Совета безопасности РФ, Министерства обороны РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной пограничной службы РФ, почетным и именованным оружием Минобороны РФ и ФСБ РФ и др.

***Редакция журнала «Экономическое возрождение России» сердечно
поздравляет Андрея Афанасьевича с 70-летием!***

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

С. Д. Бодрунов,

директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте,
первый вице-президент Вольного экономического общества России,
доктор экономических наук, профессор

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ИНСТИТУТЫ

1. Постановка проблемы. Новая индустриализация как вызов парадигме «постиндустриализма»

Вышедшая полвека назад книга Дж. К. Гелбрейта «Новое индустриальное общество» [1] стала символом переосмысления современной автору производственно-экономической системы, прежде всего системы, сложившейся в США. Последующие десятилетия, казалось бы, отодвинули представления выдающегося ученого на второй план, однако последние годы заставляют усомниться в правильности выводов сделанных в 1990-е гг., когда мир оказался в плену идеи постиндустриализма. Парадигма отрицания ведущей роли материального производства, представленная в работах Д. Белла [2] и Э. Тоффлера [3], стала завоевывать все новых сторонников. Появились теории «информационного общества» и «информационной экономики», их продолжили концепции «общества (экономики) знаний», цифровой, дигитальной и т. п. экономики... Огромную популярность приобрели работы Сакайи, Кастельса и многих других [4–6]. В России весьма популярными стали работы известного экономиста В. Иноземцева – своего рода энциклопедии западного постиндустриализма [7, 8]. Однако мировые экономические и финансовые кризисы (сначала – конца 1990-х гг., затем – 2007–2009 гг.) охладили энтузиазм авторов и поклонников этих теорий. Движение «по ту сторону материального производства» обернулось не ростом эффективности, производительности и благосостояния, а экспансией посредничества, прежде всего финансового, ставшего немаловажным фактором кризиса 2007–2009 гг.

При этом материальное производство никуда не исчезло. Более того, за десятилетия кажущегося нарастания процесса «постиндустриализации» на мировом Юге и Востоке развернулась мощная волна индустриализации: резко увеличилась доля промышленного производства, возросли роль и доля в мировом «совокупном работнике» рабочих и инженеров, занятых в сугубо индустриальной сфере (см. таблицу).

К моменту выхода из мирового кризиса 2007–2009 гг. перед экономистами Севера открылась картина не просто догоняющего развития промышленного Юга, но и догнавшего их по ряду параметров мира бывших колониально-периферийных стран.

Мировая экономическая практика и призванная ее адекватно отражать теория столкнулись с вызовом новой индустриализации.

Распределение занятых по секторам экономики, весь мир и регионы, %

Страна	1998	2003	2004	2005	2006	2007	2008
<i>Промышленный сектор</i>							
Весь мир	21,1	20,7	21,1	21,5	22,1	22,7	23,2
Развитые страны и государства ЕС	27,9	25,6	25,3	25,0	25,0	25,0	25,1
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	27,7	25,6	25,3	25,5	25,5	25,4	25,3
Южная Азия	15,4	18,7	19,4	20,1	21,0	21,8	22,6
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,8	21,6	21,8	22,2	22,4	22,6	22,9
Северная Африка	20,0	19,2	19,7	20,8	21,7	22,7	23,6
Африка южнее Сахары	9,5	9,5	9,7	9,7	9,9	10,1	10,3
<i>Сектор услуг</i>							
Весь мир	38,1	40,7	41,5	41,9	42,4	42,9	43,3
Развитые страны и государства ЕС	66,3	69,8	70,4	70,8	70,9	71,1	71,2
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	45,5	51,7	52,6	53,2	54,2	55,1	56,0
Южная Азия	25,1	27,9	28,5	29,0	29,5	30,0	30,4
Латинская Америка и Карибский бассейн	56,8	59,0	58,9	58,9	59,6	60,3	60,9
Северная Африка	44,1	46,1	45,1	44,8	44,5	44,2	43,9
Африка южнее Сахары	22,9	25,1	25,9	26,3	26,7	27,4	28,0
<i>Аграрный сектор</i>							
Весь мир	40,8	38,7	37,5	36,5	35,5	34,4	33,5
Развитые страны и государства ЕС	5,8	4,6	4,3	4,2	4,0	3,9	3,7
Центральная и Юго-Восточная Европа (не члены ЕС) и СНГ	26,8	22,7	22,1	21,2	20,4	19,5	18,7
Южная Азия	59,5	53,4	52,1	50,8	49,5	48,2	46,9
Латинская Америка и Карибский бассейн	21,4	19,4	19,3	18,9	18,0	17,1	16,2
Северная Африка	35,9	34,7	35,3	34,5	33,8	33,1	32,4
Африка южнее Сахары	67,6	65,4	64,4	64,0	63,4	62,5	61,7

Источник: Глобальные тенденции занятости. 2009 г. Январь. / Международная организация труда. Geneva: ILO, 2009. С. 36.

2. Гелбрейт возвращается?

Напомним ныне изрядно подзабытые положения работы Дж. К. Гелбрейта [1]. Рассмотрим параметры, позволяющие наиболее адекватно отразить взаимосвязь материально-технических и собственно экономических сторон, определяющих специфику того или иного типа экономики. Выделение этих параметров базируется на основных положениях работ С. Ю. Глазьева, А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [9, 10].

Начнем анализ с характеристики изменений, происходящих в материально-технической базе экономики. Гелбрейт начинает с фиксации того, что в материальном производстве происходит «применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства. Машины заменили примитивный ручной труд, и, по мере того как они все шире используются для управления другими машинами, они начинают выполнять более простые функции человеческого мозга» [11, с. 28]. Эти процессы вызывают укрупнение производства, что требует все более значительных вложений капитала и все более высококвалифицированных специалистов. Результат (напомним, речь идет об экономике середины XX в.) – развитие крупных корпораций как основного типа хозяйственных организаций, господствующих в экономике и способных привлечь необходимый капитал; с точки зрения Гелбрейта, именно они в середине XX в. могли мобилизовать рабочую силу требуемой квалификации и обеспечить научно-технический прогресс.

Другой стороной этой медали стал феномен, который Дж. Гелбрейт обозначил как *упадок профсоюзов*. «Число членов профсоюзов в США достигло максимума в 1956 г. С тех пор занятость продолжала расти, а число членов профсоюзов в целом уменьшалось» [11, с. 30]. Однако еще более значимыми стали *структурные изменения в профессиональном составе рабочей силы*. Существенно возросло число лиц, желающих получить высшее образование, при этом рост реальных возможностей для его получения оказался недостаточным.

На основе описанных выше технологических изменений, а также изменений в масштабе и структуре производства и занятости возрастает роль корпораций как базовой формы организации производства на уровне основного производственного звена и расширяются сферы их деятельности. «Семьдесят лет назад, – пишет Гелбрейт, – деятельность корпораций ограничивалась такими отраслями, в которых производство должно вестись в крупном масштабе (железнодорожный и водный транспорт, производство стали, добыча и переработка нефти, некоторые отрасли горнодобывающей промышленности). Теперь корпорации охватывают также бакалейную торговлю, мукомольное дело, издание газет и увеселительные предприятия – словом, все виды деятельности, которые некогда были уделом индивидуального собственника или небольшой фирмы» [11, с. 30].

Становится совершенно очевидным начавшееся задолго до этого *разделение предпринимателя-собственника, организатора производства и получателя дохода*. Гелбрейт, продолжая размышления ряда авторов начала XX в. (Т. Веблен, А. Берли, Г. Минз, С. Чейз и др.) и в чем-то пересекаясь с идеями К. Маркса о разделении капитала в акционерных обществах на капитал-собственность и капитал-функцию, отмечает, что в начале XX в. «корпорация была инструментом ее владельцев и отражением их индивидуальности. Имена этих магнатов – Карнеги, Рокфеллер, Гарриман, Меллон, Гугенгейм, Форд – были известны всей стране. Они и сейчас известны, но главным образом благодаря художественным галереям и благотворительным фондам, основанным ими или их потомками, которые подвизаются ныне в сфере политики. Те, кто возглавляет теперь крупные корпорации, безвестны. В течение жизни нынешнего поколения люди, живущие за пределами Детройта и не связанные с автомобильной промышленностью, не знали, кто в данный момент возглавляет корпорацию “Дженерал моторс”» [11, с. 30]. Эта тенденция, ныне общеизвестная и несколько абсолютизируемая Дж. Гелбрейтом, с одной стороны, стимулирует повышение эффективности деятельности за счет распределения функциональных обязанностей между специалистами и ши-

рокого привлечения профессионалов к деятельности по управлению. Однако, с другой стороны, рост власти технократии скрывает и иной процесс – все большую концентрацию капитала в одних руках, ибо топ-менеджеры, несмотря на их гигантские доходы, остаются в основном «функцией» от деятельности реальных хозяев корпорации. В этом смысле вывод Дж. Гелбрейта о том, что в корпорациях и в экономике на первую позицию к власти приходит технократия, является, на наш взгляд, односторонним.

Рост корпоративного капитала привел к изменению экономической роли государства. В новых условиях (для Гелбрейта это была середина XX в.) «государство берет на себя задачу регулирования совокупного дохода, расходуемого на приобретение товаров и услуг, в масштабе всей экономики. Оно стремится обеспечить достаточно высокий уровень покупательной способности, позволяющий реализовать всю продукцию, которую может произвести существующая в данный момент рабочая сила» [11, с. 29]. Вследствие этих изменений, во-первых, существенно *возросла роль планирования*. «Привлечение крупного капитала и соответствующая организация производства требуют – задолго до того, как можно будет воспользоваться его результатами, – предвидения и, более того, принятия всех возможных мер, которые гарантировали бы, чтобы это предвидение действительно сбылось», – таков весьма важный вывод Дж. Гелбрейта [11, с. 31]. Во-вторых, *потребительский спрос стал объектом управления*. Гелбрейт справедливо подчеркивает, что характер техники и связанные с ней потребности в капитале, а также время, которое занимают разработка и производство продукции, диктуют необходимость государственного регулирования спроса.

Корпорация, рассматривающая вопрос о производстве автомобиля новой модели, должна иметь возможность убедить людей купить его. Столь же важно, чтобы население располагало необходимыми для этого средствами. Это приобретает решающее значение, когда производство требует весьма крупных и долгосрочных капиталовложений, а продукция может с равной степенью вероятности попасть на рынок и во время депрессии, и во время подъема. Таким образом, возникает необходимость стабилизации совокупного спроса. И роль *формирования спроса* (а не только его учета) выполняют и государство, и – что еще более важно – корпорации. Последний вывод особо выделяет Гелбрейт: «Решения о том, что подлежит сбережению, принимаются главным образом несколькимистами крупных корпораций. Решения о том, куда будут направлены капиталовложения, принимаются примерно таким же числом крупных фирм, а также теми из (значительно большего числа) частных лиц, кто покупает жилища, автомобили и электробытовые приборы. Не существует рыночного механизма, который согласовывал бы решения о сбережениях с решениями о капиталовложениях» [11, с. 60].

Последний вывод в эпоху возвращения нелиберальной модели рыночной экономики многие экономисты [12], да и сам Дж. Гелбрейт признали некоторым преувеличением, но в ряде стран он вновь становится актуальным.

В итоге Гелбрейт приходит к заключению: имеется глубокое концептуальное различие между малым предприятием, находящимся полностью под контролем отдельного лица и обязанным всеми своими успехами этому обстоятельству, и корпорацией. Это отличие можно рассматривать как рубеж, отделяющий миллионы мелких фирм от тысячи гигантов, он лежит в основе широкого *разделения экономики на «рыночную» и «планирующую системы»*.

Многие из этих, не случайно нами систематизированных и пространно цитируемых положений вновь становятся актуальными, хотя ряд из них – будем откровенны – изрядно устарел.

Чтобы отделить «зерна от плевел» и пойти дальше, рассмотрим основные положения и аргументы постиндустриальных критиков материального производства. В основу обобщения и систематизации их взглядов положим те же основные параметры, что и в случае анализа работы Дж. К. Гелбрейта.

3. Утопия постиндустриализма: «общество услуг» и «информационная экономика»

В работах авторов, относимых нами к «постиндустриальной волне», при всем их разнообразии прослеживается ряд основополагающих характеристик описываемого ими (с разной степенью детализации и аргументации) нового качества общества и экономики. Прежде всего, как правило, речь идет о сдвиге в *технологиях* и *структуре экономики*.

Что касается первого, то распространение компьютерных технологий, а позднее – интернета, стало отличительной чертой нового качества экономической и общественной жизни последних десятилетий. Что до второго, то начиная с работ Д. Белла [13, 14] рост сферы услуг и сокращение доли материального производства стали рассматриваться как одна из фундаментальных, определяющих черт нового тренда. И действительно, на протяжении XX в. в соотношении названных сфер практически во всех развитых странах произошли существенные изменения (см. таблицу). К 1970–1980 гг. роль материального производства (судя по его доле в ВВП и численности занятых) резко снизилась. Абсолютно доминирующим стал сектор услуг, в котором создается более 70 % ВВП развитых стран и занято более 75 % работников [15, p. 25].

Большинство этих исследователей не оставили без внимания такие принципиальные проблемы, как *структура сектора услуг* и *содержание труда занятых в нем работников*. Однако, подчеркивая существенные различия между разными секторами сферы услуг и характером деятельности в этих секторах, постиндустриалисты ограничивались, как правило, демонстрацией оптимизма по поводу бурного роста информационных, коммуникационных, профессиональных услуг.

Вторым важнейшим отличительным параметром постиндустриальной системы является принципиально новый *тип ресурсов*. Основным и ресурсом, и продуктом постиндустриальной экономики становится информация, что подчеркивают Кастельс, Сакайя и многие другие авторы [16–19]. Этот сдвиг, имеющий огромное значение, существенно отличает экономику конца XX – начала XXI в. от хозяйства полувековой давности и лежит в основе многих других выводов, касающихся постиндустриальной экономики. Действительно, информация обладает рядом свойств, существенно отличающих ее от материального продукта [20, 21]. Она не исчезает при ее потреблении, затраты на ее производство несоизмеримо выше затрат на ее тиражирование [22], ее создание предполагает наличие высокообразованного работника; даже ее потребление во многих случаях требует значительных способностей [23, p. 174; 24, p. 11].

Соответственно, *господствующим типом работника* в постиндустриальной информационной экономике, с точки зрения ее теоретиков, должен был стать профессионал, как правило, с высшим образованием, являющийся собственником определенной рабочей силы и «человеческого капитала» – особого не только производственного, но и инвестиционного ресурса. Отсюда – вывод многих авторов постиндустриальной волны о движении к «обществу профессионалов» [25, 26, с. 145] и т. п.

В мире производства информации высококвалифицированным профессионалом (собственником человеческого капитала) предполагалось кардинальное измене-

ние *первичного звена экономики*: на смену крупным производственным комбинатам должны были прийти индивидуальные «электронные коттеджи», связанные между собой паутиной всемирной сети. Следствием этого, равно как и новых компьютерных и интернет-технологий, должен был стать преимущественно *сетевой принцип структурирования экономики и общества*.

В то же время в экономических отношениях кардинальные изменения не предполагались. Более того, новая структура экономики, новые компьютерные и интернет-технологии, индивидуализация производства и возрастание роли отдельного работника – все это должно было стать (и отчасти стало) основой снижения роли государства (как регулятора экономики и социального протектора) и своеобразного ренессанса *рыночных отношений и частной собственности*. Предполагались также ренессанс мелкого индивидуального частного предпринимательства и распространение частной собственности, в частности на *интеллектуальную продукцию*.

Конечным результатом всех изменений должна была стать *новая социальная структура*, а господствующим фактором формирования страт – *знания*. Распространение в конце XX в. информационных технологий, процессов миниатюризации, гибких производственных систем и т. п. стимулировало развитие внекорпоративных способов организации труда. Большинство западных и отечественных ученых, изучающих этот феномен, отмечают развитие форм свободного от капитала интеллектуального труда. Один из примеров критического анализа этих процессов отмечается в работе [27].

В какой же мере оказалась реальной эта теоретическая конструкция? В последние годы этот вопрос вызывает острые дискуссии.

Неолиберальная модель рыночной экономики, ставшая господствующей в конце XX – начале XXI в., во многом опиралась на представления о новой технологической основе экономики. Считалось, что для постиндустриальной, информационно-сетевой технологической основы адекватным является строй, в котором основной сферой бизнеса является сфера услуг, главным пространством накопления капитала – финансовые трансакции, а господствующим механизмом обеспечения сбалансированности и роста – свободный рынок, распространяющийся на все сферы жизни общества. Доминирование этой позиции, не случайно называемой многими учеными «рыночным фундаментализмом» [28, с. 59–72], сопряжено с рядом специфических процессов:

- процесс *финансиализации* не только привел к расширению сферы жизнедеятельности финансовых институтов, но и стал новым фактором формирования специфической модели регулирования экономики, отношений собственности и т. п. [29]. В частности, произошли существенные изменения в выборе приоритетов инвестиций (они стали все чаще направляться из производственной сферы в сферу финансовых трансакций), перемещение контроля за собственностью и основных прав собственности к финансовым институтам, ускоренное развитие финансовой сферы как одного из основных (а в ряде случаев – основного) источников роста ВВП и т. п. Все это привело к раздуванию «финансовых пузырей» и – через ряд опосредований – к мировому не только финансовому, но и экономическому кризису;

- следствием «постиндустриальной волны» стали массовый дрейф производственных мощностей индустриального сектора в страны Юга/Востока и *ускоренная индустриализация полупериферийных* (а затем – и *периферийных*) стран, захватившая едва ли не половину населения планеты; *рост гео-политико-экономического влияния* и могущества Китая, Индии и в целом сообщества БРИКС, который оказался крайне важным фактором, определившим новые вызовы для стран «Центра»;

• в экономиках многих стран Севера (прежде всего в США) развернулся процесс *деиндустриализации* [30], который привел к формированию совершенно нового фактора мирового гео-политико-экономического развития – возникновению *производственной зависимости стран Центра от стран периферии*. Добавим к этому формирующийся как реальность выход Китая на современные рубежи производства высокотехнологичной продукции, что позволит второй экономике мира избавиться от технологической зависимости от экономик Центра, и получим еще один вызов, заставляющий теоретиков и практиков развитых экономик задуматься о проблемах **восстановления материального производства**, развития **новой индустриальной экономики**.

Эта проблема крайне актуальна не только для США и ЕС, но и для многих стран постсоветского пространства, в частности Российской Федерации, где процессы деиндустриализации зашли чрезвычайно далеко [30, 31].

Таким образом, перед нами в полный рост встает вопрос о грядущем (или уже возникающем?) **облике нового индустриального общества** – назовем его **НИО-2**.

4. «Новое индустриальное общество – 2»: параметры генезиса

Заметим, что при всех изменениях в материальном производстве за последние 100 лет (сокращение его доли в ВВП, «информационная революция» и др.) *она остается основой существования экономики*, являясь *по преимуществу индустриальным производством*, обеспечивающим непрерывный рост производительности труда в материальном производстве на основе научного и технологического прогресса, и таким образом создает возможность роста занятости в сфере услуг.

История конца XX – начала XXI в. не подтверждает тезис о якобы состоявшемся переходе человечества к какому-то иному, не основанному на технологической, индустриальной основе, типу удовлетворения потребностей общества. Это не исключает того, что материальное производство создает новую технологическую базу всей экономики и общества, обретая качественно иной технологический, институциональный характер и т. д.

Принципиальная ошибка «постиндустриалистов», на наш взгляд, заключается в том, что, исследуя тенденции развития экономики и общества, они стали рассматривать не столько качественные изменения во всех компонентах индустриального производства, сколько традиционные количественные экономические характеристики и показатели отраслевой структуры выпуска и занятости. Между тем главными в экономике, как показывает современный опыт, оказались *качественные изменения в самом материальном производстве* (в технологиях, характере индустриального труда, организации производства и управлении им и, конечно, в индустриальном продукте/услуге), происходящие в процессе генезиса шестого и последующих технологических укладов.

Такой взгляд на изменения в экономике последних десятилетий обусловлен давно доказанным положением: *именно господство индустриального способа производства определяет широчайшие масштабы технологического применения научного знания, постоянные «перевороты» в технологической основе не только индустрии, но и всей экономической и общественной жизни*.

Это, в свою очередь, ведет к расширению возможностей удовлетворения материальных (и не только материальных) потребностей людей и формированию принципиально новых потребностей. В результате меняются характеристики человеческой жизни. Изменения затрагивают, во-первых, содержание деятельности человека в ра-

бочее время, уровень его квалификации, образования и культуры; во-вторых, они изменяют качество и структуру потребления, черты повседневного быта, содержание и формы досуга. В результате меняется облик социальной среды и, в конечном счете, общественное устройство. Именно возрастание роли технологического применения научных знаний в материальном производстве меняет характеристики общества, основанного на индустриальном способе производства, приводя нас к выводу о новом индустриальном обществе.

Ошибочно полагать, что новое индустриальное общество XXI в. будет воссозданием позднеиндустриальной системы середины XX в., описанной Дж. К. Гелбрейтом. Это может произойти только там, где недалековидные «эконом-политики» не смогут найти выход из тупиков постиндустриализма и обрекут свою страну на новую (точнее – совсем старую) модель догоняющего развития. В конечном счете «догоняющий» окончательно и безнадежно отстанет от передовых экономик.

Новое индустриальное общество и экономика XXI в. должны стать «*отрицанием отрицания*», диалектическим «снятием» и позднеиндустриальной системы, описанной Дж. Гелбрейтом, и информационно-постиндустриальных трендов, описанных Беллом & Со – «снятием», содержащим отрицание ошибочных, регрессивных или отживших черт как позднего индустриализма, так и постиндустриализма.

Что может представлять собой такое «отрицание отрицания»? Не будучи склонны к футурологии, мы предлагаем проанализировать *реальные тренды* возрождения материального производства. Используя предложенную выше методологию, обратимся к изменениям в *технологиях*. В отличие от футурологов постиндустриальной волны, обратим внимание на те изменения в *сфере материального производства*, которые уже стали (или становятся) *реальностью*. На первое место поставим справедливо подчеркнутое теоретиками-«постиндустриалистами» возрастающее значение информационных технологий. Заметим, что мы также это неоднократно отмечали [20–22]. Однако, из этого не следует вывод об отмирании определяющей роли собственно материального производства, напрашивается иной вывод – о *непрерывном росте «знаниеемкости» материального производства*.

Необходимо не просто фиксировать возросшее значение информации и говорить не столько о производстве информации, сколько о *новом типе материального производства*. Смысл этого перехода состоит в следующем: количественный рост роли информации и знаний в сфере материального производства (в котором используются новые технологии – результат научных разработок), включающего и управление, и повышение квалификации, и иные сферы материального производства, где знание является как результатом, так и продуктом этого производства, приводит к качественному скачку. Главную роль в материальном производстве начинают играть знаниеинтенсивные и знаниеемкие компоненты. К последним следует отнести не только знаниеемкие продукты, но и высококвалифицированных работников, высокотехнологичное оборудование и даже «сырье», включающее программное обеспечение, скажем, для современных станков или процесса управления.

Различия между нашим подходом и подходом «постиндустриалистов» существенны. К примеру, создание информации, как показывает практика современной глобальной экономики, во многих случаях оборачивается производством «информационного шума», не только не способствующего росту производительности труда, прогрессу человеческих качеств, решению социальных и экологических задач, но, напротив, содействующего использованию ресурсов экономики на создание знаков [32], си-

мулякров полезных благ [33]. Такая «информационная экономика» – это просто иное название процессов финансиализации, ускоренного роста посредничества, шоу-бизнеса, вытесняющего реальную культуру, и т. п. Более того, подобная «информатизация» ведет к виртуализации общественного бытия, разрушая личность, духовный мир, социальные связи, единство народов и государств.

Знаниеинтенсивность технологий материального производства – это существенно иной процесс, в котором синтезируются достижения индустриальной и информационной экономики. Этот критический синтез осуществляется в процессе современного высокотехнологичного производства. В таком производстве определяющую роль начинают играть операции и процессы, в которых человек выступает не придатком машины (станка, конвейера), а *носителем знания*, трансформируемого в процессе производства в технологии – «человек становится рядом с производством» и «относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик» [34, с. 213], что позволяет говорить о «*знаниеемкости*» *материального производства* и его *продукта*.

На этой основе формируется принципиально *новый тип материального производства*, а именно – **знаниеинтенсивное производство**. Его основными чертами становятся:

- непрерывное повышение информационной и снижение материальной составляющей; миниатюризация, тенденция к снижению энерго-, материало- и фондоемкости продукции;
- особенности *производственного процесса* и тенденции развития *технологий* – гибкость, модульность, унификация и т. д.;
- *сетевая модель структуризации* производственной кооперации, идущая на смену вертикально-интегрированным структурам;
- использование *современных методов организации производства и управления* – «just-in-time», «lean-production» и др.¹;
- экологическая чистота и ориентация на *новые источники энергии*;
- развитие *качественно новых технологий в самом материальном производстве*, транспорте, логистике (нанотехнологии, когнитивные технологии и т. п.);
- *сокращение роли традиционной обрабатывающей промышленности* (в том числе за счет замены технологий обрабатывающей промышленности на аддитивные);
- упор на *качество и эффективность*.

Знаниеемкий материальный продукт – новое качество главного ресурса и результата новой индустриальной экономики XXI в. Ему присущи многие отличительные черты как информационного, так и «обычного» материального продукта. От первого знаниеемкий продукт наследует значительную информационную составляющую, многие ее свойства и проблемы; от второго – реальную, предметную полезность такого результата (продукта) и ресурса производства для развития как собственно материального производства, так и человеческих качеств, не-симулятивность его общественной роли.

¹ Об этих моделях организации производства, развивающихся на протяжении четверти века и обретающих новое лицо в связи с развитием суперсовременных технологий, подробнее см.: Ohno, T. Just-In-Time for Today and Tomorrow. Productivity Press, 1988; Wadell, W., Bodek, N. The Rebirth of American Industry. PCS Press, 2005; Malakooti, B. Operations and Production Systems with Multiple Objectives. New York, 2013; J. Wiley & Sons, Tillema S., Steen M. Co-existing concepts of management control: The containment of tensions due to the implementation of lean production // Management Accounting Research. Vol. 27. June 2015.

Выражаясь философским языком, любой продукт представляет собой опредмеченное человеческое знание. Это понятие можно рассматривать с чисто количественной стороны: сколько ступеней переработки прошли исходное сырье и материалы до превращения в конечный продукт, сколько различных технологий при этом использовалось. Но гораздо важнее качественная оценка уровня продукта. Общей тенденцией в развитии индустриального производства является существенное снижение необходимости привлечения «натуральной» энергии и природных сил для производства продукции. При этом, как правило, уменьшается удельный расход сырья и материалов и одновременно резко возрастает доля знаний, применяемых при производстве продукта.

Поясним. Технологическое применение знания, или технология как элемент производственного процесса имеет две стороны: материальную (используемые работники, оборудование, приспособления, устройства, приборы, исходные материалы) и нематериальную, представляющую собой знание об оптимальном использовании материальной компоненты технологии. В конечном счете *именно знания, имплементированные в продукт, определяют его специфические качества, потребительские свойства и характеристики, его способность удовлетворять все более сложные потребности человека*. Иными словами, доля знаний в индустриальном продукте характеризует уровень его сложности (в частности, знаниеемкости) или просто *уровень продукта*: увеличение/снижение доли знаний ведет к повышению/снижению уровня сложности (*комплицированию/декомплицированию*) продукта.

Более того, перечисленные изменения в материальном производстве ведут к *повышению уровня сложности потребностей индивида и общества, точнее, к нелинейному, но непрерывному росту этого уровня*. Новое содержание труда, новые технологии, более сложные продукты генерируют все более сложную систему производственных и непроизводственных потребностей всех акторов экономики – от индивида до национальных хозяйственных систем и глобальных игроков.

Новая ступень развития индустриального общества (НИО-2) характеризуется не просто повышением уровня индустриального продукта и потребностей, изменениями в содержании труда, возрастанием значения совершенствования технологий, ростом удельного веса применяемых знаний, информационной компоненты и т. д. Принципиальное значение приобретает тенденция к *нарастанию темпов технологических изменений*, происходящих со все большим ускорением, «ускорением ускорения». Растет то, что условно можно назвать не только первой, но и второй производной функции технологического прогресса.

Последнее становится характерным признаком, принципиальной особенностью экономической системы грядущего общества. Наука в таком обществе – это не просто производительная сила, о чем писал еще К. Маркс. Наука все в большей степени выполняет не только традиционную роль производителя и переработчика знаний, но также их сублиматора и провайдера в индустриальный продукт и далее – в потребление и новый цикл производства. Она становится основной производительной силой – основной силой материального производства.

При этом принципиально важное значение приобретает *темп* перевода научных достижений в индустриальное производство, во все его компоненты, в индустриальный продукт. Успеха все чаще добиваются те, кто умеет максимально объединить науку и производство будущего; отсюда – *принципиальная важность интеграции производства, науки и образования*. В результате индустриальное производство приобретет характер непрерывной инновации. Признаки приближения такого этапа развития ин-

дустриального производства налицо, в частности, уже сегодня огромное значение приобретает такой элемент инновационной деятельности, как трансфер технологий, непрерывность его включения в производственный процесс в качестве неотъемлемого элемента современной эффективной производственной деятельности.

Возрастание роли знаниеемких технологий, соответствующих им ресурсов и результатов производства, необходимость ускорения темпа их развития и совершенствования вносят изменения в макроструктуру экономики. На смену «классической» индустриальной системе с абсолютным доминированием промышленного производства и «обществу услуг», в котором отрасли сервиса вытесняют материальное производство, приходит **новая индустриальная экономика второго поколения**. В ней доминирующее положение должны занять отрасли, в которых производится знаниеемкий продукт как таковой, а также те, где создаются само знание и человек, способный этим знанием овладеть и применить его в материальном производстве [35]. Не требуется особых доказательств, чтобы сделать вывод: основой экономики XXI в. должен стать единый комплекс, объединяющий на микро- и макроуровнях *высокотехнологичное материальное производство, создающее знаниеинтенсивный продукт; науку, создающую ноу-хау; образование и культуру, формирующие человека, обладающего знаниями и способного их применить в производстве.*

Так формируются три основных сферы нового общественного производства. Основной из них является собственно материальное производство (в этом мы согласны с положениями классической политической экономии). Заметим, что, с точки зрения ряда известных ученых, в частности А. В. Бузгалина и А. И. Колганова, приоритетом развития экономики должно быть не материальное производство, а то, что они называют «креатосферой» [36, 37], включая в это понятие образование, науку и культуру. Промышленности, строительству, транспорту, сельскому хозяйству и т. д. отводится роль «обслуги», работающей по заказу «хомо креаторов». Более того, в рамках этой модели, насколько мы понимаем, явно принижаются роли рынка и производственного частного бизнеса, в то время как функции государства, гражданского общества, планирования получают существенно расширительное толкование [38, 39].

Безусловно, нельзя недооценивать роль образования и науки, и мы об этом не раз писали. Более того, в ряде предшествующих публикаций нами подчеркивалась важность ПНО-интеграции [40]. При этом нельзя забывать о мере: «забегающие вперед», оторванные от материальной базы и теоретически «красивые», но фактически нереализуемые и рискующие превратиться в утопию рекомендации могут стать теми самыми благи́ми намерениями...

После краткого отступления, касающегося проблемы определения приоритетного сектора, вернемся к особенностям **генезиса нового индустриального общества**. Как мы заметили выше, материальное производство имеет в этих условиях *качественно новую природу*. Новое индустриальное производство отличается от классического прежде всего своим *содержанием* – новым типом технологий, ресурсов и результатов, а также тесной интеграцией с наукой и образованием, а от «постиндустриального» – тем, что, пройдя по спирали «отрицания отрицания», восстанавливает определяющую роль собственно материального производства, вытесняющего псевдопроизводительные компоненты сферы услуг и посредничества, а также искусственно-виртуальные области производства симулятивных благ. В данном случае речь идет не о сокращении сферы услуг, служащих развитию человеческих качеств и удовлетворению социальных потребностей, а об ограничении отраслей, в которых не создаются блага, способ-

ствующие личностному и социальному прогрессу. Подчеркнем, что механизмы такого ограничения должны быть не директивными, а экономическими и формироваться самим обществом, как формируются механизмы ограничения курения, потребления алкоголя и т. п.

Новая индустриальная экономика XXI в. формирует новый тип работника. И здесь следует использовать (после критического осмысления) достижения развитых экономических систем, в которых сформировались определенные черты «общества профессионалов». Бесспорно, высокий уровень профессионального образования – это то «наследие», которое новая экономика возьмет из «информационной» эпохи. Однако и здесь должны произойти существенные изменения: *главными профессионалами наступающего нового индустриального производства должны стать не менеджер, маркетолог и финансист, а инженер, ученый и педагог.* Существенно изменяется облик индустриального рабочего: на смену малообразованному и малоквалифицированному человеку приходит рабочий, имеющий специальное образование и высокую профессиональную квалификацию, которую он регулярно повышает. В условиях такого материального производства ученый, инженер и рабочий становятся участниками не только собственно производственного процесса, но и процесса *образования через всю жизнь*, о котором справедливо пишут О. Н. Смолин [41] и его коллеги.

В результате перечисленных изменений в содержании и структуре общественно-го производства **основным производственным звеном** *новой индустриальной экономики XXI в. становится комплекс, интегрирующий производство, науку и образование в едином воспроизводственном процессе на микроуровне.* Такие комплексы могут стать основой формирования ПНО-кластеров, соединяющих производственные предприятия, центры НИОКР и образовательные организации в рамках единой «инфра- и ультраструктуры». Их прообразом могут служить как некоторые научно-производственные объединения советской эпохи (в частности, те, на которых реализовывались космические, атомные и другие проекты) [42], так и зарубежные технопарки, иные формы интеграции производства, науки и образования типа «силиконовой долины». Такого рода кластеры в последние годы создаются/воссоздаются и в России.

Изменения в содержании и структуре общественного производства приведут к соответствующим **изменениям в системе экономических отношений и институтов.** Новая индустриальная экономика XXI в., предполагающая возрождение *в новом качестве* черт прошлого, обуславливает *новые вызовы* к развитию начал рыночного саморегулирования и частной собственности, с одной стороны, и государственного воздействия на экономику – с другой.

Действительно, индивидуализация, гибкость и знаниеемкость производства, широкое использование в материальном производстве (и продолжающем его обмене) интернет-технологий, возрастание роли индивидуальных профессиональных качеств – все это создает новые импульсы для развития малого и среднего бизнеса и обуславливает необходимость развития экономической свободы. Первостепенную важность в этих условиях приобретают личный опыт, энергия и талант предпринимателя-новатора.

В этом смысле новая индустриальная экономика XXI в. также есть «отрицание отрицания» эпохи «классического» индустриального и начала позднеиндустриального капитализма, в рамках которой происходило становление индустриальных империй Форда, Круппа, Бенца, создавались промышленные структуры Морозова и других предпринимателей-новаторов России. Но у новой индустриальной экономики XXI в. есть и *принципиальное отличие* от той эпохи.

Во-первых, современные вызовы обуславливают необходимость развития во многих сферах *общественно-государственной системы хозяйствования*. Среди них далеко не последнее место занимают проблемы формирования в качестве одной из основных отраслей современного производства фундаментальной и прикладной науки, а также задачи развития массового общедоступного профессионального и высшего образования в единстве с постоянным повышением квалификации работников.

Во-вторых, цели развития сложных интегрированных производственных единиц (ПНО-кластеров) и макроэкономической интеграции производства, науки и образования; проблемы существенной структурной перестройки современных экономик; задачи вытеснения гипертрофированно развитых сфер посредничества обуславливают необходимость использования *активной государственной промышленной политики и долгосрочного инвестиционного государственно-частного партнерства*. Соответствующим образом в этих условиях должны строиться все остальные сферы государственного регулирования экономики (эти задачи уже решаются, в частности в Китае).

В-третьих, существенные требования к экономическим отношениям и институтам предьявляет переход к *массовому созданию и использованию знаниеинтенсивных продуктов*. Синтетическая природа такого продукта обуславливает многие *изменения в системе экономических отношений и институтов*. В частности, собственность на такой продукт включает в себя систему прав, охватывающих как собственно материальный объект, так и его интеллектуальную составляющую. Не секрет, что в стоимости высокотехнологичных изделий (от современных авиалайнеров до сложных лекарственных препаратов) расходы на разработку технологий и охрану прав интеллектуальной собственности сравнимы с расходами на их производство, а в ряде случаев – выше последних. Отсюда, в частности, важность развития института интеллектуальной собственности для новой индустриальной экономики, чему в России пока не уделяется должного внимания [43, 44].

Новая индустрия обуславливает необходимость формирования нового облика и рынка, и государственного регулирования, и частного предпринимательства, и государственной собственности. Какими должны быть эти институты? Автор данного текста вместе со своими коллегами ищут ответ на данный вопрос уже не один год. Некоторые решения уже получили достаточно законченный вид и аргументированы в работах Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте (Санкт-Петербург), где читатель может найти конкретные предложения по *обновлению российской (и не только) экономической системы в соответствии с вызовами новой индустриальной эпохи*; над другими аспектами проблемы еще идет работа, результаты которой будут изложены в отдельной монографии.

Список литературы

1. *Гэлбрейт, Дж.* Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969.
2. *Bell, D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. – New York.: Basic Books, 1973.
3. *Toffler, A.* The Third Wave / A. Toffler. – L.: Pan Books Ltd in association with William Collins Sons & Co. Ltd, 1980.
4. *Сакайя, Т.* Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего / Т. Сакайя // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.

5. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М.: Айрис-Пресс, 2006.
6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М.: Логос, 2000.
8. Иноземцев, В. Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия / В. Л. Иноземцев. – М.: Экономика, 2003.
9. Глазьев, С. Ю. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С. Ю. Глазьев, В. В. Харитонов (ред.). – М.: Тривант, 2009.
10. Колганов, А. И. Экономическая компаративистика. Сравнительный анализ экономических систем / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин. – М.: ИНФРА-М, 2005.
11. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008.
12. Бодрунов, С. Д. Корпоративный менеджмент постиндустриального общества / С. Д. Бодрунов, С. П. Крюков, Л. Н. Александровская, А. П. Захаревич, В. И. Круглов. – СПб.: Корпорация «Аэрокосмическое оборудование», 2005. – 612 с.
13. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество / Д. Белл. – М., 1999.
14. Белл, Д. Постиндустриальное общество / Д. Белл // Американская модель: с будущим в конфликте. – М., 1984.
15. World employment and social outlook 2015: The changing nature of jobs / International Labour Office – Geneva: ILO, 2015.
16. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. – М.: Академия, 1999.
17. Кастельс, М. Сетевое общество. – М., 2001.
18. Sakaya, T. The Knowledge–Value Revolution or a History of the Future. – Tokyo-N.Y., 1991.
19. Masuda, Y. The Information Society as Post-Industrial Society. – Washington, 1981.
20. Бодрунов, С. Д. Инфомаркетинг / С. Д. Бодрунов. – Гомель: БелАНТДИ, 1995. – 176 с.
21. Бодрунов, С. Д. Маркетинг информационных услуг: модели управления / С. Д. Бодрунов. – М.: Экономика; Луч, 1993. – 127 с.
22. Бодрунов, С. Д. Организация маркетинговой деятельности информационных предприятий: дис.... канд. экон. наук / С. Д. Бодрунов; Росс. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. – М., 1990. – 232 с.
23. Mulgan, G. J. Communication and Control: Networks and the New Economics of Communication / G. J. Mulgan. – Oxford: Polity, 1991.
24. Crawford, R. In the Era of Human Capital / R. Crawford. – N. Y., 1991.
25. Сергеева, И. Материальные и нематериальные факторы мотивации труда / И. Сергеева, В. Быков // Человек и труд. – 2010. – № 9. – С. 43.
26. Иноземцев, В. Л. Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное» общество (К проблеме социальных тенденций XXI века) / В. Л. Иноземцев // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3.
27. Rifkin, J. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Down of the Post-Market Era / J. Rifkin. – N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1995.
28. Гринберг, Р. С. Большой кризис: пора уходить от радикального либерализма // Главная книга о кризисе / под ред. А. В. Бузгалина. – М.: Яуза; Эксмо, 2009.
29. Lapavistas, C. Financial Profit: Profit from Production and Profit upon Alienation / C. Lapavistas, I. Levina // Research on Money and Finance. – 2010. – November.

30. *Бодрунов, С. Д.* Реиндустриализация российской экономики – возможности и ограничения / С. Д. Бодрунов // Науч. тр. Вольного экономического общества России. – № 1 /2014. Т. 180. – М., 2014. – С. 15–46.

31. *Бодрунов, С. Д.* Реиндустриализация в РФ должна опираться на комплексную и активную промышленную политику (дискуссионные ремарки в связи с докладом доктора Рудольфа Трауба-Мерца «Нефть или автомобили. О возрождении промышленности в России») / С. Д. Бодрунов // Науч. докл. Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте; под общ. ред. С. Д. Бодрунова. – СПб., 2015. – 46 с.

32. *Бодрийяр, Ж.* К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. – М.: Академический проект, 2007.

33. *Бузгалин, А. В.* Рынок симулякров: взгляд сквозь призму классической политической экономии / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Философия хозяйства. – 2012. – № 2,3.

34. *Маркс, К.* Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 46. Ч. II.

35. *Бодрунов, С. Д.* Какая индустриализация нужна России: докл. на Санкт-Петербургском междунар. эконом. конгрессе «Форсайт «Россия»: дизайн новой промышленной политики» / С. Д. Бодрунов. – СПб., 2015.

36. *Колганов, А. И.* Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 1.

37. *Колганов, А. И.* Реиндустриализация как ностальгия? Полемиические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2014. – № 3.

38. *Бузгалин, А. В.* Обновление экономической системы России: необходим отказ от рыночного фундаментализма / А. В. Бузгалин // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 3.

39. *Бузгалин, А. В.* Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 10.

40. *Бодрунов, С. Д.* Интеграция производства, науки и образования как основа реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 1.

41. *Смолин, О. Н.* Развитие человеческого потенциала как основа модернизации XXI века / О. Н. Смолин // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 2.

42. *Бодрунов, С. Д.* Возрождение производства, науки и образования: проблемы и решения: докл. / С. Д. Бодрунов // Международный конгресс «Возрождение производства, науки и образования в России: вызовы и решения». – М., 2014.

43. *Бодрунов, С. Д.* Концепция нового индустриального развития России в условиях ВТО / С. Д. Бодрунов; Институт нового индустриального развития (ИНИР). – СПб., 2013. – 172 с.

44. *Бодрунов, С. Д.* Риски интеллектуальной собственности при импортозамещении в рамках реиндустриализации российской промышленности: науч. докл. / С. Д. Бодрунов, В. Н. Лопатин; Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте. – СПб., 2014.

Статья представлена в научно-редакционный совет 05.11.2015 г.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА ИНИР «ОБНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ПЕРЕХОД К НОВОМУ ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ»

(26 октября 2015 г., Дом ученых, Санкт-Петербург)

В. Т. Рязанов¹

НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАГНАЦИИ

Выдвижение программы неоиндустриализации относится к числу ключевых направлений в развитии нашей экономики. Сегодня наша страна приближается к поворотному пункту. Во-первых, российская экономика оказалась в ситуации стагнации, а фактически вступила в фазу рецессии. Во-вторых, мы приближаемся к очередным выборам, которые всегда представляют собой ответственное испытание – нередко им предшествуют серьезные перемены в проводимой политике, а по их итогам можно ожидать крупных изменений в политической сфере. В-третьих, резко обострившаяся геополитическая ситуация в мире оказывает сильное негативное воздействие на экономику России.

На последнее обстоятельство обратим особое внимание, поскольку в истории России появление внешних угроз не раз становилось финальным аккордом в проведении назревшего разворота в экономике. Чаще всего не столько формирующаяся внутренняя потребность, сколько внешние обстоятельства побуждали правящие круги к смене экономического курса. В условиях жесткого внешнего прессинга наша страна проявляла способность сосредоточиться и успешно решать поставленные задачи.

Отмеченные особенности современной ситуации усиливают актуальность разработки и реализации программы новой индустриализации, которую можно отнести к числу стратегических целей общественно-экономического развития России [3–6]. Фактически речь идет о существенном системном преобразовании, которое должно принципиально изменить хозяйственное устройство страны. Реализация данной программы рассчитана на достаточно продолжительный срок, как минимум, 10...15 лет.

¹ *Виктор Тимофеевич Рязанов*, зав. кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор.

Это обусловлено сложностью структурного разворота экономики, наличием инерционных процессов и факторов, ему мешающих.

Среди основных причин, объективно подкрепляющих потребность в неоиндустриализации, отметим следующие:

- деиндустриализация страны;
- исчерпанность экспортно-сырьевой модели роста;
- необходимость обеспечения более сбалансированного сочетания внутренних и внешних факторов спроса;
- восстановление народнохозяйственной целостности экономики;
- улучшение позиции страны в международном разделении труда;
- потребность в развертывании новой промышленной революции.

Перечень перечисленных причин можно дополнить и конкретизировать, однако первое место в нем, безусловно, занимает деиндустриализация страны – закономерный итог «неолиберальной» политики рыночных реформ 1990-х гг. Их нацеленность на демонтаж советской плановой системы хозяйства привела не к созданию эффективно работающего рыночного механизма, а к повсеместному развалу научно-производственной сферы (особенно в обрабатывающих отраслях) с одновременным усилением сырьевой специализации экономики. Трансформация обернулась продолжительным социально-экономическим кризисом, системным по своей природе, с колоссальными народнохозяйственными потерями, сопоставимыми по размеру и тяжести с природными катастрофами или военной разрухой.

Проведенная после августовского дефолта 1998 г. коррекция экономического курса совпала с началом нового цикла повышения цен на энергоносители и сырье на мировых рынках. Бюджетная национализация части экспортно-сырьевой ренты, используемая для поддержки внутреннего совокупного спроса за счет роста потребительских расходов и государственных средств, позволила инициировать восстановительный рост. Однако в полной мере остановить разрушительную тенденцию деиндустриализации не удалось. Идеологически это оправдывалось (да и продолжает оправдываться) эйфорией от «сервисной революции», запущенной в конце XX в. в странах развитого капитализма, с ее гиперболизацией преобразующей возможности информационно-компьютерных технологий. Активное сворачивание промышленного производства стало трактоваться реформаторами как позитивный результат включения в международное разделение труда и перехода к постиндустриальному, или информационному обществу. Однако пореформенные структурные преобразования в российской экономике точнее всего определяются термином *деиндустриальная революция*, потому как нарушили экономическую и технологическую целостность народнохозяйственного комплекса, подорвали его потенциал, работоспособность и эффективность.

О последствиях деиндустриализации можно судить по таким фактам. Согласно официальным данным, по показателю ВВП экономика страны превзошла уровень 1990 г. на 8 %, но при этом общий объем промышленного производства остается не менее чем на 15 % ниже, чем в дореформенный период. На уровень 1990 г. вышли только топливный и металлургический комплексы, переориентированные на обслуживание мирового хозяйства. В 1990-е гг. прекратили свою деятельность свыше 75 тыс. промышленных предприятий, а численность занятых в промышленности сократилась с 17,2 млн человек в 1990 г. до 13,4 млн человек в 2013 г. Если удельный вес машиностроения в структуре промышленного производства уменьшился в два раза, то по отдельным позициям падение приобрело обвальный характер [6].

В народном хозяйстве России произошла масштабная структурная деградация, ее можно наблюдать, сопоставляя усиливающийся застой в реальном производстве и его научном обеспечении с опережающим ростом торгово-финансовой и управленческой сфер деятельности. В торговле занято больше работников, чем во всей обрабатывающей промышленности (12,2 и 10,3 млн человек соответственно). Продолжается сжатие сферы НИОКР, определяющая роль которой в инновационной активности хорошо известна. Если в 1990 г. в ней было занято 1,5 млн человек, то к 2013 г. – только 0,8 млн человек.

Вот почему программа новой индустриализации России может с полным основанием трактоваться как реальная альтернатива неолиберальной стратегии. Такая альтернативность особенно значима в условиях начавшейся экономической стагнации. Это означает, что данная программа становится важным условием преодоления стагнации и вывода экономики России в фазу устойчивого и сбалансированного роста [8]. Можно считать, что на данном этапе запуск программы неоиндустриализации призван разрешить актуальную задачу активизации антикризисной политики.

Проанализируем, что собой представляет текущая макроэкономическая ситуация и как она развивается. Нынешнее состояние экономики можно охарактеризовать как фазу рецессивной стагнации, которая последовала за периодом затухания экономического роста в 2012 г. Восстановительный «отскок» после кризиса 2008–2009 гг. оказался краткосрочным и неполноценным, не закрепленным на базе устойчивого расширения промышленного производства, вследствие чего сменился нарастающей стагнацией (табл. 1). Отметим, что в 2010–2013 гг. средняя цена на нефть была достаточно комфортной для российской экономики (119 долларов за баррель), при этом темпы роста уже замедлились, что подтверждает исчерпанность экспортно-сырьевой модели.

Таблица 1

**Основные макроэкономические показатели РФ в 2007–2014 гг.
(прирост/падение, % к предыдущему году) (рассчитано по: [2])**

Показатель	1999–2007*	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ВВП	7,1	5,6	- 7,9	4,3	4,3	3,4	1,3	0,6
Промышленность	6,5	2,1	- 10,8	8,2	4,7	2,6	0,4	1,7
Сельское хозяйство	3,4	10,8	1,2	- 11,9	22,1	- 4,8	5,8	3,7
Розничный товарооборот	9,8	13,5	- 5,5	6,3	7,2	6,3	3,9	2,7
Инвестиции	12,4	9,8	- 17,0	6,0	6,2	6,6	- 0,2	- 2,5
Инфляция	16,2	14,1	11,0	6,9	8,4	5,1	6,8	11,4
Реальные доходы населения	12,2	1,9	1,9	4,1	0,8	4,6	3,3	- 0,8
Валовая добавленная стоимость:								
• добыча полезных ископаемых	5,3	0,2	- 1,2	3,6	1,9	1,6	0,9	1,4
• обрабатывающая промышленность	7,7	3,2	- 16,0	11,8	6,3	2,7	0,8	2,1
Экспорт	22,0	40,3	- 30,1	31,9	31,8	3,1	- 1,2	- 4,9
Импорт	24,6	34,8	- 36,3	29,6	32,0	5,3	2,2	- 9,8

* Среднегодовые темпы за период.

Дело не в восстановлении прежнего уровня цен, важно, чтобы цена на нефть постоянно росла, поскольку те доходы, которые экономика России получает, уже реализованы в экономическом развитии. В лучшем случае рост цен на нефть может обеспечить простое воспроизводство при небольшом оживлении. В этой связи возникает главный вопрос: или стагнация по инерции перерастет и закрепится в новой фазе рецессии, или ее удастся переломить и вывести экономику России на траекторию устойчивого развития.

В 2015 г. проявились явные признаки перерастания стагнации в рецессию, по многим показателям наблюдается вхождение в зону отрицательных значений (табл. 2). Падение произошло в сфере промышленности и еще в большей степени в отраслях обрабатывающего производства. Особую тревогу вызывают продолжающийся спад в инвестиционной сфере, уменьшение реальных доходов населения и сокращение объема розничного товарооборота. Все это – тревожные признаки сжатия спроса, хотя их можно компенсировать, наращивая внутреннее производство за счет активной политики импортозамещения. Ее возможность реальна, поскольку сокращение импорта составило за первые три квартала текущего года 38,8 % (в номинальном значении – почти 70 млрд долларов, или около 4,5 трлн рублей). Перспективность импортозамещения подтверждается ростом, пусть и не столь масштабным, производства в сельском хозяйстве (2,4 %); в пищевой промышленности (2,2 %), где производство мяса и мясопродуктов возросло на 7,5 %, рыбо- и морепродуктов – на 8,1 %, молочных продуктов – на 3,6 %; в химической отрасли (6,0 %) и фармацевтике (11,6 %). При этом спад в машиностроении составил 14 %, в текстильной промышленности – 14,8 %.

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели РФ в 2014–2015 гг. (рассчитано по: [2])

Показатель	2014	2015 (I кв.)	2015 (II кв.)	2015 (III кв.)
ВВП	0,6	- 2,2	- 4,6	...
Промышленность:	1,7	- 0,4	- 4,9	- 3,2
добывающие отрасли	1,4	0,7	- 0,8	0,1
обрабатывающие отрасли	2,1	- 1,6	- 7,4	- 5,2
Сельское хозяйство	3,7	3,5	2,5	2,4
Грузооборот	- 0,1	- 1,6	- 2,8	- 1,1
Инвестиции	- 2,5	- 3,6	- 6,7	- 5,8
Розничный товарооборот	2,7	- 6,7	- 9,2	- 8,4
Реальные доходы населения	- 0,8	- 1,4	- 4,4	- 3,3
Потребительские цены	11,4	7,4	1,0	15,9
Безработица, млн чел.	3,9	4,5	4,1	4,0
Экспорт	- 4,9	- 26,9	- 30,0	- 31,9
Импорт	- 9,8	- 37,3	- 39,8	- 38,8

Особенно значительным был экономический спад в первом квартале 2015 г.: в обрабатывающем секторе – 21,9 % относительно четвертого квартала 2014 г. В последующем наблюдалось постепенное восстановление экономики. Так, в третьем квартале рост в обрабатывающем производстве относительно второго квартала составил 5,4 %. Приведенные факты свидетельствуют о том, что экономическое положение

в стране не столь однозначно, а вывод о неизбежности фазы глубокой и продолжительной рецессии не бесспорен и требует более тщательного анализа. Основные аргументы о вхождении российской экономики в фазу рецессии увязываются в первую очередь с неблагоприятными внешними факторами – падением мировых цен на энергоресурсы и введением санкций в отношении России. При этом утверждается, что экономика России достигла предела возможностей своего роста. Такая привязка к внешним факторам объясняется недооценкой значительного внутреннего потенциала экономического роста страны (с учетом масштабов экономики, емкости внутреннего рынка и ресурсной обеспеченности), а также недостаточным учетом способности противодействовать кризисным процессам при правильном проведении экономической политики. Такого рода предсказания кризиса в России нередко служат основанием для рекомендаций о необходимости перехода к новой волне либерально-рыночных реформ (в варианте экономики предложения) с восстановлением курса на встраивание в систему глобального капитализма и еще более прочную привязку к мировому рынку.

Расчетные данные, приведенные в табл. 3, показывают, что экономический рост в России в восстановительный период определялся главным образом действием внутренних факторов – увеличением объема конечного потребления (емкости внутреннего рынка) за счет домашних хозяйств, благодаря росту потребления со стороны государства, а также валовому накоплению. Роль экспорта в обеспечении развития экономики страны в восстановительный период не столь однозначна. На экспорт приходилось около 28 % ВВП, а его вклад в экономический рост, определяемый по сальдо экспорта и импорта (чистому экспорту), составил 6,2 % в среднегодовом приросте ВВП (при расчете в текущих ценах). Приращение внутреннего рынка на 72,2 % происходило за счет отечественного промышленного и аграрного производства.

Таблица 3

Основные факторы роста ВВП России (2010–2014 гг.) (рассчитано по: [1])

Факторы роста ВВП	В текущих ценах		В постоянных ценах 2008 г.	
	трлн р.	%	трлн р.	%
Прирост ВВП	32,2	100,0	5,6	100,0
Прирост конечного потребления	23,2	72,1	5,9	105,4
В том числе:				
домашних хозяйств	17,1	53,1	5,7	101,8
государственного управления	6,0	18,6	0,3	5,4
Прирост валового накопления	7,7	23,9	2,5	44,6
То же накопления основного капитала	6,1	18,9	1,7	30,4
« чистого экспорта	2,0	6,2	-2,4	-42,9
Прирост емкости внутреннего рынка	30,2	100,0	8,0	100,0
За счет:				
внутреннего производства	21,8	72,2	4,2	52,5
импорта	8,4	27,8	3,8	47,5

Иначе говоря, конечные факторы роста определяются состоянием внутреннего спроса нашей экономики, рост его емкости закладывал и по-прежнему формирует предпосылки успешности развития. Возможность обеспечения экономического роста за счет преимущественно сырьевого экспорта становится еще более сомнительной,

если результаты расчетов перевести из текущих в сопоставимые цены (см. табл. 3). В 2010–2014 гг. отрицательное значение чистого экспорта составило 2,4 трлн рублей, что почти на 43 % сокращало реальный прирост ВВП страны в анализируемый период. Отрицательное значение чистого экспорта свидетельствует о блокирующей роли импорта для развития отечественного производства и о значительности потенциала импортозамещения. Если бы он был задействован, то даже при сложившейся емкости внутреннего рынка рост ВВП в указанный период составил не 14,9 %, а свыше 21 %, т. е. увеличился бы почти в 1,5 раза.

За счет экспортно-сырьевой составляющей формируются доходная часть бюджета государства и сверхдоходы сырьевых компаний, вместе с тем благодаря увеличению первичных доходов от экспорта углеводородов и сырья в значительной мере мог поддерживаться рост как конечного потребления, так и инвестиций. Таким образом, экспорт благоприятствовал экономическому развитию страны. К примеру, в докризисный период (2000–2008 гг.) за счет высоких цен на нефть и экспортных доходов с помощью перераспределительного механизма обеспечивалось до 2/3 прироста конечного потребления в стране. Можно считать, что экономический рост опосредованно примерно на 50 % поддерживался экспортом.

При всем, казалось бы, положительном значении экспортно-сырьевой модели ее оборотной стороной является подавление импортом отечественных производителей готовой продукции. Поэтому современная российская модель в большей степени должна характеризоваться как *импортозависимая*, ее влияние сводится к подавлению потенциального экономического роста. Это подтверждается возникновением отрицательного значения чистого экспорта при расчете не в текущих, а в постоянных ценах, поскольку инфляционный процесс может его скрывать. Такая ситуация возникла в предкризисный период 2007–2008 гг. и усугубилась после мирового кризиса.

Обратимся к выяснению факторов кризисного падения экономики РФ в 2015 г. Как известно, в рыночной экономике главным фактором, определяющим и торможение, и стагнацию, и рецессию, является падение совокупного спроса, которое характеризуют:

- уменьшение реальных доходов населения;
- перекредитование населения;
- сокращение инвестиций;
- уменьшение госрасходов.

Дадим некоторые пояснения. С уменьшением реальных доходов населения все ясно – их падение на 3,3 % привело к заметному сокращению розничного товарооборота (8,4 %), что угнетающе действует на сферу производства. Следующий показатель – перекредитование в сфере личного потребления. В 2008 г. (предкризисный год) объем потребительского кредитования в нашей стране составлял 2,5 трлн рублей, а в 2014 г. он увеличился до 11 трлн рублей (а в сравнении с более ранними периодами рост был многократным). Фактически банки бесконтрольно раскручивали спекулятивную спираль на рынке потребительского кредитования. В итоге сегодня у нас примерно 40 млн домашних хозяйств имеют кредитную задолженность, из них 6 млн испытывают трудности с возвратом кредитов и даже с обслуживанием процентов. Наша экономика подошла к ситуации так называемой балансовой рецессии – она перегружена долгами, поэтому экономические агенты думают не о развитии производства, а о том, как расчитаться с долгами. Наконец, инвестиции и госрасходы также характеризуются отрицательной динамикой. Доля инвестиций сократилась с 21 % к ВВП до 17 %. Такая же

ситуация с уменьшением расходов государства. Естественно, все это усиливает кризисное давление на экономику.

Среди причин, обуславливающих факторы кризисного падения, можно выделить внутренние и внешние. К *внутренним причинам* относятся исчерпанность экспортно-сырьевой модели роста, чрезмерная открытость экономики и вывоз капитала, ослабление защитных механизмов от внешних шоков, неадекватная денежно-кредитная политика финансовых властей и масштабная коррупция и бюрократизация управленческой деятельности; к *внешним* – падение цены на нефть и сокращение валютной выручки, ограниченный доступ на внешние рынки заимствования и трудности с перекредитованием долга компаний и банков, действующие санкции. Приведенный набор причин можно дополнить и расширить. И хотя негативное влияние на экономику России внешних причин нельзя недооценивать, все же более значимую роль играют внутренние причины. Ограничусь более подробной оценкой одной из них, наиболее актуальной на данный момент. Речь идет о денежно-кредитной политике. Данные, приведенные в табл. 4, убедительно показывают просчеты в деятельности ЦБР с точки зрения преодоления кризисных процессов в экономике.

Таблица 4

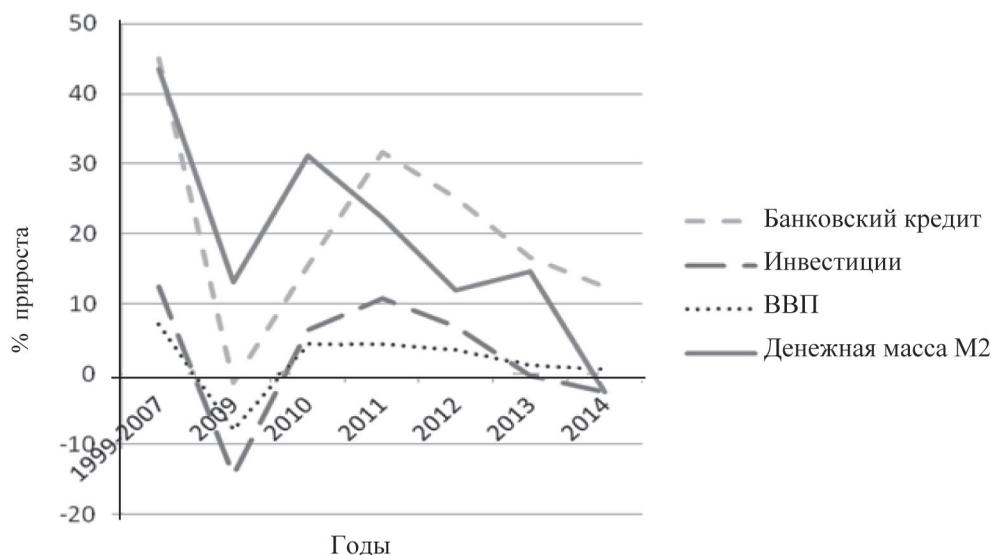
Темпы прироста (падения) основных денежно-кредитных показателей экономики России (в 1999–2007 – в среднем за год; 2009–2014 – в % к предыдущему году) (рассчитано по: [2])

Показатель	1999–2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Денежная масса (M2)	43,5	13,1	31,1	22,3	11,9	14,6	-2,5
Банковский кредит	45,0	- 1,2	15,4	31,7	25,1	16,7	12,5
Инвестиции	12,4	- 14,4	6,3	10,8	6,8	- 0,2	- 2,5
ВВП	7,1	- 7,9	4,3	4,3	3,4	1,3	0,6

Расчетные данные о динамике основных денежно-кредитных индикаторов характеризуют зависимость экономического роста от прироста денежного предложения и кредита. В восстановительный период (1999–2007 гг.) сложилась пропорция, при которой 1 % роста ВВП обеспечивался примерно 6 %-ным годовым приростом номинального денежного предложения и 7 %-ным ростом кредита. Такое заметное превышение темпов роста денежной массы и кредита объясняется недостаточной развитостью финансовой сферы и ее подтягиванием к требуемому уровню для нормального развития народнохозяйственного комплекса страны.

Зависимость экономического роста от активной денежно-кредитной политики подтверждается корреляционным анализом взаимосвязи темпов роста ВВП и инвестиций с приростом денежной массы (M2) и банковского кредита (см. рисунок). Коэффициент корреляции увеличения ВВП от роста денежной массы (M2) и банковского кредита равняется соответственно 0,56 и 0,87; от роста инвестиций – 0,56 и 0,91 соответственно.

Представляется, что в текущем периоде значительное опережение роста денежного предложения и кредита, скорее всего, не требуется. Тем не менее необходимость замещения валютной составляющей денежной массы и кредита требует, как минимум, равноценного наращивания рублевой массы в финансовой сфере. Поэтому опережающий рост денежного предложения и кредита в реальном выражении должен быть сохранен и в этом случае можно ориентироваться на их значения в 2010–2011 гг., когда рост ВВП составлял 4,3 %, а промышленность росла на 8,2 и 4,7 % соответственно.

Темпы прироста (падения) основных денежно-кредитных показателей в сравнении с динамикой ВВП и инвестиций в России (1999–2014 гг.)

Резюмируя, можно констатировать, что ухудшение макроэкономической ситуации в 2014–2015 гг. в значительной мере связано с неадекватной реакцией финансовых властей на трудности, обусловленные введенными санкциями в финансовой сфере и падением цен на нефть. Недостаточное и не всегда своевременное замещение валютных кредитов, а также малооправданная попытка перейти к режиму свободного рыночного курсообразования привели к обвальному падению курса рубля и одновременно к значительному сокращению денежного предложения, вызванного масштабным изъятием рублевой массы для сдерживания спекулятивных атак на валютном рынке (табл. 5). Очевидная потребность не сокращать, а наращивать кредитно-денежную поддержку производства при возникновении высоких рисков была проигнорирована. Более того, в 2014 г. номинальная величина денежной массы сократилась на 2,5 %, что привело к снижению монетизации экономики и существенному падению инвестиционной активности с реальной опасностью перерастания стагнации в рецессию.

Таблица 5

Отношения денежной массы, банковского кредита и инвестиций к ВВП РФ, %
(рассчитано по: [2])

Показатель	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Уровень монетизации (M2/ВВП)	40,2	38,8	43,2	43,8	43,9	47,0	42,0
Уровень кредитования (банковский кредит /ВВП)	29,3	32,3	31,1	34,2	38,2	41,8	43,4
Доля инвестиций в ВВП	19,3	20,5	20,3	20,2	20,1	19,9	17,0

Удивительно, что при такой денежной политике в российской экономике не произошёл более крупный обвал. По-видимому, адаптационный опыт существования в неблагоприятной макроэкономической среде, накопленный российскими производителями, и их ориентация на собственные ресурсы помогли смягчить масштабы падения. Ведь на долю банковского кредита в производственных инвестициях приходится не более 10...12 %, больше 55 % – это собственные средства предприятий (прибыль, амортизация).

Что необходимо для преодоления возникших трудностей в экономике России? В числе срочных мер – существенная коррекция денежно-кредитной политики: необходимо преодолеть заикленность на политике таргетирования инфляции и перейти к стимулированию экономического роста. При этом важно не просто насытить экономику необходимым количеством денег, но и не допустить их чрезмерной концентрации исключительно на финансовых рынках, что рождает спекулятивные пузыри и создает внутри нашей экономики плацдарм для новых атак на валютном рынке. Назревшие изменения в денежно-кредитной сфере должны быть синхронизированы с принципиальными трансформациями в самой хозяйственной системе страны и соответствующими переменами в проводимой политике [8].

Выделим основные направления формирования активной антикризисной политики:

- переключение на внутренние факторы экономического роста;
- импортозамещение;
- программа новой индустриализации;
- активная промышленная политика;
- изменение денежно-кредитной политики;
- борьба с коррупцией;
- деофшоризация экономики;
- создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства в производстве и инновационной сфере.

В заключение подчеркнем, что курс на неоиндустриальное развитие страны должен стать главным звеном реализуемой экономической стратегии. Насыщение экономики необходимыми денежными ресурсами должно быть подчинено развитию реального производства. Следует оценить возможности политики импортозамещения как начального звена программы неоиндустриализации. Опираясь на оценку объема сокращения импорта, и при восстановлении емкости внутреннего рынка можно рассчитывать на 6...8 %-ный рост промышленного производства в ближайшие 2-3 года при условии активизации импортозамещающей политики [7].

С учетом принципиально важной роли неоиндустриализации необходима разработка специального программного документа (или полноценное представление в рамках предполагаемой программы «Стратегия-2030»). Важно, чтобы эта программа носила народнохозяйственный характер и активно прорабатывалась на региональных и отраслевых уровнях. Полезно активное обсуждение вопросов неоиндустриализации в научных и общественных кругах, в профессиональных сообществах и организациях бизнеса. Наконец, самое последнее – о потенциале российской экономики. Приведу ряд позитивных примеров. Несмотря на все нынешние трудности, по результатам 9 месяцев текущего года 10 регионов страны показали рост обрабатывающей промышленности на 10 % и выше. Правда, промышленность 13 регионов страны в этот же период упала на 10 % и больше, в том числе в Москве – на 13 %, С.-Петербурге – на 9 %. Вы-

сокую динамику роста показали регионы, в которых активно проводилось импортозамещение, в первую очередь в сельском хозяйстве и пищевой промышленности.

Второй пример. Сегодня предприятиями накоплены финансовые ресурсы объемом 5,2 трлн рублей за первые 7 месяцев в сравнении примерно с 4 трлн рублей за аналогичный период прошлого года за счет прибыли после уплаты налогов и платежей, а также амортизации. Другими словами, идет накопление достаточно значительного объема финансовых ресурсов непосредственно у предприятий. Почему это важно? Потому что наша модель экономического роста – это все еще модель роста за счет собственных ресурсов. Возникает вопрос: почему предприятия не вкладывают эти ресурсы в развитие производства? Сами предприятия указывают две причины: падающий спрос и общая неопределенность в экономике и проводимой политике. Добавим, что степень загрузки оборудования в обрабатывающей промышленности не превышает 62 %. Предприятия выжидают, и им надо помочь – развернуть экономическую политику государства, нацелив ее на стимулирование реального производства и инновационный прорыв.

Список литературы

1. Национальные счета России (1995–2014). http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 20.10.2015).
2. Российский статистический ежегодник-2014. http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/Main.htm (дата обращения 20.10.2015).
3. *Бодрунов, С. Д.* Какая индустриализация нужна России? / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №2. – С. 6–17.
4. *Бодрунов, С. Д.* К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2013. – №4. – С. 4–26.
5. *Губанов, С. С.* Державный прорыв. Неиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М., 2012. – 224 с.
6. *Рязанов, В. Т.* Новая индустриализация России: стратегические цели и текущие приоритеты / В. Т. Рязанов // Экономическое возрождение России. – 2014. – №2. – С. 17–25.
7. *Рязанов, В. Т.* Импортозамещение и новая индустриализация России, Или как преодолеть стагнацию / В. Т. Рязанов // Экономист. – 2014. – № 11. – С. 9–12.
8. *Рязанов, В. Т.* Возможности и условия преодоления стагнации отечественного хозяйства / В. Т. Рязанов // Экономист. – 2015. – № 6. – С. 3–19.

Статья представлена в научно-редакционный совет 20.11.2015 г.

Г. Б. Клейнер¹

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ, РЕСАЙЕНТИЗАЦИЯ, РЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ – КЛЮЧЕВЫЕ ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ²

Процессы, проходившие в экономике России в течение последних 25 лет, несмотря на заявленные цели повышения ее эффективности, привели к целому ряду негативных последствий. Наиболее существенными среди них, по нашему мнению, являются:

- *деиндустриализация* – радикальное сокращение объема и уровня обрабатывающей промышленности, затронувшее практически все ее отрасли, но особенно повлиявшее на станкостроение, электронную промышленность, радиопромышленность и др.;
- *десайентизация* (в буквальном смысле – разнаучивание) – разрушение структуры отраслевой и корпоративной прикладной науки, снижение престижа и эффективности фундаментальной науки;
- *деинституционализация* – разрушение системы институтов, обеспечивающих производственную деятельность экономики на уровне отраслей и предприятий.

В настоящее время в стране активизируется процесс пространственно-временной консолидации управления экономикой, начался переход от «ручного» (ситуационно-ориентированного) к стратегическому (слабоситуационно-зависимому) управлению [5]. Основой для такого перехода должен стать принятый в прошлом году Закон 172 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Главная цель стратегического управления – координация деятельности агентов на всей территории страны на обозримую перспективу. Это не означает директивного управления предприятиями со стороны внешнего органа, однако делает экономическое пространство и время единым, непрерывным и связным. В принципе, это способствует повышению эффективности экономики, снижению трансакционных, транспортных и транспериодных затрат (к числу которых относятся издержки, связанные со складированием и хранением экономических благ, восстановлением затраченных ресурсов и необходимых условий экономической деятельности), преемственности целей и тенденций в деятельности агентов и т. п.

В данной ситуации складываются благоприятные условия для формирования системы мер стратегического характера, направленных на противодействие указанным трем негативным процессам и активизацию *реиндустриализации*, *ресайентизации* и промышленной *институционализации*. При включении этих целей в стратегию социально-экономического развития страны следует учитывать, что каждая из них требует серьезной проработки, детализации и выбора путей реализации с учетом внутреннего состояния и внешнеэкономического положения России.

Реиндустриализация. Необходимость реиндустриализации сегодня признается целым рядом известных ученых [1, 2, 9, 10 и др.]. Дискуссионными являются вопросы

¹ *Георгий Борисович Клейнер*, зам. директора Центрального экономико-математического института РАН, зав. кафедрой Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-02-00419.

о глубине реиндустриализации, а также о факторах и мерах, способных обеспечить восстановление роли промышленности в экономике России. Отметим, что в экономике многих стран промышленность играет роль «маховика», вращение которого обеспечивает устойчивость функционирования страновой экономики в целом.

Уточним корневое понятие данного дискурса – *промышленность*. По нашему мнению, принадлежность хозяйствующего субъекта к числу промышленных предприятий определяется двумя признаками: 1) профильной продукцией предприятия являются товары, а не услуги; 2) предприятие осуществляет производство изделий определенного типа (типоразмера) на систематической основе – постоянно. Предприятие, не рассчитанное на постоянный выпуск однотипных изделий, не может быть отнесено к промышленным [6]. Содержание понятия «промышленность» наиболее четко проявляется в выражении «в промышленных масштабах», иными словами – в рамках повторяющегося индустриального процесса с неоднократно применяемой технологией.

Промышленность по своей природе относится к объектным системам, т. е. к системам, основанным на деятельности экономических объектов [4]. Непромышленные отрасли (связь, транспорт, сельское хозяйство, ЖКХ, культура, образование, наука и др.) относятся либо к средовым (транспорт и связь), либо к процессным (образование) системам [4]. Общим для этих отраслей и промышленности является деятельность на основе повторяющихся процессов и использования относительно стабильной технологии. Между тем в экономике существует сфера, в которой технологии, рассматриваемые как варианты комбинирования ресурсов, меняются в зависимости от задачи. Это сфера инноваций, которая относится к числу проектных систем, поскольку формируется из множества инновационных проектов. Эта сфера носит межотраслевой характер и охватывает все отрасли народного хозяйства. Расширение данной сферы, требующей ресурсного обеспечения (финансовых, материальных, человеческих ресурсов), сужает ресурсную базу рутинной части отраслей, в первую очередь – промышленности, в своей основе базирующейся на стабильных технологиях.

Отсюда напрашивается вывод, что соотношение между рутинной и инновационной компонентами промышленности необходимо регулировать. Иными словами, границы реиндустриализации и инновационной сферы нуждаются в анализе и демаркации. В данной статье мы выполняем лишь качественный анализ данного соотношения.

Обратимся к фактору труда – основному фактору, от которого зависит результат экономической деятельности. Анализ показывает, что в силу сложившихся в России условий, природно-географических и исторических факторов трудоспособное население нашей страны склонно к креативной, а не к рутинной деятельности [3]. Наивысших результатов российский работник достигает не в повторении заданных операций с высокой степенью точности, а в создании уникальных новых образцов продукции. В частности, образцы многих инновационных изделий создавались в России, после чего заимствовались или «переоткрывались» на Западе и тиражировались в виде массовой продукции. Вспомним создание паровоза, самолета, вертолета, телевизора, видеомэгафона и т. п. Склонность к импульсному высокопроизводительному труду характерна для «типového» российского работника и отличает его от «типového» азиатского или западного работника.

Таким образом, для российской экономики целесообразно развитие инновационной сферы, требующей применения креативных талантов экономически активного населения страны. Пространственно-временные границы реиндустриализации определяются необходимостью выделения части ресурсов для инновационной сферы экономики. Поскольку для нее характерен высокий уровень неопределенности в оценке

связи между затратами и результатами, необходим определенный «люфт» в фиксации ресурсной границы между индустриальной и неиндустриальной частями экономики.

Сказанное заставляет по-новому взглянуть на проблему ресурсной эффективности экономики. Достижение максимальной эффективности использования ресурсов труда, капитала, территории и т. п. не должно быть определяющим критерием. Неиспользуемый в данное время запас ресурсов – не обязательно следствие бесхозяйственности, порой это неоценимый ресурс инновационной экономики.

В итоге: вряд ли Россия в среднесрочной перспективе станет ведущей промышленной страной, но она может стать ведущей инновационной державой.

Ресайентизация. Процесс деиндустриализации затронул не только промышленный сектор экономики, но и смежные экономические системы, такие как прикладная отраслевая и корпоративная наука. Косвенно деиндустриализация подорвала и развитие фундаментальной науки, поскольку, лишившись провайдера в лице прикладной науки, фундаментальная наука оказалась оторванной от реального производства. Таковы объективные предпосылки процесса реструктуризации системы управления и системы функционирования Российской академии наук.

Преодоление последствий не всегда продуманных решений по деиндустриализации, приведших фактически к десайентизации, или разнаучиванию страны, связано не только с реиндустриализацией, но и с непосредственной «ресайентизацией» социально-экономического пространства страны. Если в 1960–1970-е гг. судьба и устремления большей части выпускников вузов были связаны с прикладной, а для наиболее способных – фундаментальной наукой, то сегодня престиж работы в науке крайне низок, а зарплата ученых в исследовательских и образовательных организациях ставит их семьи на грань выживания. «Пирамида способностей» работника оказывается перевернутой по сравнению с «пирамидой доходов».

Необходимо кардинальное изменение системы материальных и моральных стимулов труда в народном хозяйстве. Кроме того, должна быть создана система преференций, в том числе налоговых, инвестиционных, тарифных и иных, для научно-исследовательской деятельности и научно-исследовательских организаций. По своему потенциалу Россия может стать одной из первых стран, вступающих в эру экономики знаний [8], а по интенсивности процессов десайентизации – одной из последних.

Заметим, что индустриализация, проведенная в России в 1930-х гг., сопровождалась процессом сайентизации: формировалась широкая сеть научно-исследовательских организаций по всем отраслям экономики, а в послевоенные годы была создана система прикладных исследовательских институтов и заводских лабораторий. Системное решение вопроса ресайентизации необходимо и в наши дни. Импортозамещение сегодня требует реиндустриализации практически по всему спектру промышленных технологий, в то время как императив импортозамещения завтра предполагает интенсивную и широкоформатную (в пространстве и во времени) ресайентизацию.

Какие меры могли бы привести к восстановлению научно-производственного контура в экономике России? Обычно, отвечая на этот вопрос, говорят о финансовой поддержке промышленной, инвестиционной и инновационной деятельности. Такой взгляд можно считать монетаристским: согласно монетарной концепции экономики, деньги являются «альфой и омегой» всех экономических процессов. Однако такая точка зрения не абсолютна. Институциональная экономическая теория выделяет иные факторы, определяющие инициацию и протекание экономических процессов, а именно – создание соответствующих институтов.

Промышленная реинституционализация. Центральным элементом системы институтов, обеспечивающих промышленное развитие, является институт предприятия. Промышленное предприятие на ограниченной площади организует самовозобновляющийся процесс функционирования, состоящий из повторяющихся циклов следующих процессов:

- производство промышленной продукции;
- реализация продукции;
- распределение полученной выручки;
- восполнение затраченных ресурсов, восстановление условий производства, необходимых для нового производственного цикла.

Бесперебойное функционирование предприятия требует согласования и синхронизации перечисленных процессов. Они должны также согласовываться с внешними процессами изменения конъюнктуры товарного рынка и рынка ресурсов, трансакционными изменениями, динамикой фондового рынка и др.

Это движение опосредуется системой различных внутрифирменных, межфирменных и иных институтов, которые можно сгруппировать следующим образом:

- институты организации и управления деятельностью промышленного предприятия;
- институты взаимоотношений между предприятиями;
- институты промышленной собственности;
- институты взаимодействия работников предприятия;
- институты взаимодействия работников с работодателем;
- институты взаимодействия предприятия с рынками (товарными, финансовыми, информационными и др.);
- институты административных взаимоотношений предприятия с органами, отвечающими за организацию производства и его информационное описание (статистика, учет и т. п.).

В наибольшей степени институциональная реструктуризация должна затронуть группу институтов организации и управления производством, а также институтов промышленной собственности.

Что касается институтов организации и управления деятельностью предприятий, основная задача состоит в долговременной консолидации и гармонизации ключевых групп участников хозяйственной деятельности:

- владельцев промышленной собственности (собственников);
- высших и средних линейных менеджеров;
- функциональных руководителей и специалистов;
- рядовых работников предприятия.

В принципе, интересы этих групп различны, а в некоторых случаях и противоположны, поэтому для их согласованного взаимодействия нужны весьма мощные институты. Необходима реструктуризация системы прав, обязанностей и ответственности этих групп (причем как в индивидуальном, так и в групповом варианте), направленная, с одной стороны, на выравнивание объема прав и обязанностей каждой группы, с другой – на выравнивание объемов прав между группами. В настоящее время здесь наблюдается перекос: права собственников чрезмерно расширены в ущерб правам работников [7].

В связи с этим встает вопрос коррекции института собственности в части собственности на промышленные предприятия. Основное назначение промышленных предприятий – удовлетворение спроса на промышленную продукцию, причем не только в текущем периоде, но и в обозримом будущем. Для этого процессы производства продукции, ее реализации, распределения выручки и воспроизводства ресурсов

(условий) должны быть бесперебойными. Это, в свою очередь, требует непрерывного (скользящего) стратегического долгосрочного планирования и управления промышленностью. Система институтов стратегического планирования, анализа и контроля – необходимый элемент индустриализации страны.

Институциональные преобразования, о которых говорилось выше, должны охватить всю гигантскую территорию России, закрепиться на обозримом временном горизонте и пронизать всю толщу экономической иерархии – от федерального уровня до малых предприятий. Задача носит стратегический характер, и для ее решения необходимы стратегические меры. Нет оснований надеяться на простые или апробированные в других странах решения. Импорт социально-экономических институтов практически не приводит к положительным результатам ввиду эффекта *path dependens* и своеобразия институциональной среды в каждой стране.

Все рассматриваемые процессы развития промышленности, прикладной науки и институтов организации промышленного производства носят циклический характер. В истории страны были периоды индустриализации, сайентизации, институционализации, равно как и периоды «откатов» в сторону деиндустриализации, десайентизации и деинституционализации. Особенности текущего периода состоят в необходимости одновременного обращения вспять этих процессов. Поэтому имеет смысл говорить о неоиндустриализации, неосайентизации и неоинституционализации как о согласованных компонентах единого организационно-экономического процесса. Из-за ухудшения отношений России со многими странами ближнего и дальнего зарубежья единственной реальной возможностью активизации этих процессов является ориентация на внутренний потенциал (пространственный, временной, человеческий и социальный). Этот потенциал весьма значителен, поэтому у экономики России есть все предпосылки, чтобы стать «экономикой уникальных образцов» и завоевать позиции мирового инновационного лидера.

Список литературы

1. Глазьев, С. Ю. О политике развития российской экономики / С. Ю. Глазьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2014. – Т. 181. – С. 165–206.
2. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация экономики как стратегический приоритет развития России / С. Д. Бодрунов // Экономика качества. – 2014. – №4(8).
3. Клейнер, Г. Б. Стратегия предприятия / Г. Б. Клейнер. – М.: Дело, 2008.
4. Клейнер, Г. Б. Системный ресурс экономики / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2011.
5. Клейнер, Г. Б. Системные принципы современного управления / Г. Б. Клейнер // Управление. – 2013. – Декабрь. – С. 5–14.
6. Клейнер, Г. Б. К вопросу о концепции и определении понятия «предприятие» / Г. Б. Клейнер, Н. Б. Нагрудная // Пятнадцатый всероссийский симпозиум «Стратегическое планирование и развитие предприятий»: тез. докл. и сообщений: кн. 1. – М.: ЦЭМИ РАН, 2014. – С. 101–105.
7. Потенциал и перспективы экономического развития России в условиях модернизации / под ред. Г. Б. Клейнера, О. Ю. Мамедова, В. В. Сорокожердьева. – М.: Современная экономика и право, 2012.
8. Макаров, В. Л. Микроэкономика знаний / В. Л. Макаров, Г. Б. Клейнер. – М.: Экономика, 2006.

9. Сухарев, О. С. Экономическая политика реиндустриализации России: возможности и ограничения / О. С. Сухарев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – 24(213). – С. 3–24.

10. Рязанов, В. Т. Новая индустриализация России как реальная цель и постиндустриальный идеал / В. Т. Рязанов // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52).

Статья представлена в научно-редакционный совет 10.12.2015 г.

А. В. Бузгалин¹

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И КРЕАТОСФЕРА: ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДИСКУССИЙ

Сегодня в мире активно дискутируются проблемы реиндустриализации и роли материального производства, посредничества и креатосферы в экономике настоящего и будущего. Я хочу остановиться на некоторых ключевых вопросах, по которым можно говорить о нашем согласии, и на наиболее важных дискуссионных вопросах внутри нашей единой позиции, которые надо не камуфлировать, а спокойно, по-товарищески обсуждать. Сегодня многие экономисты согласны с тем, что политика рыночного фундаментализма есть главная внутренняя причина стагнации, в которой мы вновь оказались, подчеркиваю – вновь оказались. И в этом смысле мы единомышленники, как и в том, что нам нужна страна, где будет обеспечено приоритетное развитие человеческих качеств, общества как целого, в которой будет сильное и эффективное отечественное производство. Мы все согласны, что для этого нужно государственное регулирование и т. п. Но дальше начинаются существенные разночтения и споры.

Первый спор. Его обозначил Георгий Борисович Клейнер. Что должно быть приоритетом России будущего: массовое промышленное производство или уникальные высокие технологии плюс образование, плюс наука и все, что с этим связано (в последнем случае промышленное производство – не более, чем база, работающая на эту сферу)? Это важная дискуссия. Массовое промышленное производство хорошего уровня – это то, что делает Китай, у которого мы покупаем не только потребительские товары, но и оборудование. Производство современных инноваций – это то, что делает значительная часть Западной Европы, где есть высокотехнологичное промышленное производство, но это не самое главное, что приносит им деньги, престиж, положение стран центра, а не периферии.

Второй спор. Он также очень важен и тоже был заявлен в рамках нашего семинара. Ряд наших борцов с монетаризмом, имеющих очень высокие ученые звания, фактически являются монетаристами наизнанку. Они все время пишут о том, как надо *по-другому* проводить монетарную политику, и пишут, в основном, правильно. Но не важнее ли согласиться с тем, что монетарная политика – это средство, причем средство «второго уровня»: не цель, не главный качественный параметр (который надо менять), а некоторое следствие реализации тех средств, которые нужно использовать для достижения стратегических целей. Если мы будем спорить исключительно о том, какими должны быть кредиты и сколько напечатать денег, мы никогда не победим монетаристов.

Это два очень важных предварительных замечания. Приведу ряд дополнительных соображений по поводу данной гипотезы.

Прежде чем говорить об индустриализации, реиндустриализации, неоиндустриализации и т. д., надо четко ответить на вопрос, заданный профессору В. Т. Рязанову,

¹Александр Владимирович Бузгалин, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, д-р экон. наук.

об изменениях в структуре производства. На мой взгляд, структурная перестройка экономики – это не более чем одно из средств. Вопросы о том, что нам нужно: больше материального производства или меньше, больше образования или меньше, больше услуг или меньше – это вопросы не цели. Цель экономического развития – это не объем валового внутреннего или валового национального продукта или другого похожего показателя, это *прогресс человеческих качеств и нашего сообщества как целого*, причем, может быть, не только как экономического, но и как культурного лидера и не только внутри постсоветского пространства. Я только что приехал с трех международных конгрессов в Пекине и на всех трех цитировали слова китайского президента: Китай должен стать мировой культурной державой. Не военной, не геополитической и даже не экономической – культурной! Это пример того, как может быть переформатирована цель. И это в прагматичном Китае.

Теперь о средствах: они должны работать на снятие тех причин, которые вызывают кризис и стагнацию. Я согласен с Виктором Тимофеевичем Рязановым в том, что: «исчерпание возможности сырьевого роста, исчерпание возможностей монетаристской кредитно-денежной политики или вообще неправильность монетаристской кредитно-денежной политики, чрезмерная открытость экономики, слабая защита от внешних шоков» – важнейшие причины стагнации. Но почему в России проводится такая – монетаристская – политика, почему экономика у нас чрезмерно открыта, почему мы не защищены от внешних шоков и почему у нас был сырьевой рост? Потому что кто-то не знает, что это плохо? Все знают – от президента до ассистента или доцента любого периферийного вуза.

Причина в том, что в нашей стране сложилась система производственных отношений (не просто институтов, а производственных отношений – вспомним классическую политэкономия), которая воспроизводит именно эту модель экономической инволюции. Соответственно, если мы хотим реализовать другую цель и иметь другое качество – развитие, следует обновить *систему производственных отношений*.

Прежде всего надо существенно менять *способ координации*. Сегодня это смесь формально открытого рынка с феодальной иерархией, вассалитетом и теневым государственным управлением. Последнее – пережиток советского партийно-государственного руководства волюнтаристского стиля (подчеркнем, что в СССР было много другого, очень позитивного). Альтернатива хорошо известна – это стабильные рыночные институты, которые регулируют примерно половину экономики, а вторая половина (стратегические отрасли, включая науку, образование, медицину, социальную сферу, экологию, культуру) регулируется при помощи государства и общества. В этих сферах необходимо планирование, в том числе директивное – для государственных корпораций. Государственное предприятие должно работать на общегосударственные цели, а не ради получения максимальных прибылей или «раздачи» максимально высоких зарплат топ-менеджерам. Если это рыночное предприятие, то для него надо создавать систему косвенных стимулов при помощи селективного регулирования, активной промышленной политики.

Реформировать необходимо и *отношения собственности*, о которых мы предпочитаем не говорить. То, что власть в наших производственных структурах принадлежит инсайдерам, ни для кого не секрет. Отношения собственности (и частной, и общественной) должны быть, во-первых, прозрачными. Во-вторых, нужна социализация – не национализация, не огосударствление, а социализация отношений собственности, когда бизнесмен понимает, что лучше делиться с рабочими некоторой толикой прав

собственности, чем иметь социально опасную ситуацию, когда народ на предприятии тебя ненавидит и работает только потому, что по-другому в этих условиях не получается. Это нестабильная система, в которой невозможно добиться инноваций и качественного труда, тем более творческого. Необходима социализация и значительной части здравоохранения, культуры, науки. Не бюрократизация, а социализация, потому что сегодня частное предприятие государством опутано так, что это помесь бюрократизма с частником, а социальности мало.

Не менее важно включение *социальных стимулов*. Страна, в которой люди понимают, что заработать нормальные деньги можно только в сфере финансов или юридических услуг, не может претендовать на приоритетное развитие человеческих качеств. Более того, в этих условиях невозможно даже массовое качественное производство. Следовательно, нужна другая политика в области распределения доходов.

И последнее – *о системе отношений воспроизводства*. Система общегосударственных отношений накопления и развития должна быть подчинена не целям экстенсивного роста, а целям прогресса. И здесь то, что будет происходить с ВВП, – это вопрос второй, вопрос средства. Потому что ВВП можно увеличивать за счет посредничества, спекуляций, продажи нефти и газа... Можно вырубить большую часть тайги, и ВВП сразу изрядно вырастет, можно Байкал продать – тоже сильно вырастет ВВП... Есть масса других возможностей увеличения ВВП, которые использовать нельзя, если мы ставим задачу *развития*.

Таким образом, сформулировав стратегическую цель развития нашего общества и раскрыв основные средства ее реализации – реформирование производственных отношений, мы можем сказать: чтобы обеспечить активную промышленную политику и стратегическое планирование в рамках прозрачной рыночной экономики; обеспечить социализацию собственности; снизить социальную дифференциацию; обеспечить ориентацию развития на человеческие качества и укрепление страны в целом, а не на экстенсивный рост, для всего этого *нужна какая-то кредитно-денежная политика*. Только так можно и должно говорить о кредитно-денежной политике.

Статья представлена в научно-редакционный совет 01.12.2015 г.

С. Д. Бодрунов¹

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

Современная российская экономика переживает сложный период. Сегодня, выражаясь математическим языком, как в «критической точке» сошлись все негативные следствия главных факторов, определяющих ситуацию в нашей экономике. К этим факторам относятся:

- «недореструктурированность» структуры экономики, неэффективность либеральной политики ее преобразования, неоправданная приоритизация стабильности финансового сектора экономики в ущерб реальному;
- недостаточная эффективность государственного регулирования, институтов управления, недостатки судебной системы и т. д.;
- совпадение низших фаз ряда экономических циклов, в том числе цикла деловой активности;
- обострение геополитического соперничества (падение цен нефть и газ, санкции и ограничения Запада, наши контрсанкции).

Основным из наиболее разрушительных результатов проводившейся политики является деиндустриализация экономики. Я уверен, что обращение к альтернативным (по отношению к нынешнему курсу) моделям экономического развития – теоретически правильная и практически важная постановка проблемы.

Стержнем новой экономической модели, по нашему мнению, должно стать восстановление ведущей роли реального сектора (в первую очередь – промышленности), индустриализация нашей экономики на базе преимущественного развития высоких технологий. В реиндустриализационную парадигму полностью вписывается решение задачи импортозамещения.

Как мы не раз отмечали, в современном мире такая задача никогда не решалась без ведущей роли государства. И здесь, безусловно, встают вопросы о соотношении роли государства и рынка, механизмах регулирования их отношений и т. д. Еще раз отметим важность использования государственных ресурсов для запуска механизмов реиндустриализации и модернизации российской экономики в целом. К сожалению, с бюджетными ресурсами у нас в настоящее время все не так просто. Как известно, до 2015 г. бюджет в Российской Федерации формировался на трехлетний период, что обеспечивало преемственность в реализации экономической политики. И государственные органы, и хозяйствующие субъекты четко видели перспективу развития на среднесрочный период. Однако в связи с общей нестабильностью экономики было принято решение о переходе с 2016 г. на однолетний цикл планирования и исполнения бюджета, что усложняет решение задач экономической модернизации. Сегодня нужна система активного государственного воздействия на основные пропорции общественного производства и соответствующая промышленная политика. Однако ресурсных возможностей для этого явно недостаточно. В этой связи вернемся к принципам модернизационной политики.

¹*Сергей Дмитриевич Бодрунов*, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, первый вице-президент Вольного экономического общества России, д-р экон. наук, профессор.

Говоря о роли государства, мы имеем в виду не его прямое вмешательство в деятельность хозяйствующих субъектов, а усиление косвенного влияния через активизацию институтов предпринимательской деятельности. При этом необходимо помнить о соблюдении принципа социальной справедливости и ответственности. Иными словами, модернизационная политика будет эффективной, только если регулирование опирается в первую очередь на инициативу и заинтересованность производителей.

Независимо от ситуации с государственными финансами важно сохранять ключевые ориентиры: развитие промышленности, проведение новой индустриализации как основы модели успешного долгосрочного экономического развития России, единственно позволяющей обеспечить независимость нашей страны как экономического и политического субъекта международных отношений.

Экономическая ситуация, в которой находится Россия, требует сокращения бюджетных расходов с одновременным стимулированием модернизации производства в целях обеспечения национальной безопасности и импортозамещения, а также социальной стабильности. Данная задача требует неординарных и жестких решений. Анализ показывает, что простым сокращением и/или перераспределением бюджета ее не решить; важно определиться с принципиальными ориентирами политики. Какие альтернативы здесь возможны?

Во-первых, *сохранение существующей модели* (соединение преимущественно рыночных начал с теневым государственным регулированием, ручным управлением и «вассалитетом» в отношениях государства и бизнеса), что приведет к экстраполяции современных тенденций и проблем на будущее, к формированию *инерционного сценария развития*.

Во-вторых, *усиление либерального курса (либеральный сценарий)*. Мы полагаем, что реализация такого подхода только углубит и обострит имеющиеся проблемы. Это доказывает опыт постсоветского развития.

В-третьих, *изменение курса* – радикальное сокращение теневого и расширение открытого общественно-государственного регулирования и значимых льгот для производительного бизнеса, в первую очередь промышленности (приоритет – высокотехнологические отрасли). Это – *инновационный сценарий развития*.

Представляется, что реализация инерционного сценария приведет к углублению стагнации, а либеральный вариант обернется «новыми девяностыми». Таким образом, единственно продуктивным является инновационный сценарий. Мировой опыт показывает, что выход из кризисов (в США – после депрессии, в Китае – после Мао и т. п.) всегда осуществлялся путем перехода к новой модели развития и экономической политике. Если это не происходит (Запад и Россия после кризиса 2007–2009 гг.), после кризиса вместо подъема следует затяжная стагнация.

Подчеркнем, что для смены курса экономической политики есть главное – поддержка населения. Значительная часть граждан России после воссоединения Крыма готова к ориентации не только на личные меркантильные цели, но и на решение серьезных общенародных задач. Это можно и должно использовать для «включения» социальной патриотической мотивации, дополняющей материальную поддержку предпринимателей и работников, реализующих новые стратегические цели.

Принципиальные направления стратегических изменений неоднократно обсуждались, в том числе на страницах нашего журнала. Важно начать их реализацию, причем немедленно! Приоритеты модернизации, как минимум, следующие:

1. Вложение основных инвестиций в государственно-частные программы развития высокотехнологичного производства и сопряженных с ним образования и науки, а также в ограниченный круг программ по возрождению человеческого потенциала.

2. Сокращение до минимума налогов на бизнес, включенный в такие программы; увеличение налогов на все формы и виды посреднического бизнеса; введение прогрессивной ставки налогов на сверхдоходы, не инвестируемые в названные программы.

3. Организация дешевого и долгосрочного прямого государственного (без финансовых посредников) целевого кредитования производительному бизнесу исключительно под реализацию указанных выше программ.

4. Развитие системы институционального обеспечения программ, в частности, на основе государственно-частного партнерства (ГЧП) при гарантии ведущей роли государства.

При этом следует учесть коррупционный фактор, который начинает играть заметную роль, как только в России заходит речь о значительных бюджетных ассигнованиях. Для снижения коррупционной составляющей и бюрократизма разработка и реализация рассмотренных программ должны происходить максимально открыто, публично и прозрачно на всех этапах. В противном случае любые шаги по изменению экономической (и, в частности, бюджетной) политики будут парализованы бюрократией и сращенным с ней частным бизнесом.

Рассуждая о реализации модернизационной политики, мы не случайно указываем на необходимость развития ГЧП. Несмотря на ведущую роль государства, оно попросту не имеет необходимых ресурсов, а бюджетные проблемы, как указывалось выше, в современной России обострились. Большая часть ресурсов для реализации программ должна поступать из внебюджетных источников – это средства, получаемые за счет дифференциации налогов, прямого государственного кредитования и снижения коррупционной составляющей. Важно задействовать и неденежную мотивацию, которая играла важную роль в стимулировании реализации долгосрочных программ по выходу из кризисов и на Западе, и на Востоке.

Решение бюджетных проблем должно быть ориентировано на *перераспределение расходов*: возможно некоторое увеличение расходов на экономическое развитие (резкое увеличение финансирования программ, некоторое сокращение остальных расходов); увеличение федеральных расходов на образование и науку (концентрация ресурсов на реализации программ, в том числе за счет сокращения региональных расходов). Важным шагом может стать концентрация социальных расходов на ограниченном круге важнейших программ.

Однако, если не удастся мобилизовать значительные внебюджетные ресурсы, а бюджет не получит дополнительных средств, то для реализации перечисленных задач придется пойти на сокращение либо общегосударственных и/или оборонных расходов, либо социальных расходов в реальном исчислении. Однако уменьшение расходов на оборону в нынешней геополитической обстановке создает угрозу национальной безопасности, а снижение социальных расходов – угрозу социальной стабильности.

Кроме того, следует помнить, что любые меры по сокращению и/или перераспределению бюджета будут очень болезненными, затронут интересы тех или иных «групп влияния», которые предпримут значительные (и, как представляется, небезуспешные) усилия по торпедированию или саботажу такого перераспределения. Таким образом, серьезные шаги по выходу из стагнации возможны только при увеличении доходной части бюджета и, главное, задействовании внебюджетных источников развития.

Главным источником развития экономики и роста бюджетных поступлений может стать активизация частного бизнеса, в первую очередь, ориентированного на новую индустриализацию (развитие высоких технологий в материальном производстве) и развитие человеческого потенциала (образование, НИОКР). Однако решение этой задачи упирается в болезненные институциональные преобразования, которые опять же затрагивают интересы ряда политико-экономических элит РФ; преодоление их сопротивления в этом случае также должно стать приоритетной государственной задачей.

Кроме того, дополнительные доходы бюджета могут быть получены за счет перераспределения доходов населения, что является весьма болезненной мерой. Как его можно осуществить? В случае инновационного сценария это должно быть перераспределение на реализацию названных программ той части доходов наиболее богатых граждан страны, которые ныне используются ими на личное потребление и инвестиции в сферы, не отвечающие задачам возрождения страны (вывоз средств за рубеж, в частности в оффшоры; вложения в финансовое и иное посредничество и т. п.).

Предотвращение бегства крупного капитала вполне реально, и здесь нам неплохо помогают европейские и американские «партнеры» своей политикой персональных санкций и финансовых ограничений в отношении представителей российской политической и деловой элиты. В этом вопросе можно использовать и богатый зарубежный опыт. В настоящее время государство предпринимает меры по деоффшоризации экономики и возврату капитала, однако, нам гораздо более эффективной представляется задача предотвращения дальнейшего бегства капитала.

Решение проблем бюджетного дефицита невозможно без серьезных изменений в экономической политике. При отказе от таких существенных и болезненных изменений, затрагивающих интересы некоторых элит, реальным сценарием будет продолжение стагнации. Преодолению стагнации должны содействовать исполнение социальных обязательств, поддержка уровня жизни и доходов населения, принятие мер по неснижению внутреннего спроса, который является основным драйвером экономического роста.

Главным фактором торможения роста и падения производства в 2015 г. явилось скачкообразное повышение ключевой ставки, которое сделало недоступным кредитование большинства отраслей экономики. Поэтому оптимальным стимулом для запуска модернизационных процессов было бы кардинальное снижение ключевой ставки или применение эмиссионного финансирования крупных инфраструктурных, а также промышленных проектов по производству продукции повышенного спроса.

Однако, учитывая негибкую позицию ЦБ и Минфина, считаем допустимыми два более «мягких» метода стимулирования экономического роста. Во-первых, это субсидирование процентной ставки инвестиционных кредитов (на 3-4 года) до уровня, когда пользователь уплачивает 3-4 %, для отраслей, способных быстро построить (или реконструировать) объекты и начать выдачу продукции повышенного спроса. Во-вторых, временное существенное снижение налогов для этих отраслей. Дополнительные средства для решения этой задачи можно найти за счет некоторого сокращения и удлинения периода реализации оборонных программ.

Надо также учитывать, что курсовая динамика национальной валюты в 2014–2015 гг. имеет не только негативные, но и положительные эффекты. Вследствие девальвации рубля в 2016 г. должна возрасти рентабельность многих отраслей (при стимулировании их хозяйственной деятельности путем некоторого снижения налогов), соответственно увеличатся поступления в бюджет. В частности, существенный эффект

могут дать дополнительные вложения (субсидируемые правительством) в сельское хозяйство и пищевую промышленность в рамках импортозамещения.

Подводя итог, отметим, что несмотря на все сложности, осуществление модернизации и реиндустриализации экономики России является достижимой целью даже в условиях сокращения доходной части государственного бюджета. Требуются новые, нетривиальные шаги, изменение самой сущности государственной экономической (в том числе бюджетной и промышленной) политики и ее нормативно-правовой базы. Главное – ориентация на приоритеты, которые носят средне- и долгосрочный характер, и тогда, по нашему мнению, все проблемы будут успешно преодолены.

Статья представлена в научно-редакционный совет 29.09.2015 г.

С. С. Губанов¹

ОТ ЭКСПОРТНО-СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ К НЕОИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Итак, главной темой дискуссии сегодня остаются системные аспекты подготовки и развертывания неоиндустриальной модернизации, конкретнее – утверждение, что акцент следует перенести на формирование *конвергентной экономической системы*, рассчитанной на успешное осуществление новой индустриализации России – на формирование такой экономической системы, в которой органически сочетаются прямые и косвенные (плановые и коммерческие) методы регулирования народного хозяйства и факторов экономического развития.

Конечно, системный аспект находится в русле стратегического направления, связанного в первую очередь со стратегическим планированием и долгосрочной промышленной политикой (включая планирование высокотехнологичного импортозамещения), поскольку для проведения крупномасштабной новой индустриализации нашей стране нужна *особая, во многом новаторская, модель народнохозяйственного планирования и планово-регулятивного механизма*. Представляются весомыми доводы и аргументы в пользу общегосударственного плана по обеспечению импортозамещения, поскольку высокотехнологичное импортозамещение (которое нам необходимо) составляет задачу системную и стратегическую, а не сиюминутную и тактическую.

Самого пристального внимания требует отношение к системному вопросу о «новой экономической модели». В последнее время по указанной тематике наблюдаются интересные подвижки; обозначилась даже симптоматичная дифференциация в лагере ретролибералов, в связи с чем, на наш взгляд, появилась известная статья Д. Медведева².

Однако, вначале вернемся к некоторым теоретическим вопросам, которые считались уже решенными.

Неоиндустриализация – цель или средство? Казалось бы, ответ предполагается сам собой – нет, это не средство. Между тем, такой ответ правилен, только когда мы рассматриваем социально-экономическую систему в целом, в единстве всех ее компонентов. Но он будет неправильным, если мы рассматриваем производительные силы страны.

Надо отчетливо понимать, что с точки зрения развития наших производительных сил неоиндустриализация является именно *целью*. Нам нужно поднять производительные силы России на технотронный уровень развития³, или, несколько упрощая,

¹ Сергей Семенович Губанов, главный редактор журнала «Экономист», д-р экон. наук, профессор.

² Подробнее см.: Губанов, С. Кризисные реалии России и их преломление в оценках правительства (анализ статьи Д. Медведева) // Экономист. 2015. № 10.

³ Во избежание недоразумений отметим, что употребляемый нами термин «технотронный» обозначает микропроцессорную интеграцию рабочих машин с управляющими и отнюдь не заимствован у З. Бжезинского, который объединял технологии и электронику в названии «технетронный», отрывая их при этом от индустрии, а «технетронное» общество выводил из «постиндустриального», хотя довольно оригинально возражал против терминологии Д. Белла. См.: Brzezinski, Z. Between Two Ages. America's Role In The Technetronic Era. New York: The Viking Press. 1970. P. 9.

необходимо их автоматизировать. Задача заключается в том, чтобы наши производительные силы превратились в автоматизированную систему машин, состояли из системно взаимосвязанных автоматизированных рабочих мест. С этой точки зрения неоиндустриализация суть стратегическая цель, а не просто средство.

Индустриальный прогресс и его классические критерии. Следующий важный вопрос: что такое индустрия? Если бы подобный вопрос исходил от философа, то допустимо было бы ответить в том же философском ключе, что мы знаем только то, что ничего не знаем. Но для специалистов, которые смотрят на реальное состояние производительных сил и производственных отношений, важен более конкретный критерий, который отнюдь небызвестен.

Для начала напомним основополагающий в экономической мысли критерий А. Смита. Речь идет не о том недоразумении по поводу «невидимой руки», которое ложно приписывают автору «Богатства народов», произвольно переделывая небесный и провиденциальный образ классического оригинала в земной и утилитарный типаж И. Бентама (см.: [1]). Речь идет о подлинно научном критерии нашего предшественника и классика, который очень просто и доходчиво объяснял, что такое индустрия. По его мнению, индустрия – это занятие изготовлением машин, которые позволяют «одному человеку выполнять работу многих», т. е. двух-трех и более работников [2, с. 17]. Таков критерий А. Смита, выработанный в то время, когда машинная индустрия только зарождалась.

С тех пор появились более строгие научные критерии, в соответствии с которыми к индустрии относится все, что обеспечивает труд по экономии труда. Это уже более емкая формулировка, своего рода категориальная свертка, обогащенная диалектикой общественного воспроизводства. Если же развернуть классическое понимание согласно экономическим законам нашей эпохи, то *индустрия представляет собой способ замещения трудоемкого машиноемким.*

Думается, что по-философски наши крупные предшественники с великим советским опытом в 1920-е гг. не больше нашего знали о том, что такое индустрия. Тем не менее они совершенно корректно поставили задачу электрификации производительных сил нашей страны. И это не было чистым средством, электрификация служила также и целью, причем с позиции производительных сил – целью поистине грандиозной, исторически масштабной и абсолютно правильной.

Неоиндустриализация в единстве ее целей и средств. Что такое неоиндустриализация, или вторая фаза индустриализации, если вести отсчет от электрификации? Новая индустриализация означает автоматизацию наших производительных сил, применительно к которым она воплощает в себе стратегическую цель развития. С точки зрения общества, автоматизация требуется вовсе не ради самой автоматизации, а ради человека, чтобы повысить производительность труда, поднять уровень жизни и социальные стандарты. Короче, новая индустриализация – это магистральный путь к более высокой ступени социально-экономического прогресса.

На наш взгляд, в перспективе неоиндустриализация обеспечивает формирование нового общества. Какого? Безусловно, следует принципиально согласиться с В. Т. Рязановым и А. В. Бугалиным, которые верно подметили единство новой индустриализации с тенденцией социализации. Действительно, неоиндустриализация закономерно предполагает, что ее движущей силой будет выступать, в конечном счете, не частный и не государственный, а *социальный капитал.*

Благодаря неоиндустриальной парадигме мы фиксируем совершенно новое социальное измерение, новое социальное видение исторической перспективы и ее содержа-

тельного наполнения. Новая индустриализация, или автоматизация производительных сил дает «на выходе» нового, творческого, человека. Научекомому способу производства органически соответствует научекомый работник – это архиважный момент, всю значимость которого еще только предстоит осмыслить.

Допустимо ли противопоставление инноваций и неоиндустриализации? Как представляется, некоторые дискуссионные воззрения объясняются главным образом недооценкой внутреннего единства научекомой индустриализации и научекомого труда. В связи с этим хотелось бы сделать одну поправку к теоретическим размышлениям Г. Б. Клейнера. В отечественной литературе уже разбиралась попытка искусственного противопоставления инноваций и неоиндустриализации [3]. Тон задают те, кто категорически выступает против неоиндустриального курса нашей страны, за деиндустриализацию России, навязывая сохранение экспортно-сырьевой модели в желаемом для них образе «экономики предложения».

Экспортно-сырьевая модель имеет много граней. Прежде всего она является моделью импорта инфляции и моделью деиндустриализации нашей страны. При сохранении экспортно-сырьевой модели импорт инфляции продолжится, наше народное хозяйство останется опутанным жесткими системными ограничениями, не способным самостоятельно создавать высокие технологии и автоматизированные рабочие места.

Позволительно спросить: на каком базисе можно вести продуктивную инновационную деятельность? Возможно ли это без передовой индустрии, без научекомой орудийной деятельности, без машинных средств производства? Нет, инновации немислимы без новой, научекомой индустриализации. Поэтому каждый, кто искренне голосует за инновации, должен выступать за индустриально-технологическую базу для инновационной деятельности. Кроме того, что такое автоматизированное производство? Оно не только непрерывное по режиму работы, но и дискретное. Оно является гибким и функционирует по принципу «точно вовремя». Оно допускает размер партии, сведенной до единичного изделия.

Приведем в качестве примера опыт швейцарской электротехнической ассоциации *Swissmem*, предприятия которой выпускают обрабатывающие центры. Само по себе швейцарское станкостроительное производство является крупносерийным, но каждый из выпускаемых обрабатывающих центров индивидуален. Почему? Во-первых, потому что налажено гибкое автоматизированное производство; во-вторых, потому что обрабатывающий центр еще на стадии проектирования встраивается в строго определенную цепочку производства добавленной стоимости, где занимает отведенное ему место. Без гибкого автоматизированного производства невозможно выпускать продукцию, адаптированную к индивидуальным нуждам промежуточного или конечного потребителя.

Неоиндустриализация и ее системный фундамент. Не при всякой системной модели возможно проведение неоиндустриальной модернизации. Проблема состоит в том, что на базе экспортно-сырьевой модели новая индустриализация России неосуществима, как недостижимо и решение однопорядковой, в сущности, задачи высокотехнологичного, или неоиндустриального импортозамещения. На этой базе воспроизводится лишь системный кризис, который разрешается переходом от старой экономической системы к новой, исторически более высокой и прогрессивной, каковой и выступает неоиндустриальная.

Основной тезис сводится к тому, что неоиндустриальная экономическая система должна соответствовать *закону вертикальной интеграции* и функционировать, во-первых, как система интегрированного и суверенного общественного воспроизводства

(а не дезинтегрированного и компрадорского) и, во-вторых, как система конвергентного типа, интегрирующая прямые и косвенные, плановые и коммерческие методы регулирования воспроизводственных процессов.

О том, что экспортно-сырьевая модель суть компрадорская и в корне расходится со стратегическими и суверенными интересами нашей страны, известно давно. В научной литературе данный вывод обосновывается с начала 2000-х гг. [4] и предсказуемо оспаривается лишь представителями ретролиберализма. Правда, представляемые ими возражения лишены предметной аргументации.

Ретролиберальная версия и ее неприемлемость. Ретролибералы занимаются вульгарной апологией экспортно-сырьевой модели со ссылкой на умозрительные «постиндустриальные ценности», несмотря на очевидный с 2014 г. факт автономной, или асимметричной рецессии в России (без рецессии в странах «большой семерки») [5, с. 22]. Впрочем, неожиданную для них автономную рецессию ретролибералы вообще не связывают ни с экспортно-сырьевой моделью, ни с острым системным кризисом, переживаемым Россией. По их мнению, крах терпит «экономика спроса», а выходом является возврат к «экономике предложения» образца лихих девяностых при дерегулировании и полном безучастии государства.

Фактически представители ретролиберальной позиции повторяют набор оценок и предложений, включенных в мертворожденную «Стратегию-2020», только в более категоричном и безапелляционном варианте, играя на допущенном падении экономики и трудностях при сбалансировании государственного бюджета. Чем сложнее социально-экономическая ситуация, тем явственнее политизированность и радикализация ряда сторонников «экономики предложения».

Некоторые из ретролибералов распалют себя бинарным (но не «чистого разума») видением ближайшей перспективы, полагая, что осталось одно из двух: либо административные методы и мобилизация, либо экономические методы и «либерализация» [6, с. 8]. В результате вчерашние умеренные начинают тяготеть к неумеренным, их позиция становится ультимативной и даже майданной, как было на рубеже 2011–2012 гг.

В настоящее время в ретролиберальном стане присутствуют ригоризм и рыночный фидеизм А. Кудрина, Е. Гурвича, Е. Ясина, М. Прохорова⁴; уравновешенный конформизм С. Дробышевского, С. Синельникова-Мурылева, В. Мау, А. Улюкаева⁵; адаптивный консерватизм Б. Титова, В. Жуковского, Я. Миркина⁶. Однако, ригористичные

⁴ См.: Кудрин, А., Гурвич, Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12; Ясин, Е. Г., Акиндинова, Н. В., Якобсон, Л. И., Яковлев, А. А. Состоится ли новая модель экономического роста в России? – М.: Издат. дом ВШЭ. 2013; Прохоров, М. Пять наблюдений и четыре идеи для будущего кризиса // Коммерсантъ. 2015. 29 января.

⁵ См.: Дробышевский, С., Синельников-Мурылев, С. Макроэкономические предпосылки реализации новой модели роста // Вопросы экономики. 2012. № 9; Мау, В. В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2; Мау, В., Улюкаев, А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития // Вопросы экономики. 2014. № 11; Мау, В. Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? // Вопросы экономики. 2015. № 2; Мау, В., Улюкаев, А. Глобальные системные кризисы: уроки истории // Ведомости. 2015. 20 января; Улюкаев, А., Мау, В. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4.

⁶ См.: Титов, Б., Миркин, Я., Жуковский, В. Кризис: Не повторять ошибок // Ведомости. 2015. 3 марта; Титов, Б., Жуковский, В., Миркин, Я. Индустриальный нэп // Независимая газета. 2015. 6 апреля; Миркин, Я. Испытание августом // Российская газета. 2015. 30 июля.

ретролибералы из первой группы заметно перевешивают по своей политической влиятельности, особенно неформальной.

Не вдаваясь в подробный разбор, ограничимся двумя доводами по поводу «экономики предложения». Во-первых, она гарантированно оставляет Россию без бюджетной поддержки совокупного конечного спроса, не избавляя нашу страну от экспортно-сырьевой модели, т. е. модели деиндустриализации и критической внешней зависимости. Во-вторых, Россия уже сполна заплатила за «экономику предложения» в 1990-е гг. – не только беспрецедентным по глубине и масштабу падением экономики, но и массовым вымиранием населения. Повторение разрушительных 1990-х гг. означает для нашей страны неминуемый развал.

Неважно, сознают ретролибералы реальные последствия транслируемых ими политических рекомендаций или нет. Важно, что их позиция, по сути – компрадорская, полностью противоречит базисным интересам России и категорически неприемлема: ни теоретически, ни практически. В самом деле, модернизировать экспортно-сырьевую модель – это все равно, что модернизировать системный кризис.

С позиций неоиндустриальной парадигмы выход заключается в переходе к исторически новой для России экономической системе вертикально интегрированного типа, к системе межотраслевого взаимодействия на основе вертикально интегрированных цепочек производства добавленной стоимости, или системе «экономики ТНК» (разумеется, отечественных ТНК).

Системный подход: единство воспроизводственной классики и аксиоматики Л. Берталанфи. Под экономической системой мы понимаем систему общественного воспроизводства, и следовательно – систему собственности и присвоения. К сожалению, *системно-воспроизводственный подход* тоже игнорируется ретролибералами, вследствие чего происходит изрядная терминологическая путаница.

Термин «экономическая модель», взятый без системной определенности, может пониматься либо произвольно, либо в сугубо инструментальном аспекте – статистическом, экономико-математическом, имитационном, прогностическом, нейролингвистическом и т. д. Фактически говорится – одно, а подразумевается – другое. В литературе советского периода широкое хождение получил термин «хозяйственный механизм» – тоже категориально нестрогий, но все же более предметный. Наука считает наиболее адекватным понятие «экономическая система». Оно не только обладает содержательной определенностью, но и выражает согласованность классической экономической теории с общей теорией систем. В таком случае на первый план при исследовании конкретной системы выдвигается ряд базовых характеристик, без которых немислим системный подход.

Речь об экономической модели допустимо вести лишь при условии, что анализ выстраивается в аксиоматике системного подхода Л. Берталанфи, единого с воспроизводственным. Тогда основным для исследователя является вопрос о внутренних источниках и внутренней движущей силе социально-экономического развития страны, а также о магистральной траектории, поддерживаемой действием спроектированной, организованной и регулируемой системы воспроизводства [7]. Единство воспроизводственного подхода с аксиоматикой общей теории систем Л. Берталанфи просматривалось и раньше, но теперь оно неоспоримо, поскольку основательно аргументировано [8]. В доказательство достаточно привести несколько содержательных доводов.

Как известно, в различных по своей природе системах материального мира и общества подмечен класс неких сходных связей и закономерностей. Например, ассимиляция

и диссимиляция в биологии, притяжение и отталкивание в физике, присвоение и отчуждение в экономике и т. д. Для их математической формализации используется вполне определенный класс дифференциальных уравнений. Существенно, что в общем случае можно получить их качественное решение, выраженное аналитическими функциями.

В зависимости от того, какой функцией описывается решение, исследуемые системы подразделяются на развивающиеся – экспоненциальная функция; застойные, или депрессивные – логистическая функция; динамического равновесия – осцилляторная функция; упадочные, или затухающие – обратно экспоненциальная функция [7, с. 143–155]. Подчеркнем одно принципиальное обстоятельство: как показал Л. Берта-ланфи, развитая им логика остается изоморфной, даже если изучаемые системы приходится классифицировать на закрытые и открытые [7, с. 155–157].

Применительно к экономике в рамках классического синтеза, соединяющего трудовую парадигму с воспроизводственной, под экономической системой понимается система общественного воспроизводства. Теоретически воспроизводство может находиться в трех базовых режимах (или состояниях), не считая промежуточных. При расширенном воспроизводстве экономика развивается; если оно находится в режиме простого, то экономика застойно осциллирует или переживает стагнацию; наконец, если оно становится суженным вне связи с периодическим для капитализма кризисным циклом, значит, экономика испытывает кризис кардинально иного рода – генетически связанный с системным.

Отметим любопытный момент: третий вариант в отличие от двух первых еще ни разу не был предметом отдельного исследования. Отчего? По-видимому, оттого, что хронически суженное воспроизводство – феномен нетипичный, нечто вроде системной аномалии, несовместимой с объективными законами капиталистического хозяйства. Тем не менее каждый из трех вариантов по отдельности и все они вместе убедительно подтверждают единство логики общей теории систем, с одной стороны, и логики воспроизводственного подхода – с другой.

Стало быть, с точки зрения классического учения об общественном воспроизводстве и общей теории систем критерии системной экономической модели строго определены и каноничны: это внутренние источники развития, его движущая сила и магистральная траектория (рост, осцилляция, застой или упадок). В соответствии с данными критериями постановка вопроса о новой экономической системе должна быть обоснована предметным анализом. Важно определить, в каком из возможных системных режимов реально функционирует воспроизводство в нашей стране, или иначе – какой тип динамики генерирует ныне действующая олигархически-компрадорская система: растущий, осцилляционный, застойный или упадочный.

Общая теория систем задает необходимые и обязательные условия системного подхода. Но для классической экономической теории их недостаточно: для нее принципиально выявление и эмпирическое прослеживание конкретной причинно-следственной связи, итог которой воплощается в статистически наблюдаемом типе воспроизводственной динамики.

Основой основ системы общественного воспроизводства выступает определенная форма собственности – та, которая главенствует над командными высотами экономики. Соответственно, системный вопрос сводится к вопросу о собственности, а системный кризис – к кризису формы собственности, господствующей в текущих исторических условиях.

Системный кризис и его истоки. Согласно результатам научного анализа, первоисточником всего множества проблем, переживаемых Россией (от внутренних до внеш-

них), является системный кризис как *кризис системы собственности и присвоения*. Отечественной наукой точно идентифицированы и его природа, и его происхождение [9]. Речь идет о кризисе олигархически-компраторской системы, установленной в процессе трансформационных реформ и закрепившей «командные высоты экономики» в руках компраторского, оффшорного капитала. Системный кризис, и в этом его сущность, всегда имеет отношение к «командным высотам экономики», указывая на то, что они находятся не в тех социальных руках. В. Мау представил «гипотезу наложения», согласно которой системный кризис образуется «наложением» множества бессистемных [6, с. 11]. На наш взгляд, эта «гипотеза» неверна, поскольку противоречит как классической науке, так и общей теории систем.

Именно такого рода кризис изначально испытывает пореформенная Россия, и сейчас он вступил в свою финальную фазу, приняв форму автономной рецессии. Действительно, автономная рецессия – это не просто конец экспортно-сырьевого роста, это конец самой экспортно-сырьевой модели. В форме автономной рецессии «наружу» выступил открытый кризис системы олигархически-компраторской собственности, объективно несовместимой с ключевыми законами и закономерностями нашей эпохи, в частности, с общеисторическим законом замещения трудоемкого науко- и машино-емким (*закон прогресса производительных сил*), а также стадияльно-специфическим законом вертикальной интеграции труда и собственности (*закон прогресса современной экономической системы*).

Если экономическая система начинает войну против объективных экономических законов и попирает их, то дни ее сочтены. В этой сжатой и емкой констатации содержится ключ к правильному пониманию причин и факторов происшедшего с нашей страной в ее советском прошлом и постсоветском настоящем, а также того, что нам надо делать для обеспечения исторически передового и устойчивого будущего страны.

Закон вертикальной интеграции как закон преодоления системного кризиса. Согласно *закону вертикальной интеграции*, системная скорость воспроизводства совокупного производительного капитала достигает максимума, только когда рентабельность промежуточного производства равна нулю. Действует он как закон организации и функционирования межотраслевых цепочек производства добавленной стоимости (национальных и транснациональных) и принадлежит к числу объективных и экономических. Его можно считать законом межотраслевого взаимодействия, законом «экономики ТНК», или законом цепочек добавленной стоимости. Он доказан строго математически, эмпирически, статистически и аналитически, а потому равносителен главной теореме социально-экономического прогресса в условиях современной эпохи [10].

Это тот экономический закон, которого не знал Госплан СССР; не знали «реформаторы» советского периода 1960–1970-х гг.; не знали и не хотели знать ни антисоветские «перестройщики», ни сменившие их постсоветские «младореформаторы»; это закон, против которого направлен диктат «Вашингтонского консенсуса», как зеницу ока оберегающий мировую гегемонию вертикально интегрированных американских ТНК; это тот самый экономический закон современности, который отказываются признавать ретролибералы, поскольку он обезоруживает и обесценивает их вассальную идеологию подчинения иностранному капиталу, исповедуемую под вывеской «либерализма».

Научное и практическое значение закона вертикальной интеграции исключительно велико – он дает точный и безошибочный критерий для идентификации меры прогрессивности социально-экономической системы любой страны. Справедливо утверждение: современная экономическая система прогрессивна ровно настолько, насколько

она вертикально интегрирована и способна обеспечивать межотраслевое взаимодействие, или в какой мере она является «экономикой ТНК».

Благодаря этому закону интегрированные экономические системы отграничиваются от дезинтегрированных, высшие – от низших, передовые – от отсталых, перспективные – от бесперспективных, независимые и суверенные – от зависимых и несuverенных, имперские – от неокOLONиальных, центральные – от периферийных и т. д.

Анализ с опорой на закон вертикальной интеграции предельно точно проясняет, почему советская экономическая система начиная с 1960-х гг. теряла плановые рычаги межотраслевой интеграции и внутреннего взаимодействия, превращаясь от реформы к реформе из плановой в бесплановую, а в середине 1980-х гг. была целенаправленно доведена до прямой дезинтеграции и развала.

Аналогичный анализ применительно к нынешним постсоветским реалиям вскрывает главную причину неэффективности так называемых госкорпораций типа «Ростех». Что вертикально не интегрировано и не организовано в форме межотраслевых цепочек производства добавленной стоимости, то заведомо неэффективно. У нас госкорпорации – без вертикальной интеграции, без системы и цепочек межотраслевого взаимодействия, а значит, функционируют в противоречии с требованиями закона системной прогрессивности и эффективности. С точки зрения закона вертикальной интеграции это корпорации лишь по названию, а не по экономическому содержанию, короче – псевдокорпорации.

Всякая экономическая система, независимо от национальной специфики, объективно обречена на внутренний кризис и неминуемый крах, если она не приведена в соответствие с требованиями закона вертикальной интеграции и допускает извлечение прибыли из промежуточного производства (сырья, полуфабрикатов и продукции первичных переделов). В таком случае вместо системной эффективности и движения вперед, к вершинам социального прогресса, повышения производительности труда и качества жизни общество впадает в системный кризис, теряет перспективу и управляемость, начинает скатываться в группу исторически отсталых стран, каablyно зависимых от передовых держав.

Последний случай, к сожалению, является реальностью пореформенной России. Особенность текущего момента в том, что системный кризис дошел до своей заключительной фазы – автономной рецессии, произошла цепная реакция обострения. Для разрешения этого кризиса необходим переход к более прогрессивной экономической системе, которой может быть только система вертикально интегрированного строения. Спецификой названной экономической системы представляется ее соответствие закону вертикальной интеграции и стратегической цели – новой, технотронной индустриализации России.

Характеристика новой индустриализации. Под новой индустриализацией понимается исторически закономерный процесс развития производительных сил после завершения, в основном, первой фазы индустриализации – электрификации. Как уже говорилось, он представляет собой вторую фазу индустриализации – автоматизацию и компьютеризацию производственного аппарата. Благодаря компьютеризации автоматизированной становится не только рабочая машина, но и управляющая, а производительные силы принимают форму технотронной триады: работник – ЭВМ – автоматизированные средства производства.

Фазы индустриализации органически взаимосвязаны, поскольку автоматизировать можно лишь предварительно электрифицированные производительные силы

общества. Поэтому электрификация суть обязательная предпосылка новой индустриализации – цифровой, наукоемкой, технотронной.

Социально-экономическая цель новой индустриализации заключается в создании народнохозяйственной системы автоматизированных машин, функционирующей в соответствии с принципами и началами прогрессивного и гуманистического развития: трудосбережения; вертикальной интеграции; межотраслевых цепочек производства добавленной стоимости, выстроенных в соответствии с законом вертикальной интеграции, который требует нулевой или близкой к нулю рентабельности промежуточных звеньев; принципа «точно вовремя»; безлюдности; безотходности; рециркуляции ресурсов; постнефтяной энергетики; единства НТП и прогресса экономической системы; инклюзивного планирования (консенсус-планирования)⁷; воспроизводства человека и здоровой окружающей среды.

Качественной мерой новой индустриализации выступает прогрессивное изменение характера труда и структуры занятости, сопровождаемое сокращением доли физического труда и увеличением доли умственного; становлением интеллектуального труда как массового и преобладающего; трудосбережением.

Количественной мерой новой индустриализации служит удельный вес автоматизированных, оцифрованных рабочих мест в народном хозяйстве, прежде всего – в материальном производстве.

Базисными продуктами новой индустриализации являются микропроцессоры и микропроцессорные устройства. Исторически поворот к ней начался с микропроцессорной революции в 1970-х гг.⁸

Непосредственный результат новой индустриализации состоит в достижении технотронного уровня развития производительных сил, основанного на технотронной триаде: совокупный работник – ЭВМ – автоматизированные средства производства.

Социальный результат новой индустриализации воплощается в формировании основ нового общества, для которого на первом месте стоят воспроизводство человека и улучшение качества жизни, растущая социальная доступность материальных и духовных благ, а не прибыль.

⁷ На наш взгляд, схожую модель современного планирования подразумевает академик В. Полтерович, когда говорит об «интерактивном планировании» (см.: Полтерович, В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6). К сожалению, «интерактивное планирование» не увязывается автором с новой, наукоемкой индустриализацией и новым системным целеполаганием.

⁸ Из-за антинаучной методы футуризма (взгляд на настоящее с позиции воображаемого будущего) архитектор «постиндустриальной» догмы Д. Белл весьма поверхностно оценил значение компьютера, так и не распознав в ЭВМ машину, благодаря которой автоматизация (а вместе с ней – индустриализация) распространяется на сферу не только физического, но и умственного труда. «Проглядев» поворот к индустриализации труда интеллектуальных работников, т. е. ко второй ее фазе, умную по сути индустриализацию (наукоемкую, цифровую и технотронную) Д. Белл безосновательно выдал за «постиндустриальный» процесс, расставив ложные координаты исторической перспективы человечества. Примечательно, что даже в 1998 г., сочиняя предисловие ко второму русскому изданию, вместо технологической *интеграции* электротехнических машин с электронными Д. Белл постулировал *замену* первых вторыми (см.: Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia. 2004. С. CV). Подобно герою басни Крылова, не приметившему слона, Д. Белл не заметил неоиндустриального общества, о грядущем наступлении которого возвестила микропроцессорная революция. З. Бжезинский с его «технетронным веком» оказался куда проницательнее, несмотря на беспредметный нигилизм в отношении индустрии.

Подъем производительных сил на технотронный уровень развития гарантирует превращение науки в непосредственную производительную силу общества. Соответственно вся совокупность отличительных признаков второй, технотронной, фазы индустриализации суммируется в ее наукоемком характере, связанном с планомерным замещением трудоемких рабочих мест машиноемкими, трудосберегающими.

Если коротко, то неоиндустриальная эпоха – это эпоха становления нового общества, в экономической системе которого доминирует социальный капитал, функционирующий в соответствии с законами вертикальной интеграции и воспроизводства человека, а не прибыли. Вместе с новой индустриализацией человечество вплотную подходит к эпохе первичной социализации производительных сил и общественного воспроизводства, причем социализации не внеэкономической, а именно и больше всего – экономической, т. е. не формальной, а реальной.

«Экономика ТНК», системная многоукладность и ее иерархия. Подчеркнем, что вертикально интегрированная экономическая система («экономика ТНК») не отменяет многоукладности форм собственности. Этот пункт постоянно искажается ретролибералами. Верные себе, они остаются вечно вчерашними: как мыслили в конфронтационной и абсурдной логике «частное – государственное», так и продолжают. Для них шаблон один: если не частное, то государственное, а если не государственное, то частное. Они отказываются замечать, что историческая эволюция капитализма ушла на полтора столетия вперед по сравнению с их архаичными воззрениями, а экономическая материя промышленно развитых стран заполнена вертикально интегрированными, смешанными комбинациями различных форм собственности – «экономикой ТНК».

Пугая экспроприацией в случае новой индустриализации, ретролибералы не отдают себе отчета в том, что это абсолютная несообразность [11]. Никакая экспроприация не создает вертикальной интеграции собственности и системы межотраслевого взаимодействия в цепочках воспроизводства добавленной стоимости. Если бы ретролибералы попытались хоть немного разобраться в проблематике вертикальной интеграции, возможно, их суждения стали бы предметными, а не беспредметными [12].

Воевать против многоукладности форм собственности, как было после принятия советской Конституции 1936 г. и конституционного закрепления левацкой формулы о «победе социализма», неоиндустриальная парадигма развития не призывает и не может призывать, поскольку является строго научной и исходит из объективных реалий.

Текущие задачи и приоритеты в области форм и отношений собственности совсем иные. *Первый приоритет* – устранение компрадорского характера всех форм собственности, не исключая государственную, которая в условиях экспортно-сырьевой модели объективно тоже больше компрадорская, чем суверенная. Но это не значит, что для ликвидации компрадорского характера государственной формы собственности нужно ликвидировать саму эту форму.

Второй приоритет – признание иерархии многоукладных форм собственности. Их многоукладность должна быть структурированной и упорядоченной, из чего вытекает необходимость ее иерархического порядка.

Третий приоритет – решение вопроса о ведущей форме собственности, которая структурирует всю многоукладную иерархию и делает ее фундаментально устойчивой. Согласно неоиндустриальной парадигме, этот принципиальный вопрос решается в пользу вертикально интегрированной формы собственности – интегральной, конвергентной, корпоративной.

Как видим, экспроприация не фигурирует среди приоритетов, важных для правильного решения вопроса о собственности в интересах неоиндустриального развития нашей страны. Ретролибералы, утверждая обратное, грубо фальсифицируют неоиндустриальную повестку.

Нужно помочь компрадорам сделаться промышленными капиталистами. Заметим, помочь не средствами из госбюджета, а с помощью вертикальной интеграции, прежде всего через слияния и поглощения, реорганизацию, реструктуризацию и т. д. Компрадорский капитал, включенный в проектируемые вертикально интегрированные цепочки воспроизводства наукоемкой конечной продукции, растворится в промышленном и окажется связанным не с промежуточным, а с конечным производством. Тогда не будет возможности извлекать прибыль из промежуточного добывающего сектора в нарушение закона вертикальной интеграции. Экономическая система будет все больше соответствовать закону вертикальной интеграции, избавляя Россию от деиндустриализации, активно продвигая новую индустриализацию, высокотехнологичное импортозамещение, укрепление ОПК, повышение производительности труда и качества жизни людей, становление сектора рециклинга.

Крупные межотраслевые отечественные корпорации позволят исключить опустошительную для нас схему компрадорского толлинга, когда центры издержек остаются в России, а центры прибыли выносятся в оффшоры и промышленно развитые страны, вследствие чего наше хозяйство испытывает инвестиционный голод и страдает от низкой эффективности капитальных вложений. Благодаря вертикальной интеграции воспроизводства, уровень окупаемости капитальных вложений возрастет многократно по сравнению с нынешним.

Выводы

В соответствии с изложенными соображениями целесообразно организовать разработку *долгосрочной стратегии новой индустриализации России*. К этой работе следовало бы подключить все научно-экономическое сообщество страны, а не только сторонников неоиндустриальной парадигмы. При определенных условиях разработку долгосрочной стратегии новой индустриализации России можно совместить с разработкой «Стратегии-2030».

Страна скоро вступает в новый электоральный цикл. Определился ряд стратегических платформ, готовых представить крупные доклады, приуроченные к предстоящей выборной кампании. Известны основные интеллектуальные центры, известно, откуда истекает и какая позиция будет представлена в том или ином программном документе.

На наш взгляд, пока что налицо заметный перекоп. Как показывает анализ докладов, выпущенных для «пробы сил», в их тематике не значится проработка неоиндустриальной перспективы России. Несомненно, это – большой недостаток. А, может быть, нам всем стоит подумать, прикинуть свои возможности и объединить усилия для того, чтобы в электоральной повестке появился стратегический доклад, посвященный неоиндустриальной перспективе России.

Список литературы

1. Губанов, С. Трудовая парадигма: А. Смит против «неоклассики» / С. Губанов // Экономист. – 2009. – № 3.

2. *Smith, A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. The Glasgow Edition Of The Works And Correspondence Of Adam Smith. Vol. II. – Oxford: Clarendon Press. 1979.
3. *Губанов, С. С.* Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М.: Книжный мир, 2012.
4. *Губанов, С.* Рост без развития / С. Губанов // Экономист. – 2003. – № 9.
5. *Мау, В.* Глобальный кризис и тенденции экономического развития / В. Мау, А. Улюкаев // Вопросы экономики. – 2014. – № 11.
6. *Мау, В.* Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? / В. Мау // Вопросы экономики. – 2015. – № 2.
7. *Von Bertalanffy, L.* An Outline of General System Theory / L. von Bertalanffy // The British Journal for the Philosophy of Science. – 1950. – Vol. 1. № 2.
8. Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития / рук. авт. колл. П. В. Савченко. – М.: Инфра-М. 2014.
9. *Губанов, С.* Автономная рецессия, или Финальная фаза системного кризиса России / С. Губанов // Экономист. – 2013. – № 9.
10. *Губанов, С.* Перспектива – переход к государственно-корпоративной экономике / С. Губанов // Экономист. – 1998. – № 6. – С. 70.
11. *Губанов, С.* Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики / С. Губанов // Экономист. – 2014. – № 4.
12. *Machlup, F.* Bilateral Monopoly, Successive Monopoly, and Vertical Integration / F. Machlup, M. Taber // *Economica*. – 1960. – Vol. 27. №. 106.

Статья представлена в научно-редакционный совет 13.11.2015 г.

*Д. Б. Эпштейн*¹

О ПЕРЕХОДЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ К НОВОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЮ

Ситуация в российской экономике характеризуется рядом негативных явлений. Динамика снижения темпов роста ВВП в 2010–2013 гг. сменилась их падением в 2014–2015 гг. Наиболее сильно снизился рост ВВП в материальном секторе, прежде всего в обрабатывающей промышленности и строительстве, которые являются основой обороноспособности, экономической и политической независимости страны.

В 2013–2015 гг. произошел скачок курса доллара примерно с 30 до 70 р./долл. Это вызвало скачкообразное ускорение темпов роста цен, снижение реального уровня зарплат и доходов. В середине декабря 2014 г. Центробанк, стремясь сократить спрос на валюту, не нашел ничего лучшего, как повысить ключевую ставку до 18 %, чем на долгие месяцы сделал кредиты недоступными для материального сектора, который и до этого испытывал дефицит средств как для текущих операций, так и для развития. Это усугубило негативные тенденции в экономике.

Экономика России находится под воздействием двух негативных внешнеэкономических процессов: снижение цен на нефть и санкции со стороны США, ЕС и ряда других государств. При этом темпы роста снизились почти до нуля задолго до начала действия этих факторов. В связи с падением экономики возник дефицит бюджета, из-за чего правительство не может принять эффективные меры по компенсации потерь материального сектора.

Таким образом, мы имеем целый комплекс взаимодействующих негативных факторов, в совокупности серьезно усиливающих кризис в российской экономике. Его нередко справедливо называют рукотворным, имея в виду действия Центробанка. Но коренная причина кризиса значительно глубже – это длительный период недостаточных мер по отказу от экспортно-сырьевой модели, период господства праволиберальной парадигмы и рыночного фундаментализма в управлении экономикой с 1992 г. [7].

В этой связи основными средствами для вывода страны из экономического кризиса являются реиндустриализация и импортозамещение, позволяющие уйти от сырьевой модели. Каково же соотношение реиндустриализации и импортозамещения? В сегодняшних условиях реиндустриализация – это создание и воссоздание эффективной и конкурентоспособной отечественной промышленности на новой технологической базе. На эту тему есть немало содержательных работ [2, 3, 5]. А что такое сегодня импортозамещение? Может быть, мы должны следовать идеям раннего меркантилизма: больше продавать за рубеж и меньше покупать за рубежом, наращивать экспорт и снижать импорт, увеличивая запасы валюты и драгоценных металлов? Или мы должны поставить задачу сокращения импорта по абсолютной величине вне зависимости от экономической ситуации и фазы развития? Или речь идет только о сокращении доли импорта в непроизводственном потреблении? Или, наоборот, необходимо

¹*Давид Беркович Эпштейн*, главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН, д-р экон. наук, профессор.

сократить долю импорта в производственном потреблении, если речь идет о развитии отечественного промышленного производства? С другой стороны, вполне очевидно, что для подъема отечественной промышленности понадобятся возросшие объемы импорта оборудования, по крайней мере до тех пор, пока мы не начнем производить это оборудование сами в несравненно больших объемах.

Встает вопрос, возможен ли рост отечественной промышленности одновременно с ростом импорта средств производства такими же темпами или даже с временным опережением роста импорта? Теоретически в течение определенного периода вполне возможен опережающий рост импорта, если мы будем вынуждены закупать оборудование в больших объемах для переоснащения производства.

Кстати, в период индустриализации в СССР импорт рос весьма высокими темпами! Так, за 1929–1933 гг. импорт средств производства увеличился на 32,5 % по сравнению с 1924–1928 гг. [1].

Важно понять, в чем состоит задача импортозамещения в сегодняшней ситуации, которая кардинально отличается от того, что было в предыдущий период. Это отличие состоит в усиливающемся геополитическом противостоянии России с нашими западными партнерами, прежде всего с США и ЕС. Показателен в этом плане случай с российским самолетом, сбитым Турцией в ходе наших действий против ИГИЛ в Сирии. Ни США, ни НАТО не осудили агрессивных, провокационных действий Турции. И Россия вновь оказывается перед необходимостью создания на самом современном уровне всех отраслей, которые могут гарантировать ее безопасность и независимость.

Напомним, что в развитии России по крайней мере с середины XVI в., с правления Ивана Грозного, прослеживаются повторяющиеся периоды жесткого реформирования, осуществляемого сверху. Сюда относятся и периоды реформ Петра I, Николая I, Александра II, Столыпина, Сталина и, строго говоря, Горбачева, хотя он пытался разрешить накопившиеся проблемы на ошибочном пути отказа от позиции сильного государства. Указанные периоды связаны с мобилизацией всех сил страны, они проходят в жесткой борьбе властных органов с различными группами внутри «верхнего слоя», которые пытаются отстаивать свои интересы или иное понимание путей развития. Борьба за обновление экономики и общества нередко принимает революционные формы, затрагивает все слои населения и, как правило, ведет к большим жертвам, колоссальным потерям для населения страны, а также к людским потерям. Реформирование позволяет на какой-то период усилить военный потенциал и обороноспособность страны, но жестокость методов ведет к разрушению части производительных сил, а растущая эксплуатация населения, повышая доходы власти и отдельных слоев, постепенно ослабляет экономический потенциал. В результате после «мобилизационного рывка» и военных или политических побед наступает кризис: возможности власти ослабевают, страна теряет часть завоеванных на мировой арене позиций. После определенного периода кризиса (или даже «смуты») наступает «затишье»: растут производительные силы, происходит органическое «усвоение» результатов реформ, но... постепенно накапливаются внутренние противоречия и в какой-то момент они вынуждают власти пойти на реформы, которые вновь оказываются весьма жесткими.

Основная причина «волнообразного» характера развития нашей страны – исторически возникшее отставание от наиболее развитых стран Запада, вынуждавшее догонять их в развитии экономики, армии, государства, не считаясь с затратами. На наш взгляд, сегодня необходим очередной рывок в развитии, так как начиная с 1990–1991 гг. мы становились все слабее как промышленная держава, все менее способными про-

изводить современное оборудование, прежде всего продукцию автоматизированного машиностроения для выпуска высокопроизводительных машин. И лучше этот рывок сделать сейчас – он отнимет намного меньше сил и ресурсов, чем через 3...5 лет.

Когда-то сказанные Сталиным слова: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут», – в сущности верны и сегодня. Сегодня наше отставание не столь велико во времени, речь может идти о тех 25...30 годах, когда, сосредоточившись на «институциональных реформах», т. е. на разрушении социализма и отказе от ведущей роли государства в экономике, меняющееся по составу руководство страны (начиная с Горбачева) не уделяло внимания развитию промышленности и сельского хозяйства. Но сегодня у нас нет и десяти лет, чтобы вновь стать передовой промышленной державой, способной производить машины, необходимые для народного хозяйства и обороны страны. Мы отстаем по ряду важных видов продукции на душу населения (прежде всего по мясу, молоку и молочным продуктам), по производству качественных семян и племенных животных, что необходимо для реальной независимости [8, 9].

Таким образом, важнейшая стратегическая задача реиндустриализации состоит (как и в 1930-е гг.) в освобождении от иностранной зависимости в ключевых отраслях производства средств производства и в обеспечении продовольственной безопасности. В процессе реиндустриализации необходимо создать отрасли, которые являются ядром инновационной экономики и основой повышения производительности труда:

- универсальное машиностроение, производящее станки, роботизированные и автоматизированные комплексы для ключевых отечественных отраслей, в том числе машины для производства автоматизированных машин;
- производство электронной базы для автоматизированного машиностроения и программного обеспечения для ее функционирования;
- инжиниринг – конструкторские школы высокого уровня в основных отраслях, способные создавать конкурентные образцы машин и технологий;
- прикладная наука, создающая научное обеспечение указанных отраслей;
- фундаментальная наука, способная обеспечивать обновление разработок прикладной науки;
- образование, обеспечивающее кадрами все указанные отрасли².

Таким образом, *импортозамещение* – это подчиненная часть программы реиндустриализации, цель которой не изменение соотношения импорта и отечественного производства, а воссоздание всего комплекса ключевых отраслей на отечественной элементной базе с последующим своевременным обновлением с помощью отечественной науки и отечественного образования.

При этом встает вопрос, не попадем ли мы, сокращая импорт, в порочный круг «голландской болезни», связанной со стабильным превышением экспорта над импортом? Избыток долларов по сравнению со спросом на них (так как спрос в основном обусловлен импортом) при высоких темпах инфляции приводит к занижению курса

² Во многом наше видение задач импортозамещения совпадает с точкой зрения С. С. Губанова: «План импортозамещения должен предусматривать создание отечественного производства технологически передовых микропроцессоров и микропроцессорных устройств, супер-ЭВМ, авиационных и прочих двигателей, робототехники, операционных систем и программного обеспечения, оборудования для постнефтяной энергетики, автоматизированных комплексов, машин, приборов, первоклассных научных и учебных лабораторий» [6].

иностранной и завышению курса собственной валюты. Удешевление валюты ведет к тяжелым последствиям для экономики: при дешевом долларе импорт остается дешевым, а отечественная продукция дорожает опережающими темпами в результате инфляции. Как известно, за 2000–2013 гг. уровень цен в России вырос в среднем в 7,7 раза, при этом доллар оставался на уровне примерно 30 р./долл. Это значит, что каждый год цена на импорт в России практически не росла, а российская продукция дорожала на 10...15 % (в зависимости от уровня инфляции), становилась все менее конкурентоспособной и вытеснялась импортом. Как же быть? Ясно, что без отказа от сырьевой ориентации экономики эту задачу не решить, как и при продолжении политики «стерилизации» избыточных валютных поступлений. *Чтобы резко сократить избыток долларовой массы, валюта должна расходоваться в интересах развития экономики – вот единственный выход, отвечающий интересам развития страны.*

Избыток валюты должен стать минимальным резервом. Избыточную прибыль сырьевых отраслей необходимо изымать в виде рентных платежей и направлять на цели развития³. Валюту следует расходовать на планомерное развитие отечественной экономики и социальной сферы, на диверсификацию экономики в соответствии с отработанными инвестиционными проектами. Это позволит:

- развивать ускоренными темпами отечественную переработку сырья и производство продукции с высокой добавленной стоимостью;
- снизить инфляцию, так как сначала избыток валюты «нейтрализуется» закупками импортного оборудования, а затем растущая масса продукции по темпам роста начнет опережать приток валюты.

Экспорт и импорт СССР в 1926–1936 гг., млн р. (по курсу 1950 г.)*

Год	Экспорт	Импорт	Сальдо	Доля сырья для продовольствия и продовольствия в экспорте, %	Доля машин и оборудования в импорте, %
1926	2527	2491	36	37,0	20,6
1927	2600	2642	-42	39,7	22,0
1928	2799	3321	-522	32,7	24,3
1929	3219	3069	150	19,3	30,1
1930	3612	3690	-78	32,7	46,8
1931	2827	3851	-1024	46,8	53,9
1932	2004	2454	-450	35,3	55,7
1933	1727	1214	513	36,4	43,0
1934	1458	810	648	36,2	25,0
1935	1281	841	440	41,8	23,5
1936	1082	1077	5	49,5	39,0

*Относительные показатели рассчитаны по данным сб.: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М.: Внешторгиздат, 1960.

³ Посредством регулирования правил работы валютного рынка необходимо добиваться, чтобы рублевая масса, поступающая экспортерам от продажи валюты, не уходила вновь на этот рынок, «раскачивая» его.

Новые отрасли создадут приток прибыли и налогов, что позволит за счет адекватной эмиссии увеличить монетизацию экономики, а затем относительно (а, возможно, и абсолютно) уменьшить экспорт сырья. Возрастет потребление сырья новыми предприятиями на промышленные цели, а также на удовлетворение спроса населения. В итоге улучшится платежный баланс внешней торговли (как это было в СССР в 1926–1936 гг.). В качестве иллюстрации приведем данные об экспорте и импорте СССР в период с 1926 по 1936 г.

Как видим, максимум экспорта пришелся на 1930 г., а импорта – на 1931 г. (на этот год приходится максимальный текущий дисбаланс). Затем экспорт и импорт начинают быстро снижаться, так как сырье работает на расширяющийся внутренний рынок. При этом экспорт в 1926–1930 гг. вырос до максимума – на 43 %, а импорт в 1926–1932 гг. – на 54,6 %, т. е. в определенный период импорт рос гораздо быстрее экспорта несмотря на политику импортозамещения.

Таблица демонстрирует также большую роль сельскохозяйственной продукции в экспорте⁴, которая существенно возрастает в годы первой пятилетки, когда началось массовое строительство новых предприятий, и заметно снижается в 1933–1935 гг., когда начался быстрый рост промышленной продукции, что создавало новые возможности для экспорта. Это объясняет стремление Сталина максимально ускорить коллективизацию⁵. Налицо также резкий рост доли машин и оборудования в импорте за 1930–1933 гг., связанный со строительством и пуском большого количества новых предприятий.

Таким образом, импортозамещение заключается не в линейном снижении объемов или доли импорта, а в проведении политики, жестко нацеленной на создание на современной основе отечественной промышленной базы, полностью обеспечивающей экономическую и стратегическую независимость страны, ее обороноспособность на самом высоком техническом и научно-техническом уровне.

Что же необходимо для реиндустриализации, точнее, для новой индустриализации? Перечислим наиболее существенные меры, которые, на наш взгляд, должно принять государство.

Политические меры:

- принципиальный отказ от праволиберальной парадигмы, согласно которой «вмешательство» государства заведомо неэффективно, так как государство неэффективно и как предприниматель, и как собственник; все это многократно опровергнуто и в теории, и реальным опытом экономического развития;
- переход к активной социально ориентированной политике экономического роста и развития на новой технологической базе; в связи с этим замена ключевых фигур в правительстве, сторонников праволиберального «невмешательства»; включение в состав правительства активных, высококвалифицированных, авторитетных сторонников новой индустриализации;

⁴ Фактический экспорт сельскохозяйственной продукции, как показали наши расчеты, примерно на 40 % выше, чем указано в таблице, так как помимо сырья для продовольствия экспортировались текстильное сырье и полуфабрикаты, кожевенное сырье и кожи, семена и посадочный материал, комбикорма, прочее сырье и живой скот.

⁵ Эти же данные показывают, что скачок экспорта за 1929–1930 гг. был относительно невелик – 1,23 млрд рублей (в 1928 г. – 2,8 млрд рублей).

- усиление социальной и антикоррупционной составляющих экономической политики, в том числе путем введения прогрессивного налогообложения и принятия законов о конфискации имущества чиновников и госслужащих, размер и происхождение которого не соответствуют декларируемым доходам; реальная деофшоризация экономики.

Финансовые и антиинфляционные меры:

- переход к удержанию курса рубля на низком уровне даже при повышении цен на нефть и другие экспортируемые ресурсы, дальнейшее плавное снижение курса до уровня, гарантирующего высокую конкурентоспособность отечественной экономики (добывающего, обрабатывающего секторов, а также сельского хозяйства); это гарантированно создает благоприятные фоновые условия для повышения конкурентоспособности отраслей отечественной экономики;

- аккумуляция сырьевой ренты в руках государства в гораздо больших объемах, чем в настоящее время, в том числе за счет повышения налогообложения сырьевых отраслей;

- государственный контроль и полная прозрачность издержек и цен в сырьевом секторе, регулирование цен на нефть, газ, основные виды горючего и топлива, а также на продукцию естественных монополий по принципу издержки плюс минимально необходимая прибыль;

Меры инновационной политики:

- создание государственного комитета по науке и инновациям как единого органа для организации инновационного процесса, т. е. создания и массового трансфера преимущественно отечественных инноваций на основе взаимодействия государства, бизнеса, звеньев инновационной инфраструктуры, прикладной и фундаментальной науки;

- переход от политики «экономии на науке», ее «реструктуризации, оптимизации» и т. п. к повышению престижа фундаментальной науки и ее работоспособности с помощью резкого увеличения заработной платы в этой сфере, увеличения объемов финансирования фундаментальной и прикладной науки, *примерно в два раза превышающих средний уровень финансирования науки в ОЭСР (1,8 % ВВП)*⁶.

Меры структурной политики:

- обеспечение опережающего роста капиталовложений (за счет государственных капиталовложений, субсидий и льгот) в высокотехнологичные сектора, где мы имеем шансы обогнать конкурентов, не догоняя их, например, в производство медицинского оборудования на новых принципах; производство новых материалов; освоение космоса; развитие образования и науки; развитие медицины и др.;

- обеспечение приоритетного развития универсального машиностроения (станки, роботизированные и автоматизированные комплексы, их электронная база, а также программное обеспечение, используемые для производства машинного оборудования в специализированных отраслях); эта сфера является ключевой для реального повышения производительности труда на отечественной машинной базе.

Вернемся к роли валютного курса. В «роковую ночь» на 16 декабря 2014 г. Центробанк, испугавшись скачка стоимости доллара, поднял ключевую ставку до 17 %, одномоментно повысилась реальная стоимость кредитов – до 25 % в год и более. По экономике России нанесен удар, оправиться от которого она сможет в лучшем случае через полтора-два года.

⁶ Альтернативная Концепция реформирования фундаментальной науки, утвержденная в 2014 г. Конгрессом работников образования, науки и культуры, изложена в работе [4].

Центробанк объясняет это тем, что в его задачи входит таргетирование (в данном случае – снижение) инфляции. Тот факт, что такое «таргетирование» выстрелило по росту экономики, не принимается во внимание. На самом деле надо было, с одной стороны, обеспечить контролируемый рост валютного курса, например, введя частичный контроль за соответствующими операциями, а, с другой – снизить стоимость кредитов для частных банков под реальные проекты инвестиций хотя бы до 4...5 %, как это делают в период кризиса центробанки развитых стран, осуществляя программы «количественного смягчения» при ключевой ставке 0,25...0,5 %. Это снизило бы инфляцию, так как реальные вложения в реальное производство привели бы к его росту и тем самым к росту предложения товаров.

Пугаться скачка в цене доллара, в принципе, неверно, так как именно это резко повысило конкурентоспособность нашей продукции, хотя и ценой роста инфляции. Механизм вполне очевиден: цена на импорт из-за удорожания доллара растет, на российские товары – тоже, но не так быстро, а зарплата не повышается, или растет намного медленнее, чем цены. Спрос на импорт падает, а на отечественные товары повышается. В результате растет прибыль российских производителей, появляется «подушка рентабельности», которая позволяет вкладывать в производство и стимулирует вложения. Производство начинает расти, хотя дифференциация финансового состояния предприятий остается высокой. Именно таким был механизм роста с 1998 г., когда после увеличения цены доллара в 4 раза произошел быстрый рост российской экономики. Этот подъем несколько выправил положение после неадекватных институциональных реформ. А повышение цен на нефть, расширение вертикальной интеграции существенно помогли нашему росту.

Указанный механизм проявлял себя в 2015 г. даже в условиях тормозящего действия скачка ключевой ставки и процента за кредит: в январе – мае 2015 г. цены на промышленные товары выросли на 11,1 %, на сельскохозяйственную продукцию – на 19,7 %, на потребительские товары – на 16,2 %, а на продукцию инвестиционного назначения – лишь на 10,1 %. При этом номинальная заработная плата выросла лишь на 5,9 %. Налицо условия для роста рентабельности промышленного и сельскохозяйственного производства. Статистические данные подтверждают наши утверждения об опережающем росте прибыли: за январь – апрель 2015 г. прибыль организаций и предприятий выросла по отношению к этому же периоду 2014 г. на 90,5 %, в сельском хозяйстве – в 2,4 раза, а в обрабатывающей промышленности – в 5,8 раза. Эти условия сработали бы на рост экономики, если бы деньги (кредиты) для производителей были в 5-6 раз дешевле.

В конце 2014 – январе–феврале 2015 г. отдельные отрасли промышленности показывали рост на фоне некоторого снижения ВВП, но все позитивное действие девальвации было торпедировано Центробанком, который повысил ключевую ставку. Конечно, девальвация вызвала повышение инфляции, временное снижение покупательной способности населения, резкое удорожание импортируемых средств производства. Однако, во-первых, это объективно вынужденная плата за многолетнее отсутствие необходимых мер в экономике и, во-вторых, это шанс для развития отечественного производства сырья, материалов, оборудования.

Свой вклад в снижение производства внес не только Центробанк. Способствовало этому и отсутствие адекватных действий правительства, которое должно было оказать помощь в продолжении или завершении начатых проектов оснащения предприятий импортным оборудованием. Для такой помощи не всегда нужны деньги,

вполне достаточно гарантий правительства для получения крупными компаниями валютного кредита. Но в условиях снижения цен на нефть и антироссийских санкций для ряда проектов могут потребоваться субсидии, которые стоит выделить, если речь идет о проектах, гарантирующих импортозамещение и достаточно высокий спрос на производимую продукцию. К сожалению, правительство не решилось на существенное субсидирование проектов импортозамещения.

Борьба со спекулянтами на валютном рынке не должна превращаться в борьбу с собственной экономикой. Повышение процентной ставки, как это сделал Центробанк, только разгоняет инфляцию. Предприятия, не имея доступа к краткосрочным кредитам, вынуждены поднимать цены. В этой связи считаем, что в закон о Центробанке (в формулировку его целей) должны быть внесены существенные изменения, обеспечивающие создание финансовых условий для экономического роста. Приведем ст. 3 этого закона и укажем, какие позиции были внесены в нее за последние годы⁷:

«Статья 3. Целями деятельности Банка России являются:

- защита и обеспечение устойчивости рубля;
- развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации;
- обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы;
- развитие финансового рынка Российской Федерации (*абзац в ред. Федерального закона от 27.06.2011 № 162-ФЗ*);
- обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации (*абзац введен Федеральным законом от 23.07.2013 № 251-ФЗ*)».

Отсутствие пункта о создании средствами денежно-кредитной и валютной политики условий для роста и развития отечественной экономики (прежде всего реального сектора) оставляет возможности для таких действий, когда ошибочно понимаемая «устойчивость рубля» становится самоцелью.

Для борьбы с валютной спекуляцией целесообразно найти нестандартные способы, например, продавать валюту лишь тем покупателям, кому она нужна для оплаты реальных закупок по импорту, подтверждаемых контрактами, или для погашения долгов. Добившись таким путем стабилизации валютного курса, необходимо создать условия для резкого удешевления кредитов под проекты расширения производства, вплоть до использования эмиссионного финансирования отраслей и предприятий, дающих быструю и надежную отдачу. Разумеется, все это возможно лишь при отказе от праволиберального курса и переходе к активной социально ориентированной экономической политике, нацеленной на инновационный рост нашей экономики.

Список литературы

1. Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. – М.: Внешторгиздат, 1960.
2. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация как базовое направление модернизации российской экономики / С. Д. Бодрунов; Институт нового индустриального развития (ИНИР). – СПб., 2014.
3. Бодрунов, С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – №2(40). – С. 5–16.

⁷http://www.cbr.ru/today/status_functions/law_cb.pdf

4. Бузгалин, А. В. О ситуации в российской науке / А. В. Бузгалин, А. С. Миронов, Д. Б. Эпштейн // Свободная мысль. – 2015. – №4. – С. 140–163.
5. Губанов, С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) / С. С. Губанов // Экономист. – 2008. – №9. – С. 3–27.
6. Губанов, С. С. Неоиндустриальная перспектива и нищета ее либеральной критики / С. С. Губанов // Экономист. – 2014. – №4. – С. 3–32.
7. Эпштейн, Д. Б. Рыночный фундаментализм и аграрная политика в России / Д. Б. Эпштейн // АПК: Экономика, управление. – 2010. – № 7. – С. 47–55.
8. Эпштейн, Д. Б. Рентабельность сельхозпроизводства как фактор социально-экономической стабильности / Д. Б. Эпштейн // АПК: Экономика, управление. – 1994. – № 10. – С. 66–71.
9. Эпштейн, Д. Есть ли два пика рентабельности сельхозпредприятий? / Д. Эпштейн, Э. Шульце // АПК: Экономика, управление. – 2005. – № 3. – С. 59–65.

Статья представлена в научно-редакционный совет 06.12.2015 г.

Р. М. Качалов¹

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ПРЕДЛАГАЕМЫХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Так называемая *экспортно-сырьевая модель экономического роста* в масштабах нашей страны себя исчерпала и пора переходить к иной модели, обозначенной как *новое индустриальное общество*. Заметим, что *экономический рост* и *экономическое развитие* далеко не синонимы. Представляется, что для нашей страны более актуальным является *экономическое развитие*, которое включает в себя и экономический рост. Но в данном случае обратим внимание на другое.

Важно выяснить, как появилась на свет и стала доминирующей экспортно-сырьевая модель экономического роста. Хотелось бы узнать, кто предложил, обосновал или доказал в свое время, что такая «экономика» вообще нужна России, что именно она спасет Россию и проложит ей путь к светлому будущему и процветанию. По-моему такого не было. Скорее всего, этот термин появился пост-фактум для обозначения того, что происходило в экономике страны. Мне не удалось установить, кто такую модель предлагал, какие организации принимали участие в обосновании именно этой модели и т. д.

Это произошло совершенно незаметно, как бы естественным образом, что напоминает проявление так называемой голландской болезни, точнее – «проклятия природных ресурсов». Профессор В. Т. Рязанов совершенно справедливо и убедительно показал, что эта модель исчерпала себя. Более того, ничего, кроме вреда, она не принесла. Вопросам исчерпания возможностей «экспортно-сырьевой модели» и необходимости перехода к более прогрессивной и, действительно, эффективной модели роста или развития посвящены многочисленные исследования. Наиболее известные приведены в списке литературы [1–4].

А теперь нам предлагают перейти к «новой экономической системе» и даже к новому индустриальному обществу. Ничего нельзя возразить – давно пора! Обостряются проблемы, связанные с деиндустриализацией экономики, с креном в сторону «услуговых» форм экономической деятельности и т. п., обсуждение которых, безусловно, необходимо и своевременно.

Авторы новой идеи рекламируют достоинства и преимущества «новой индустриальной модели общества». Обычно, когда предлагают новое направление развития экономики и общества, цель которого не всегда четко сформулирована, звучат призывы выполнить ряд мероприятий, изменяющих сложившуюся модель экономического поведения. Агитируя за свое предложение, авторы и поддерживающие их общественные организации и коалиции говорят об исчерпании или непригодности действующей экономической модели, о назревшей необходимости смены курса и, разумеется, о неоспоримых преимуществах предлагаемой ими модели экономического развития или, что чаще, – экономического роста. Однако такой односторонний подход недостаточен для объективной оценки предлагаемой модели. Необходимо выявить и проанализировать

¹*Роман Михайлович Качалов, зав. лабораторией Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, профессор.*

возможные латентные негативные явления. Например, есть основания утверждать, что путь продвижения и обсуждения новых моделей экономического поведения (особенно, когда речь идет о масштабных явлениях) должен быть дополнен несколькими обязательными шагами. Прежде всего следует проанализировать цель, ради достижения которой предлагается новая модель экономического поведения (как правило, авторы формулируют ее невнятно). Необходимо ее конкретизировать, а затем обсудить и обосновать необходимость движения именно к этой цели. Это нетривиальная задача. Тем не менее формулирование цели, к достижению которой призывают апологеты новой модели, – важнейший шаг в процессе доказательства целесообразности изменения модели экономического и общественного развития. При этом полнота и многосторонность аргументации должны соответствовать масштабу предлагаемой модели.

Следующий этап – поиск и анализ информации о текущем и прогнозируемом состоянии экономического объекта (в данном случае это может быть экономическое положение страны, состояние общества в стране, регионе и т. д.) с целью выявления препятствий на пути к достижению задуманного. Нужно методично, с позиций системной экономики [5] идентифицировать весь спектр возможных помех. Далее, опираясь на основные положения предлагаемой концепции экономического поведения, следует выявить негативные последствия, к которым может привести как полномасштабная реализация предлагаемой модели, так и отклонение от заданной цели в ходе ее воплощения.

В операциональной теории управления экономическим риском такие помехи именуется факторами экономического риска (ФЭР) [6]. Каждый такой фактор следует обозначить и определить релевантные показатели возможности его возникновения и степень отклонения от цели, обусловленную этим ФЭР. Такого рода изыскания, может быть, отрезвят как тех, кто предлагает без должных оснований новую модель социально-экономического развития, так и тех, кто готов поддаться искушению сладкой полуправды. На основе этой информации можно сформировать мнение о целесообразности достижения (или корректировки) цели, а, может быть, и всей затеи с изменением принятой модели экономического развития. Ну а в случае признания целесообразности новой модели экономического роста полученная информация поможет принять превентивные антирисковые меры.

Еще раз подчеркну: прежде чем приступить к реализации некоторой идеи или программы, следует задуматься о том, что может помешать достижению цели. Несколько отвлекаясь, замечу, что, может быть, самый существенный недостаток командно-административной системы (в которой было много положительного) – ее закрытость, отсутствие канала обратной связи. И, по моему глубокому убеждению, это стало одной из главных причин коллапса советской экономики. А вот анализ риска, проще говоря, включение функции управления экономическим риском, обеспечивает так необходимую обратную связь.

В любом случае, когда предлагается более или менее серьезное решение, затрагивающее судьбы многих людей, следует прежде всего подумать о барьерах, которые могут возникнуть на пути движения к этой цели. В операциональной теории управления уровнем риска это называется выявлением «факторов экономического риска» [6]. Будучи оптимистом, надеюсь, что такой порядок вещей заставит или отказаться от этой цели, или ее скорректировать, или предложить антирисковые мероприятия, которые позволят достичь желаемой цели без существенных потерь.

Вольно или невольно, но об обязательности такого рода анализа часто забывают. Полагаю, если хочешь оставаться честным перед собой и согражданами, то без объек-

тивного и беспристрастного анализа риска (а фактически – без обратной связи) нельзя приступать к воплощению ни одной общественно значимой идеи.

Список литературы

1. *Кудрин, А.* Новая модель роста для России / А. Кудрин, Е. Гурвич // Вопросы экономики. – 2014. – №12. – С. 4–35.
2. *Кудров, В. М.* Между прошлым и будущим: России нужна современная и эффективная модель развития / В. М. Кудров // Современная Европа. – 2014. – № 1. – С. 26–39.
3. *Мау, В. А.* Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста: докл. к XIII апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / В. А. Мау, Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. – 34 с.
4. *Портер, М.* Японская экономическая модель: может ли Япония конкурировать / М. Портер, Х. Такеучи, М. Сакакибара. – М.: Альпина Паблишер, 2005.
5. *Клейнер, Г. Б.* Системный ресурс стратегической устойчивости экономики / Г. Б. Клейнер // Научно-технические ведомости СПб политехнического ун-та. Экономические науки. – 2015. – 4(223). – С. 10–22.
6. *Качалов, Р. М.* Управление экономическим риском: теоретические основы и приложения / Р. М. Качалов. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 288 с.

Статья представлена в научно-редакционный совет 27.11.2015 г.

О. С. Сухарев¹

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОСТАНОВКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

1. Текущие условия развития промышленности: принципы «2-А» и «2-Д» и стратегии индустриализации

В соответствии с принципом «2-А» управленческие воздействия на экономическую систему должны быть адекватными (не приводить к ухудшению ее состояния), а сама система должна проявлять высокую адаптивность – ее ответ на силу воздействия должен быть таким, чтобы параметры функционирования системы изменялись в желаемом направлении. Меры экономической политики, применяемые в России на протяжении 1990–2000-х гг., не отвечали принципу «2-А», они приводили к ухудшению состояния обрабатывающих производств, усиливая деиндустриализацию российской экономики. Эффект ригидности экономической структуры к различным методам воздействия отражает рис. 1.

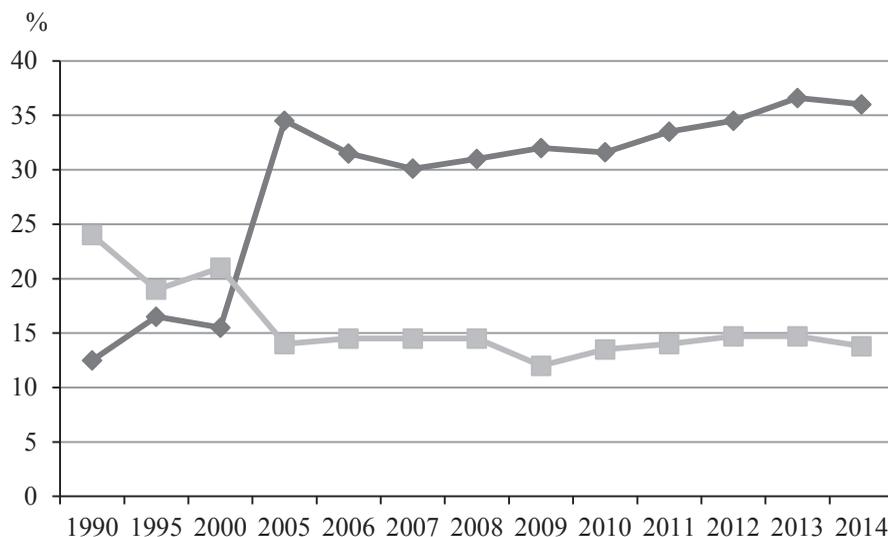

Рис. 1. Доля топливной промышленности (◆) и машиностроения (■) в общем объеме производства РФ (2000–2014 гг.)

Таким образом, какие бы мероприятия ни планировались и ни осуществлялись в период 2000–2014 гг., эффект ригидности указанной структуры остается очевидным фактом. Это говорит о том, что принцип «2-А» не реализован, применяемые методы не являются адекватными, поскольку задача исправления структуры не решена,

¹Олег Сергеевич Сухарев, заведующий сектором Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор.

а все элементы экономической системы подстраиваются под существующую структуру и не дают ей измениться. Приспособление выполняет функцию институционализации данной структуры, делая весь набор инструментов правительственной политики относительно заявленных целей неадекватным. Более того, именно в тот период, когда структура экономики окрепла, происходит перманентный процесс деиндустриализации.

На протяжении 2000–2008 гг. и далее до 2014 г. рентабельность производственных секторов либо не повышалась, либо несколько снижалась. Обратим внимание на наличие периода, когда рентабельность отраслей внутреннего рынка планомерно сокращается (при росте внутренних инвестиций), а в экспортных отраслях – немного растет, но замедляющимся темпом. Важно отметить, что рентабельность, например, лесопромышленного комплекса планомерно снижалась. Хотя, как я показал в работе «Структурные проблемы экономики России»² (2010), именно лесопромышленный комплекс может стать моделью-полигоном при апробации решений по модернизации экономики, поскольку сырьевая ориентация этого комплекса очевидна, уровень переработки довольно низкий, а технология, применяемая на деревоперерабатывающих производствах, отсталая. Разрабатывая комплекс мероприятий по инновациям в этой сфере и поставив цель снижения экспорта необработанной древесины и импорта готовых изделий, можно создать модель модернизации этого сырьевого комплекса, а полученные результаты использовать в какой-то части для решения общеэкономических задач управления структурными изменениями. Однако такая идея не востребована вплоть до настоящего времени и прогресса в этом плане пока не видно.

Как видно из рис. 2, объем производства (а) и основных фондов промышленности (б) не достигли уровня 1990 г.

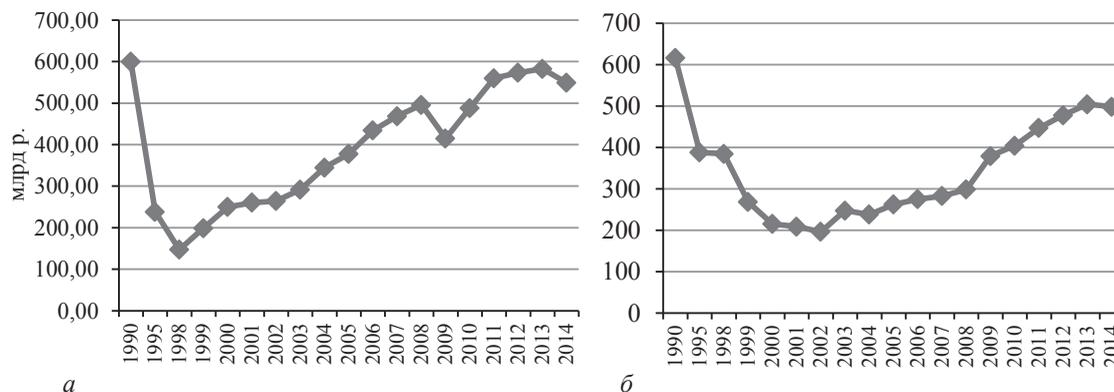

Рис. 2. Объем производства (а) и основные фонды промышленности (б) России в ценах 1990 г. (1990–2014 гг.)

Сопоставляя графики (рис. 2), нетрудно оценить фондоотдачу (отношение объема производства к основным фондам промышленности), которая снижалась в период 1990–1998 гг. с 0,97 до 0,382, а в 2000 г. возросла до 0,74, но была меньше единицы. С 2001 по 2014 г. фондоотдача превышает единицу, в среднем возрастая с 1,24 в 2001 г.

² Книга доступна на сайте автора: www.osukharev.com в разделе «монографии».

до 1,6 в 2008 г.; в 2009 г. снижается до 1,09, а затем падает с 1,25 в 2011 г. до 1,1 в 2014 г. Иными словами, кризисный 2009 г. отбросил промышленность России по фондоотдаче на уровень 1998–2000 гг. (рис. 3).

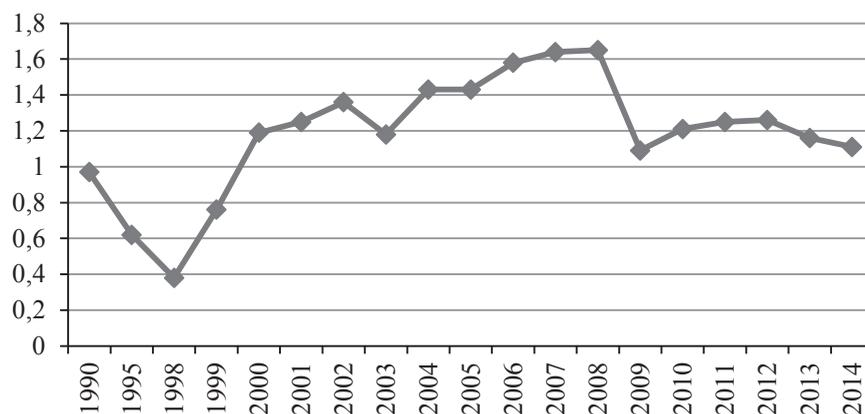

Рис. 3. Фондоотдача в промышленности России (1990–2014 гг.)

Таким образом, вхождение экономики РФ в рецессию (2012–2015 гг.) сопровождалось снижением фондоотдачи (рис. 4). Степень износа основных фондов в обрабатывающем секторе составляет 47 %, в добывающем – 53 %, что говорит о высокой изношенности и устаревании фондов промышленности.

Рис. 4. Динамика индексов фондовооруженности (а) и фондоотдачи (б), %

Отметим, что объем инновационных товаров в промышленности увеличился за 2005–2013 гг. почти в два раза, наилучшие результаты в обрабатывающем производстве (рис. 5).

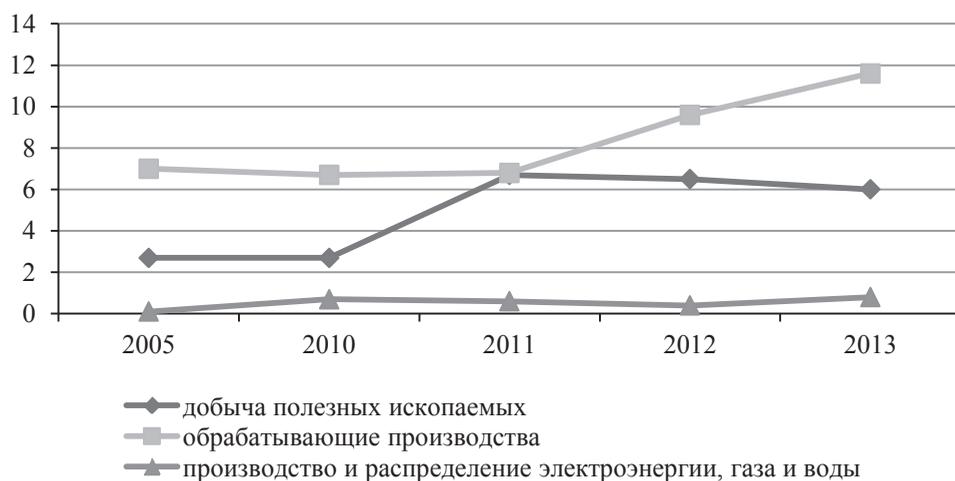

Рис. 5. Доля инновационных товаров, работ, услуг в их общем объеме, % (2005–2013 гг.)

Правда, при этом количество занятых в промышленности за 1992–2014 гг. сократилось почти на 9 миллионов человек (рис. 6).

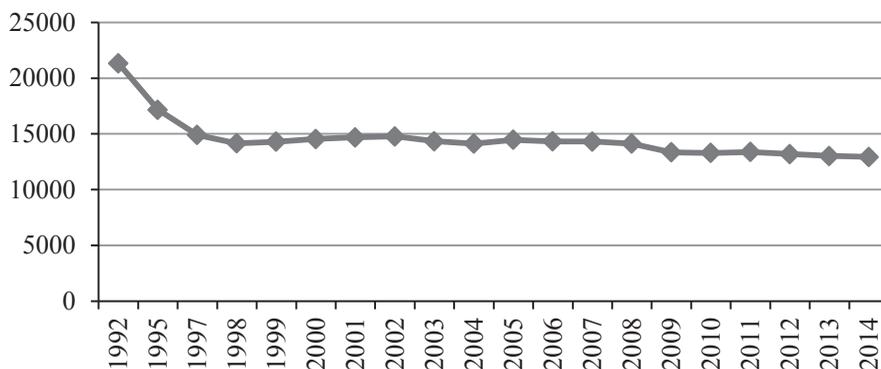

Рис. 6. Численность занятых в промышленности, тыс. чел. (1992–2014 гг.)

Согласно результатам оценки изменений индекса производства, после серьезного спада и деградации 1990-х гг. промышленность России показывала очень неустойчивый рост; к 2009 г. произошел заметный спад с восстановлением в период 2010–2014 гг. при снижении темпа роста до нуля с переходом в отрицательную область (рис. 7).

Сальдированный финансовый результат (рис. 8, а) промышленности говорит об ухудшении финансовой ситуации задолго до кризиса 2009 г., однако восстановления за 2010–2011 гг. не произошло; сальдированный финансовый результат ухудшался на протяжении 2012–2014 гг., достигнув уровня 2005–2007 гг.

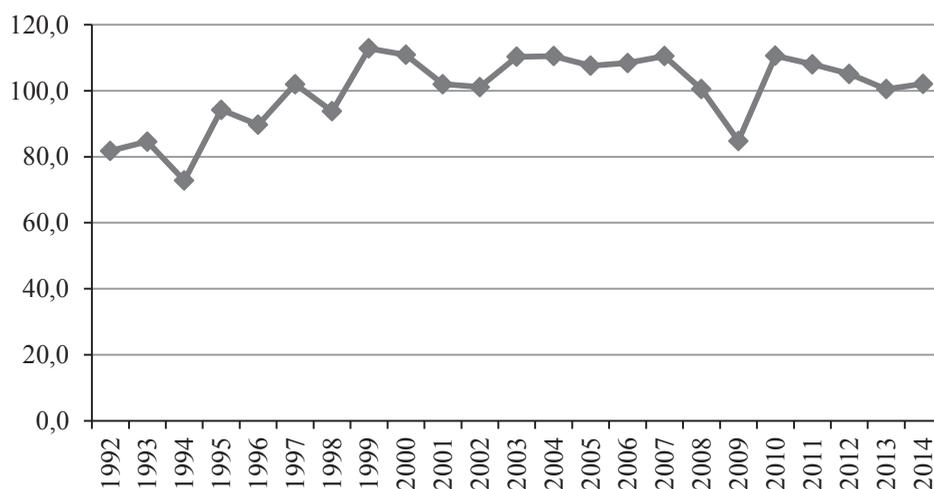
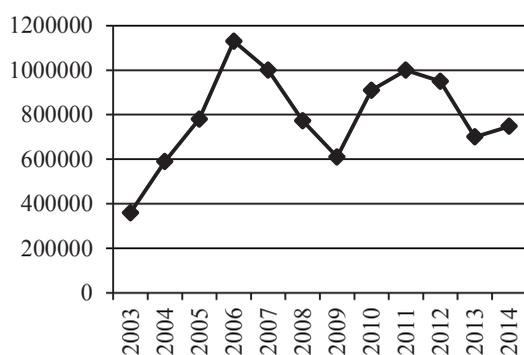
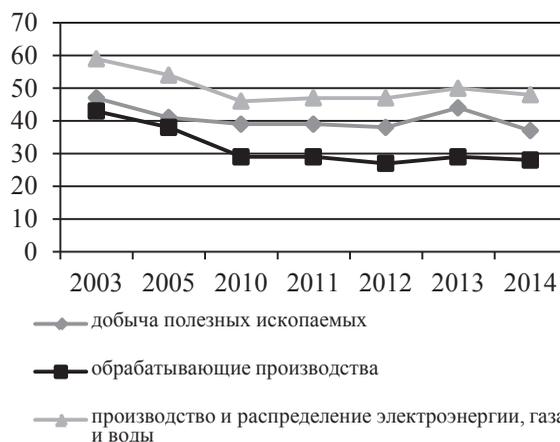

Рис. 7. Индекс промышленного производства, % (1992–2014 гг.),

а

б

Рис. 8. Сальдированный финансовый результат промышленности (а), млн р. (в ценах 2000 г.) и доля убыточных организаций по видам деятельности от их общего числа (б), %

Доля убыточных организаций в среднем снижается, но остается довольно высокой: 30 % – в обрабатывающем секторе и выше 40 % – в добывающем, а также в производстве электроэнергии, газа и воды (рис. 8, б).

Число убыточных предприятий в экономике в целом и в промышленности в 1999–2014 гг. сокращалось (в промышленности менее существенно). Однако, настаивают всплески (рис. 9, а), связанные с увеличением их числа в отдельные годы. Так, в промышленности, которая становится самым убыточным сектором, в 2008 г. эта доля достигла почти 40 % и, колеблясь, держится до 2014 г. (рис. 9, б).

Рис. 9. Число убыточных предприятий (а), шт. и доля убыточных предприятий в промышленности относительно убыточных по экономике в целом (б), % (1999–2014 гг.)

Особенно опасна тенденция снижения индекса производительности труда по добывающему и обрабатывающему секторам промышленности, причем в добывающем секторе этот индекс устойчиво снижается на протяжении 2010–2014 гг. и становится отрицательным (рис. 10).

Рис. 10. Динамика индекса производительности в промышленности (2003–2014 гг.), % к предыдущему году

При этом средний возраст машин и оборудования в добывающей промышленности (2008–2013 гг.) составляет примерно 8 лет, в обрабатывающей – 12 лет. Это говорит о низкой технологичности производства, что сказывается на значении индекса производительности труда. Тем самым не интенсификация труда, а повышение его технологичности будет фактором роста индекса производительности, показывающего темп ее изменения в данном секторе экономики.

Однако позитивная динамика в добывающем секторе связана с глубиной переработки исходного сырья (рис. 11), уровень которой удалось повысить за счет импорта оборудования в 1990-е гг. – первой половине 2000-х гг. При этом общий уровень

технологичности сектора оставался невысоким и даже снижался из-за недостаточного объема обновления фондов.

Нужно различать *деиндустриализацию*, вызванную высоким технологическим уровнем производства и сводимую к сокращению доли производства в общем объеме производимого продукта в стране, когда сектор услуг становится доминирующим (на Западе преобладает именно такая формулировка), и *деиндустриализацию*, которая сопровождается ростом простого и вытеснением сложного, технологической примитивизацией и нарастанием отставания страны по технологическому уровню производства.

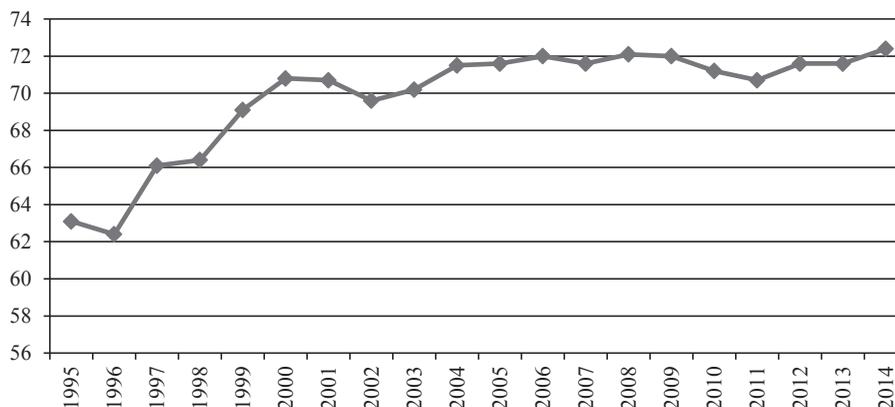

Рис. 11. Динамика глубины переработки нефтяного сырья в РФ (1995–2014 гг.), %

Применительно к российской экономике деиндустриализация представляет собой именно примитивизацию технологий, изделий, инфраструктуры, что приводит к деградации производств и сокращению их доли в ВВП. Более того, деиндустриализация сопровождается деквалификацией труда. Получаемый суммарный эффект был нами назван «эффектом 2-Д». Если добавить к этим эффектам дисфункцию управления промышленностью и экономикой, то вырисовывается эффект «3-Д»: деиндустриализация, деквалификация и дисфункция управления.

Рассмотрим несколько вариантов «движения» экономики (рис. 12): для кривой I – по направлениям *A, B, C*; для кривой II – по направлениям *D, E, F*, так что расстояние $X = d_{II} - d_I$, представляющее разницу между долями секторов, и изменение dX/dt задают режим реструктуризации. Девять вариантов движения представляют ту или иную стратегию развития экономики (см. таблицу).

Если кривая II олицетворяет добывающий (сырьевой) сектор, а кривая I – обрабатывающий (машиностроение), либо соответственно сырьевой и «обработанный» экспорт, либо совокупный для системы импорт (II) и экспорт (I), тогда, по сути, задача реструктуризации – это выбор стратегии движения (варианта – по таблице), скорости исправления структурной диспропорции в соответствии с принятым политическим решением. Именно такая постановка задачи означает выбор между индустриализацией и деиндустриализацией. Поэтому следует не только обозначить возможные варианты изменений в экономической системе (специфика движения связана с инструментами воздействий – экономической политикой), но и записать условие реструктуризации

системы по изменяемому параметру $X(t)$, что составит, по существу, формальный критерий индустриализации. Если разрыв (см. рис. 12) сокращается, при том что кривая II символизирует доминирование нежелательного, а кривая I – желательного сектора, то это говорит о позитивном результате реструктуризации системы (для случая «несырьевого» развития – об индустриализации). По параметрам $X(t)$ и dX/dt , а также по девяти возможным сценариям реструктуризации можно классифицировать все экономические системы (регионы). Для одних задача будет сводиться к сокращению разрыва, а для других – к его увеличению. Общая постановка задачи предполагает такой вариант решения.

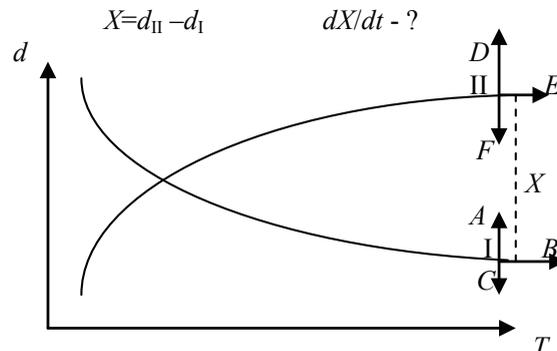

Рис. 12. Задача изменения экономической структуры

Запишем задачу индустриализации в структурной постановке. Пусть $X=d_{II}-d_I$, где d_{II} – доля сырьевого сектора; d_I – доля обрабатывающего сектора, которую необходимо увеличить; $K=d_I/d_{II}$. Тогда задача индустриализации в общей постановке примет вид условия: $dX/dt < 0$. Учитывая, что Y_I, Y_{II} – объемы продукта, создаваемого в каждом секторе; N – число занятых; i_I, i_{II} – выработка (продукт на занятого), отражающая масштаб сектора в экономике (так как продукт берется на всех занятых, а не в секторе), преобразуя, находим:

$$X = (1-K) d_{II};$$

$$d_I = Y_I/Y, d_{II} = Y_{II}/Y;$$

$$i_I = Y_I/N, i_{II} = Y_{II}/N;$$

$$K = i_I/i_{II}.$$

$dX/dt < 0$ – условие индустриализации; $dX/dt > 0$ – условие деиндустриализации; $dX/dt = 0, X = \text{const}, X \neq 0$, т. е. $d_I \neq d_{II}$ – структурная стабильность (при ней возможна индустриализация за счет изменения соотношения между старыми и новыми технологиями); $X = 0, d_I = d_{II}, dX/dt = 0$ – структурный паритет, который возможен при индустриализации и при деиндустриализации.

Характеристика стратегий реструктуризации экономической системы

Стратегия	I – машиностроение (обрабатывающий сектор)	II – топливная промышленность (добывающий сектор)	Характеристика
1	<i>B</i>	<i>E</i>	Сохраняется структурное соотношение секторов $dX_1/dt=0$
2(*)	<i>A</i>	<i>E</i>	Увеличивается доля обрабатывающих производств $dX_2/dt<0$
3	<i>C</i>	<i>E</i>	Сокращение обрабатывающих производств при сохранении ресурсной зависимости $dX_3/dt>0$
4	<i>C</i>	<i>F</i>	«Экономическая эвтаназия», доля двух секторов снижается (в пользу услуг). $dX_4/dt=0$ либо $dX_4/dt<0$, $dX_4/dt>0$
5	<i>B</i>	<i>F</i>	Сокращение сырьевой части при той же доле обрабатывающего сектора: $dX_5/dt<0$
6 (**)	<i>A</i>	<i>F</i>	Сокращение «разрыва» $dX_6/dt<0$ ($dX_2/dt>dX_6/dt$)
7	<i>C</i>	<i>D</i>	Рост «разрыва», закрепление сырьевой зависимости, $dX_7/dt>0$, с деградаций обрабатывающего сектора
8	<i>B</i>	<i>D</i>	Рост доли сырья при той же доле обрабатывающего сектора, $dX_8/dt>0$, но $dX_8/dt<dX_7/dt$
9 (***)	<i>A</i>	<i>D</i>	Общий рост секторов при трех вариантах качества стратегии: 1. $dX_9/dt<0$, обрабатывающий сектор растет быстрее сырьевого – разрыв сокращается 2. $dX_9/dt>0$, сырьевой сектор растет быстрее обрабатывающего – разрыв увеличивается 3. $dX_9/dt=0$, $X=const$, рост при сохранении величины разрыва

Обозначим $[1/d_{II}] dd_{II}/dt = s$ – относительное приращение доли сырьевого сектора и $[(1/i_I) di_I/dt - (1/i_{II}) di_{II}/dt] = \lambda$ – разница относительных приращений масштаба производства обрабатывающего и добывающего секторов. Осуществив подстановки и учитывая, что $dK/dt = K\lambda$, получим условие индустриализации экономической системы с доминантным сырьевым комплексом: $K > s/(\lambda+s)$. Иными словами, соотношение долей двух секторов, формирующих сегодня сырьевую систему, должно превосходить отношение относительного изменения доли сырьевого сектора к сумме относительного приращения этого сектора и разницы относительных изменений общей выработки (масштаба производства) этих секторов.

Если ввести объем производства на старых и новых технологиях O_1, N_1 для первого сектора и O_2, N_2 – для второго, так что $Y_1=O_1+N_1$ и $Y_2=O_2+N_2$, тогда $K=(O_1+N_1)/(O_2+N_2)$, и, учитывая, что $\alpha=O_1/O_2$ и $\gamma_1=N_1/O_1$, $\gamma_2=N_2/O_2$ – соответственно соотношение старых и новых технологий и доля производства на новых технологиях в объеме производства на старых технологиях, получим:

$$K = \alpha (1 + \gamma_1) / (1 + \gamma_2);$$

$$X = (1 - K) d_{II};$$

$$dX/dt < 0;$$

$$s(1 - K) < dK/dt;$$

$$dK/dt = K [(1/\alpha) d\alpha/dt + \mu(t)],$$

где $\mu(t) = \frac{1}{1 + \gamma_1} \frac{d\gamma_1}{dt} - \frac{1}{1 + \gamma_2} \frac{d\gamma_2}{dt}$ – разница взвешенных изменений долей производства на новых технологиях в объеме производства на старых технологиях в первом и втором секторах.

Подставив выражение dK/dt в условие индустриализации, получим новый вид этого условия с учетом структуры «новые – старые технологии», обеспечивающие динамику создаваемого продукта:

$$K > \frac{s}{\frac{1}{\alpha} \frac{d\alpha}{dt} + \mu + s}.$$

Таким образом, аналогом λ является выражение $\{(1/\alpha) d\alpha/dt + \mu\}$. Как видно из полученного условия, чем интенсивнее развиваются старые технологии в обрабатывающих секторах относительно сырьевых секторов, чем выше доля новых технологий в обрабатывающих секторах и чем выше изменение доли этих технологий, тем легче выполнить приведенное условие, т. е. налицо процесс индустриализации экономической системы.

Данный агрегатный подход по введению условия политики индустриализации является теоретическим. Для реальной экономической системы можно ввести соотношение между сектором услуг (спекулятивно-финансовым), добывающим (сырьевым) и обрабатывающим и получить уточняющую форму данного условия. Полезность таких выкладок в том, что на следующем шаге исследования стоит подумать о мерах экономической политики, определяющих относительное изменение указанных агрегированных параметров экономической системы, с последующим определением структуры старых и новых технологий в каждом виде экономической деятельности.

Условие структурных изменений для экономической системы в общем виде (рис. 13) сводится к записи:

1. Для сырьевой системы ($X > 0$): $\frac{dX}{dt} \geq 0$ – индустриализация, $\frac{dX}{dt} \geq 0$ – деиндустриализация.

2. Для индустриальной системы ($X < 0$): $\frac{dX}{dt} > 0$ – индустриализация, $\frac{dX}{dt} < 0$ – деиндустриализация.

Это довольно грубые условия изменения состояния системы в зависимости от того, преобладает или нет в начальной точке добывающий сектор над обрабатывающим.

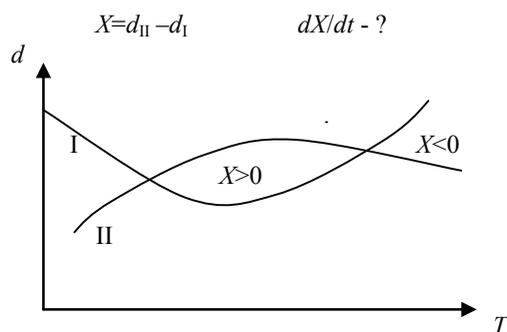

Рис. 13. Сырьевая (II) и индустриальная (I) экономика

Приведенные критерии необходимы, но не достаточны для оценки процесса структурных изменений, поскольку пропорция между секторами может не изменяться либо изменяться в пользу какого-либо сектора, но при этом может ухудшаться соотношение новых и старых технологий в рамках этого сектора. Это будет означать технологическую деградацию при сохранении масштаба сектора и даже при его росте. Поэтому добавочными критериями индустриализации должны быть условия:

$$\gamma_1 = \frac{N_1}{O_1} \rightarrow 1;$$

$$\gamma_2 = \frac{N_2}{O_2} \rightarrow 1.$$

Иными словами, в идеале экономическая система, охватывающая обрабатывающий и добывающий сектора, стремится к замещению всех видов производств на старых технологиях более эффективными новыми технологиями. Конечно, и такая постановка не является абсолютно корректной, ибо не по всем видам технологий целесообразна (либо возможна) замена старых технологий на новые в рассматриваемый период (N_1 и N_2 – это новые отечественные технологии, хотя можно представить ситуацию так, что это новые технологии, вне зависимости от того, где они созданы: внутри или вне страны. Однако такой подход исключит учет компоненты «импортированной индустриализации»).

Используя выражение для K через параметры технологической структуры, запишем:

$$K = \alpha \frac{1 + \gamma_1}{1 + \gamma_2};$$

$$X = (1 - K)d_{II};$$

$$X = d_{II} \frac{1 + \gamma_2 - \alpha - \alpha\gamma_1}{1 + \gamma_2}.$$

Тогда сырьевую и индустриальную экономику можно записать следующим образом:

1. Сырьевая система ($X > 0$)

$$\gamma_1 < \frac{1}{\alpha} \gamma_2 + \frac{1 - \alpha}{\alpha}$$

и в дифференциальной форме

$$\frac{d\gamma_1}{dt} < \frac{1}{\alpha} \frac{d\gamma_2}{dt} - \frac{1 + \gamma_2}{\alpha^2} \frac{d\alpha}{dt}.$$

2. Индустриальная система ($X < 0$)

$$\gamma_1 > \frac{1}{\alpha} \gamma_2 + \frac{1 - \alpha}{\alpha}.$$

$$\frac{d\gamma_1}{dt} > \frac{1}{\alpha} \frac{d\gamma_2}{dt} - \frac{1 + \gamma_2}{\alpha^2} \frac{d\alpha}{dt}. \quad (*)$$

Таким образом, в индустриальной экономической системе доля новых технологий в старых технологиях (по производству) в обрабатывающем секторе должна превзойти приведенное соотношение справа в неравенстве (*) для индустриальной системы (с доминированием обрабатывающих секторов) плюс условие на параметр γ_1 , который отражает преобладание новых технологий в структуре производства.

2. Технологический уровень промышленности России

В 2010–2013 гг. число используемых передовых технологий в РФ снизилось на треть, примерно с 18000 до 12000, а создание новых передовых технологий в период 2005–2013 гг. обеспечило их рост с 550 до 1500. В абсолютном значении создано около 1000 технологий, а перестали использоваться почти 6000 технологий, что говорит о продолжающейся технологической деградации экономики. Это подтверждает и агрегированная оценка технологического уровня экономики по показателю валовой добавленной стоимости на единицу перерабатываемого ресурса (рис. 14).

Будем полагать, что расходы на новые технологии представляют собой расходы на НИОКР, а на старые – разницу между величиной всех инвестиций в нефинансовые активы предприятий и расходами на НИОКР. Конечно, рассматривая не только расходы на НИОКР, но и инвестиции в технологические инновации в текущем году (суммарно), можно более точно оценить расходы на новые технологии. Построим функции расходов на старые и новые технологии в ВВП от технологического уровня с использованием эмпирических данных (рис. 15).

Как видим (см. рис. 15, а), более высокие расходы на старые технологии способны обеспечить более высокий технологический уровень (изменение добавленной стоимости на единицу ресурса как агрегированный результат такого технологического уровня). При низком технологическом уровне требуются большие расходы, при более высоком – меньшие, однако, сама величина расходов крайне невысока – в диапазоне

1...1,14 % для российской экономики. Чувствительность расходов по новым технологиям ниже, чем по старым. Можно утверждать, что важна структура распределения инвестиций между старыми и новыми технологиями, а «распределительная» логика правительства РФ должна быть заменена на логику поощрения консервативных (а не только инновационных) производств и на создание нового ресурса (вспомним, как создавались сектора промышленности в пору советской индустриализации).

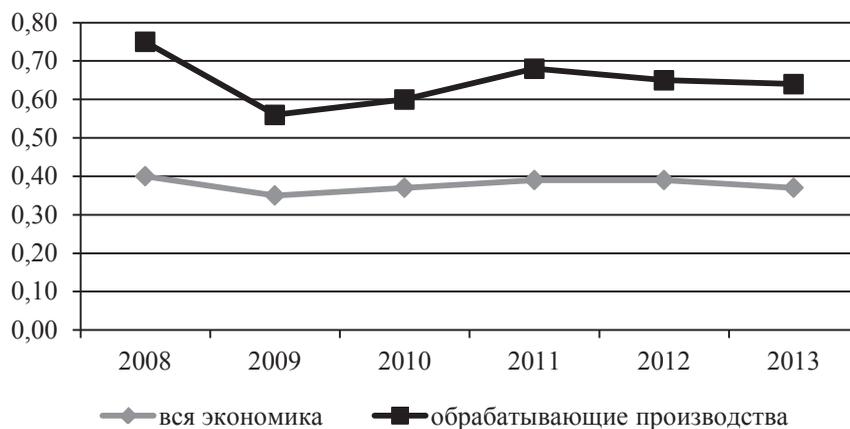

Рис. 14. Динамика изменения технологического уровня (2008–2013 гг.)

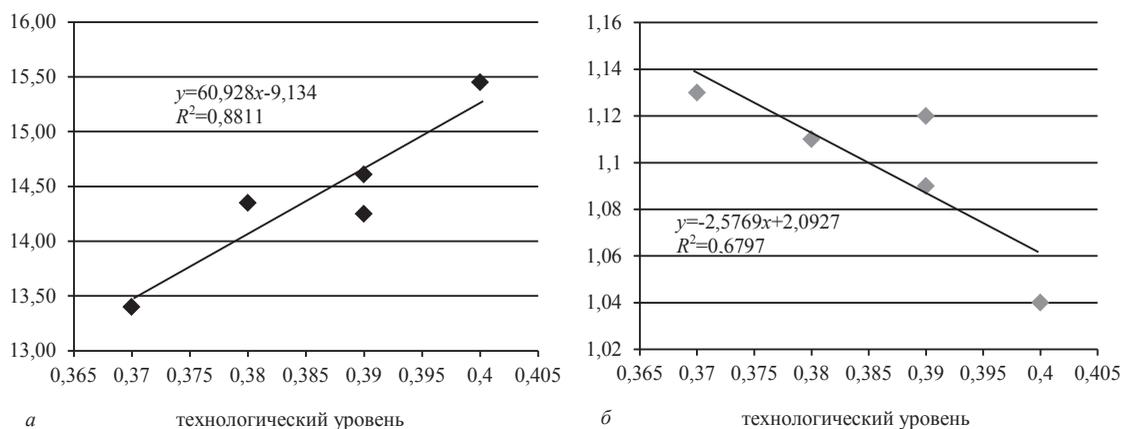

Рис. 15. Величина расходов (%) на старые (а) и новые (б) технологии в ВВП

Теперь проанализируем число используемых передовых технологий по видам экономической деятельности в 2010–2013 гг. после спада в обрабатывающих производствах (на 13...16 % в 2009 г.). С одной стороны, в России растет число разработанных передовых производственных технологий (в экономике в целом и в обрабатывающих производствах). С другой стороны, если рассматривать не только новые, но и все

используемые передовые технологии, то картина диаметрально меняется – общее число используемых передовых технологий снижается как в экономике в целом, так и в обрабатывающих видах экономической деятельности (в частности, в производстве машин и оборудования на указанном отрезке времени). При этом средняя скорость снижения по всей экономике равна 1,56 %, по обрабатывающим производствам – 3,64 %, а в машиностроении – 8,35 %. Таким образом, за указанные 4 года количество используемых передовых производственных технологий в рассматриваемом виде экономической деятельности уменьшилось на 25 % от уровня 2010 г. Если так будет продолжаться, то через 8 лет (к 2022 г.) возможно снижение числа технологий в два раза.

Чтобы определить влияние показателей на количество вновь созданных технологий, рассмотрим расходы на гражданскую науку из средств федерального бюджета, млрд рублей (к уровню цен 2005 г.) X_1 ; число организаций, выполнявших научные исследования и разработки X_2 ; число поданных заявок на патенты и созданные (разработанные) передовые производственные технологии X_3 ³. Итоговая функция имеет вид: $Y = 1,28X_1 + 0,5X_2 + 0,08X_3 - 4287$ (рис. 16).

Рис. 16. Динамика числа передовых технологий в зависимости от влияния различных факторов

³ Отметим, что число организаций и поданных заявок на патенты и созданные технологии сами по себе представляют институциональные факторы, потому что правила функционирования этих подсистем задают величину транзакционных издержек и склонности к изобретательской и рационализаторской деятельности, что стимулирует рост числа новых технологий.

Изменение факторов X_1 , X_2 , X_3 соответственно на 12, 1 и 1,6 % приводит к изменению итогового показателя на 27, 18 и 54 % соответственно; таким образом, при изменении расходов на гражданскую науку на 1 % итоговый показатель изменяется на 2,25 %; изменение числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки, на 1% ведет к изменению числа передовых технологий на 18 %, а изменение числа патентов на 1 % – на 34 %. Отметим, что рост числа организаций будет связан с ростом расходов на науку и технологии. Поэтому в регрессии, несмотря на очевидно хорошую статистику, не все так гладко. Тем не менее анализ чувствительности различных факторов дает общее направление политики в части изменения структуры экономики и институциональных коррекций в целях стимулирования технологических факторов роста. Эти воздействия являются уточняющими по отношению к исправлению макроструктурной вилки по линии процент – рентабельность – риск.

Для более эффективного использования инвестиций возможно их перераспределение между старыми и новыми технологиями. Остается актуальной и задача повышения эффективности инвестиций, причем технологичность экономики определяется не только количественными, но и качественными (институциональными и структурными) параметрами. Изменение общего вектора развития экономики при решении макроструктурной проблемы, когда выгоднее работать не на производстве, а в сфере услуг и добывающих секторах, иметь не техническое, а экономическое и юридическое образование, приводит к тому, что наиболее квалифицированные кадры уходят в финансовую и банковскую сферы, перераспределяя имеющийся доход и внося наименьший (из возможных) вклад в создание нового продукта.

Список литературы

1. *Бодрунов, С. Д.* Формирование стратегии индустриализации России / С. Д. Бодрунов. – СПб.: Институт нового индустриального развития, 2013. – 680 с.
2. *Сухарев, О. С.* Экономическая динамика. Институциональные и структурные факторы / О. С. Сухарев. – М.: Ленанд, 2015. – 240 с.
3. *Сухарев, О. С.* Экономический рост, институты и технологии / О. С. Сухарев. – М.: Финансы и статистика, 2014 (2015 – 2-е изд., исправл.) – 464 с.
4. *Эрлих, А.* Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928 гг. / А. Эрлих. – М.: Дело, 2010. – 248 с.

Статья представлена в научно-редакционный совет 02.11.2015 г.

Д. Е. Сорокин¹, С. А. Толкачев²

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ³

Мировая экономика вступила в длительный период турбулентности, в течение которого под воздействием глубинных структурных сдвигов формируется новая модель экономического роста, оказывающая существенное влияние на социально-экономическую ситуацию в странах, регионах, интеграционных группировках.

Деглобализация и неоиндустриализация – тренды мировой экономики

Продолжающийся период неопределенности в развитии мировой экономики ставит вопрос о неоднозначности прогрессивного линейного вектора процесса глобализации, еще недавно считавшегося фундаментальным и магистральным направлением развития всего мира и отдельных стран. Проявляются признаки развертывания процесса деглобализации, о чем пишет даже видный идеолог правящей либеральной финансово-экономической команды России В. Мау [1]. Фундаментальной основой деглобализационного процесса является кризис эффективности капитала, возникший в результате исчерпания возможностей информационно-коммуникационных технологий, являвшихся двигателем роста мировой экономики (особенно в банковской сфере и других видах услуг) в течение 25 лет (1980–2005 гг.).

Фактором деглобализации может стать еще одна тенденция последнего времени – реиндустриализация развитых стран, прежде всего США. Она представляет собой не только возврат традиционных производств в развитые страны (решоринг), но и формирование новых отраслей промышленности, для которых характерны снижение доли труда в издержках и повышение значимости оптимизации логистики, близости исследовательской базы и потребительского спроса [2].

Реиндустриализации США способствуют:

- низкие затраты на рабочую силу в расчете на единицу продукции (одни из самых низких среди промышленно развитых стран);
- низкие цены на энергию благодаря большим объемам сланцевого газа;
- невысокая стоимость капитала благодаря политике Федерального резерва;
- конкурентоспособность на большинстве рынков традиционного экспорта США в силу определенной слабости доллара;
- начало медленного роста рынка недвижимости.

В процессе реиндустриализации экономики США и других развитых стран в производственный процесс внедряются новые технологии, получившие название NBIC-

¹*Дмитрий Евгеньевич Сорокин*, проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН.

²*Сергей Александрович Толкачев*, директор Центра промышленной политики Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д-р экон. наук, профессор.

³Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 15-02-00354 «Промышленная политика в условиях реиндустриализации и становления шестого технологического уклада».

технологий. Интенсивное развитие в последнее десятилетие конвергентных NBIC-технологий свидетельствует о зарождении нового цикла технологического развития, способного привести как к значительному расширению рынков сбыта, так и к реформатированию мировой системы разделения труда. Под NBIC-технологиями (Nano-Bio-Info-Cogno-technologies) понимают «прорывные» инновационные технологии в области конвергенции нанотехнологий, ИКТ, биотехнологий и когнитивных технологий. Многие современные новые технологии находятся на стыке группы NBIC, например: конструирование клеточных и тканевых структур (nano+bio), новые информационные интерфейсы (info+cogno), биоинформатика (nano+info+bio).

Одним из самых успешных проявлений новой технологической революции является растущее использование 3D-технологий в промышленных отраслях. Согласно прогнозу исследовательской и консалтинговой компании «Gartner», поставки 3D-принтеров с 2012 по 2017 г. вырастут на 95 %, доходы от поставок – на 82 %, расходы конечного пользователя – до 5,7 млрд долларов [3].

Экономический эффект от применения 3D-оборудования будет достигнут в разных областях промышленности за счет преимуществ данных технологий:

- высокая точность печати;
- снижение себестоимости производства модели благодаря использованию недорогих порошкообразных материалов;
- надежность, высокая скорость и большое разрешение для создания моделей с мелкими деталями;
- возможность создавать фигуры сложной формы;
- одновременная печать нескольких деталей;
- цветная печать и др.

Использование 3D-печати будет способствовать росту производительности труда в автомобильной индустрии. Автомобильные компании смогут увеличить скорость изготовления деталей на производствах и сэкономить временные и материальные ресурсы. Так, например, компания BMW, обратившись к одному из крупнейших в мире производителей 3D-принтеров – Stratasys, сэкономила 58 % расходов и 92 % времени при изготовлении деталей автомобиля [4].

Начальные этапы жизненного цикла NBIC-технологий предполагают развитие ключевых компетенций в ограниченном круге научно-производственных компаний развитых стран. Таким образом, реиндустриализация на основе новых технологий позволяет отказаться от вывода все более мелких производственных операций за пределы страны базирования ТНК. Западные страны и ТНК концентрируют материальные, интеллектуальные и финансовые ресурсы на территории своих государств для осуществления нового технологического рывка.

Промышленно развитые страны стоят на пороге новой индустриальной революции, которую называют по-разному: третья промышленная революция, индустрия 4.0, шестой технологический уклад и пр. Мы предлагаем характеризовать грядущее изменение основ индустрии как неоиндустриализацию. *Неоиндустриализация* – это широкомасштабное внедрение комплекса прорывных NBIC-технологий в производственный процесс, кардинальное изменение сути индустриального способа производства, позволяющее:

- резко повысить производительность труда в обрабатывающих отраслях;
- создать новые рынки (при этом исчезнут некоторые традиционные виды деятельности);

- сформировать глобальные очаги быстрого промышленного роста;
- сократить потребность в неквалифицированных видах труда, что обострит глобальную проблему безработицы;
- усилить технологическое превосходство промышленно развитых стран над остальным миром.

Неоиндустриализация является продолжением технологической революции с переносом ее основного руслу из сферы информационных финансовых услуг и НИОКР в производственный процесс, с формированием сферы интеллектуального производства, когда *мысль становится производительной силой*.

Россия, несмотря на жесточайшую сырьевую зависимость и опустошительную деиндустриализацию, получает новые шансы в грядущей пересдаче карт мировой промышленной игры. Возможности продвинуться вверх по цепочке добавленной стоимости в новой глобальной системе международного разделения труда обусловлены, с одной стороны, незрелостью новейших технологических звеньев шестого технологического уклада, а, с другой – новыми шансами встроиться в высвобождающиеся элементы перестраиваемых технологических цепочек.

Деиндустриализация российской экономики: тренд сохраняется

Глубокий методологический анализ феномена деиндустриализации российской экономики дан в [5]. Несмотря на активизацию в последние два года проиндустриальной риторики, реальная ситуация в сфере производства, особенно в обрабатывающей промышленности и машиностроении, остается тревожной. В начале июня 2015 г. появились сообщения о возможности закрытия гордости отечественного машиностроения Волгоградского тракторного завода из-за задолженности перед Внешэкономбанком [6]. И хотя последующее развитие событий не подтверждает эту информацию, сам факт ее появления является знаковым для нынешней эпохи деиндустриализации России. Олицетворение негибкой промышленной мощи СССР, легендарный завод, продолжавший работать под бомбами и снарядами в 1942 г., погибает в современных финансово-экономических условиях. Напомним, что в пореформенной России были закрыты многие заводы с многолетней историей, причем даже в благоприятные 2000-е гг. Перечислим некоторые из них: АЗЛК (1930–2010), завод «Красный пролетарий» (1857–2010), Ижевский мотоциклетный завод (1928–2009), ОАО «Счѐтмаш» (1948–2009), Павловский инструментальный завод (1820–2011), МТЗ «Рубин» (1932–2003), Липецкий тракторный завод (1943–2009), Алтайский тракторный завод (Рубцовск) (1942–2010), Судостроительный завод «Авангард» (Петрозаводск) (1939–2010), ОАО «ХК Дальзавод» (Владивосток) (1895–2009), ПО «Вега» (Бердск, Новосибирская область) (1946–1999), Саратовский авиационный завод (САЗ) (1931–2010), ФГУП «Омский завод транспортного машиностроения» (1896–2009), Челябинский часовой завод «Молния» (1947–2009), Угличский часовой завод «Чайка» (1938–2009), Пензенский часовой завод (ООО «Заря») (1935–1999), Второй московский часовой завод «Слава» (1924–2006), Чистопольский часовой завод «Восток» (1941–2010), Московский станкостроительный завод им. Серго Орджоникидзе (1932–2007), Станкостроительный завод «Свердлов» (1868–2005), Станкомаш, Челябинск (1935–2009), Рязанский станкостроительный завод (1949–2008), Кронштадтский морской завод (1858–2005), ЗАО «Кузбассэлемент» (1942–2008), Иркутский завод радиоприемников (1945–2007), Завод точного литья «Центролит» (1963–2009), Хорский БИО-ХИМ (Хабаровский край) (1982–1997), Томский приборный завод (1961–2007),

Красноярский завод телевизоров (1952–2003), завод «Динамо» (Москва) (1897–2009), Орловский завод управляющих вычислительных машин им. К. Н. Руднева (1968–2006), Оренбургский аппаратный завод (1943–2009), Хабаровский завод «Евго» (2000–2009), Ульяновский радиоламповый завод (1959–2003), Завод им. Козицкого, Санкт-Петербург (1853), Сибэлектросталь, Красноярск (1952–2008), Оренбургский комбинат шелковых тканей «Оренбургский текстиль» (1972–2004), Барышская фабрика имени Гладышева, Ульяновская область (1825–2005), Льнообъединение имени И. Д. Зворыкина, Кострома (1939–2011), Дальневосточный радиозавод, Комсомольск-на-Амуре (1993–2009), Велозавод, Йошкар-Ола (1950–2006), Велозавод, Нижний Новгород (1940–2007), Пермский «Велозавод» (1939–2006), Балтийский завод (1856–2011).

Общее количество предприятий обрабатывающей промышленности неуклонно снижается на фоне роста хозяйствующих единиц в других сферах экономики (табл. 1).

Таблица 1

Число предприятий и организаций промышленности по видам экономической деятельности (на конец года)*

Вид экономической деятельности	2005	2010	2011	2012	2013	2014 (январь–ноябрь)
Добыча полезных ископаемых	14551	17314	17240	17280	17432	17670
Обрабатывающие производства, всего	478413	402479	403942	404959	401872	402112
В том числе производство машин и оборудования	74234	44630	43898	43729	42528	42336
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	18586	30332	31191	31903	32271	32465

*Источники: Промышленность России. 2014 / Федеральная служба государственной статистики. С. 63; Социально-экономическое положение России. 2014. С. 145–148.

Весьма показательно почти двукратное сокращение количества предприятий в сфере производства машин и оборудования на фоне почти двукратного роста предприятий в промышленной инфраструктуре. Разумеется, средний возраст оборудования в обрабатывающих отраслях гораздо выше, чем в других сферах (табл. 2).

Очевидно, что существующий в стране режим хозяйствования не соответствует задачам реиндустриализации. Многие индикаторы указывают на сохранение тренда на деиндустриализацию экономики, более того, – на перераспределение доходов и ресурсов из обрабатывающей промышленности в другие сектора. Ценовая динамика свидетельствует о неблагоприятных структурных сдвигах в промышленности (табл. 3). Опережающий рост цен в сырьевых отраслях по сравнению с ценами в обрабатывающих производствах (особенно в машиностроении) на протяжении всего периода (за исключением 2014 г.) означает перераспределение валовой добавленной стоимости в пользу сырьевиков. Цены на машины и оборудование за период 2004 – первое полугодие 2015 г. выросли в полтора раза, а на продукцию ТЭК – в три раза! Это означает, что машиностроение субсидирует ТЭК, а не наоборот, как должно быть в экономике, стремящейся к развитию.

Таблица 2

Средний возраст имеющихся машин и оборудования по отраслям экономики, по коммерческим организациям (без субъектов малого предпринимательства, по полной учетной стоимости, в смешанных ценах), на конец года*

Отрасль экономики	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Машины и оборудование по всем отраслям экономики	11,2	11,2	11,1	11,2	11,5	11,2	11,2
В том числе:							
добыча полезных ископаемых	7,8	8,3	8,1	7,6	8,3	8,2	8,0
обрабатывающие производства	11,9	11,9	11,9	12,0	12,4	12,2	11,9

*Источники: Промышленность России. 2014 / Федеральная служба государственной статистики. С. 113; Средний возраст имеющихся на конец года машин, оборудования и транспортных средств / Госкомстат РФ. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/technol/osn-fond.htm (дата обращения 10.09.2015).

Таблица 3

Индексы цен производителей по видам экономической деятельности (декабрь к декабрю предыдущего года, %) (расчеты авторов на основе данных Госкомстата)

Вид деятельности	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015 ¹	За весь период
Производство промышленных товаров	113,4	116,7	112,0	105,1	103,7	105,9	111,49	190,72
Добыча полезных ископаемых	131,0	117,1	126,3	109,3	107,0	98,4	125,2	279,13
В том числе топливно-энергетических	135,3	116,1	128,1	110,5	107,7	97,0	127,7	296,62
Обрабатывающие производства	108,1	116,9	108,3	103,2	101,6	108,5	111,6	173,73
Производство машин и оборудования	110,4	105,5	105,4	104,1	101,9	111,4	109,3	158,56
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	112,6	113,8	105,1	107,0	108,1	104,5	102,7	167,16

¹Июль 2015 г. к декабрю 2014 г.

Перераспределение валовой добавленной стоимости в пользу ТЭК за счет обрабатывающей промышленности привело к снижению рентабельности (с 15,3 до 8,8 %) и росту затрат на выпуск продукции (с 85 до 91 копейки) (табл. 4). Снижаются возможности обрабатывающей промышленности по инвестированию в обновление производства. Кредитные ресурсы, предоставляемые банками под 25...30 %, недоступны при рентабельности 9 %.

Неуклонно снижается доля обрабатывающих производств в промышленном производстве России за счет увеличения доли добывающей промышленности (табл. 5).

Таблица 4

Основные показатели работы организаций обрабатывающих производств*

Показатель	2005	2010	2011	2012	2013
Индекс производства, % к предыдущему году	107,6	110,6	108,0	105,1	100,5
Среднегодовая численность работников организаций, тыс. чел.	9512	7810	7774	7622	7531
Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг), %	15,3	14,8	13,2	10,7	8,8
Затраты на 1 рубль продукции (работ, услуг), к.	85,6	89,8	88,5	89,3	91,1

*Промышленность России. 2014 / Федеральная служба государственной статистики. С. 151.

Таблица 5

Валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности (в текущих основных ценах, % к итогу)*

Вид деятельности	2005	2010	2011	2012	2013
Добыча полезных ископаемых	34,1	34,0	35,7	37,5	37,3
Обрабатывающие производства	55,9	52,5	51,8	50,8	51,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	10,0	13,5	12,5	11,7	11,7

*Промышленность России. 2014 / Федеральная служба государственной статистики. С. 25.

Уровень использования производственных мощностей в отраслях обрабатывающей промышленности намного ниже, чем в добывающих, инфраструктурных и отраслях первого передела. Например, загрузка производственных мощностей в производстве металлорежущих станков в 2010–2013 гг. составляла 7...24 %, а в производстве чугуна – почти стабильно на уровне 90 %!

**Финансовые ресурсы для реиндустриализации:
упущенные возможности**

Основной ресурс модернизации российской экономики – нефтегазовые доходы – за прошедшие 15 лет не использовался для реиндустриализации и развития новых технологий. Суммарная величина нефтегазовых сверхдоходов страны за 2000–2013 гг. составила 2,1 трлн долларов (по курсу 2013 г.). При этом на девять лет докризисного периода пришлось 0,9 трлн, а на пять лет посткризисного – 1,2 трлн долларов. Поступавшие в бюджет нефтяные сверхдоходы в 2000–2008 гг. Правительством РФ и ЦБ частично были использованы на погашение государственного долга (его величина снизилась со 161 млрд долларов в начале 2000 г. до 41 млрд долларов в конце 2008 г.), основная же их часть была направлена на накопление бюджетных нефтегазовых фондов якобы

в целях избежания перегрева экономики и роста инфляции. Однако фактически не используемые внутри страны инвестиционные ресурсы нашли применение за рубежом. Даже по официальным данным Центрального банка РФ, среднегодовой чистый отток капитала из России за десятилетний период составил 67 млрд долларов, среднегодовой отток инвестиционных доходов – 40 млрд долларов. Так за счет инвестиционного «сотрудничества» с внешним миром из страны ежегодно уходило более 100 млрд долларов [7]. Суммарный отток капитала и инвестиционных доходов из России за 2005–2014 гг. составил более 1 трлн долларов. Иными словами, Россия ежегодно теряла 7 % ВВП в виде оттока потенциальных инвестиционных ресурсов в результате чрезмерной открытости экономики, отсутствия валютных ограничений и валютного контроля.

Ежегодные потери России от «асимметричного» международного инвестиционного обмена эквивалентны примерно 1/3 всех бюджетных доходов (в среднем за 10 лет). Это колоссальный ресурс, за счет которого можно реализовать масштабную программу реиндустриализации и импортозамещения без сокращения социальных расходов и программ. При этом официальные данные платежного баланса не отражают всего объема операций, связанных с транснациональным движением капитала.

О необходимости перехода к стратегическому планированию промышленного развития и недостатках закона «О промышленной политике в Российской Федерации»

В последние годы в ситуации неопределенности после финансового кризиса 2008–2009 гг. многие страны возобновили обсуждение программ стратегического развития. Россия также вступила на путь «стратегизации»: Стратегия 2020, Стратегия инновационного развития РФ до 2020 г., закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Сам факт принятия Федерального закона РФ от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» [9] косвенно свидетельствует о консенсусе в политической и научной среде относительно критического значения государственного планирования для социально-экономического развития страны. Однако наличие в законе целого ряда недостатков вызывает обоснованные опасения относительно перспектив его реализации.

Эффективная система государственного планирования позволяет:

- преодолеть дефицит доверия как в бизнес-среде, так и в отношениях власти, бизнеса и общества;
- существенно увеличить горизонт планирования российских предприятий, переориентировав их с извлечения сиюминутной прибыли на долгосрочные инвестиции и постановку социально значимых целей;
- вывести отечественный бизнес из ловушки отраслевой координации;
- обеспечить выявление критических технологий, их финансовую, организационную и кадровую поддержку, стимулирование внедрения и получения значительных положительных эффектов для экономики и общества;
- изменить отраслевую структуру экономики в соответствии с глобальными вызовами современности;
- создать систему здоровых экономических стимулов, когда доход человека пропорционален положительному социальному эффекту от его профессиональной деятельности;
- повысить роль творчества в трудовой деятельности и роль инноваций в развитии экономики;

- вывести Россию в число стран-лидеров по производству продукции с высокой добавленной стоимостью на одного работника;
- обеспечить более справедливое распределение доходов в обществе;
- обеспечить постоянный рост благосостояния россиян, решение экологических проблем и демократизацию общества.

Принятый 31.12.2014 г. ФЗ №488 «О промышленной политике в Российской Федерации» [10] должен усилить стратегический вектор промышленного развития страны. Сам факт принятия данного закона, достаточно быстро прошедшего все необходимые чтения, свидетельствует о потребности общества в ускоренном и компенсирующем промышленном развитии на фоне беспрецедентной деиндустриализации экономики России начиная с 1992 г. Попытки принять данный закон, предпринимавшиеся в течение 20 лет, оканчивались безрезультатно. Правительству РФ давно не хватает законодательно установленных эффективных механизмов и инструментов управления развитием национальной промышленности.

Определим, что мировая политико-экономическая общественность привыкла понимать под промышленной политикой (далее – ПП). Четкой и однозначной трактовки понятия не существует, но наиболее консенсусный вариант можно сформулировать так: ПП – это комплекс мер государственного воздействия на распределение ресурсов общества в целях совершенствования структуры национальной экономики, поддержания конкурентоспособности отдельных отраслей и предприятий на мировых рынках, корректировки негативных последствий действия механизма рынка. Тем самым ПП, как ее привык понимать весь мир, базируется на следующих основах:

1. Селективная политика по созданию предпочтительных условий для развития определенных отраслей или даже отраслевых комплексов за счет отраслей народного хозяйства.

2. Определенное «насилие» над естественно складывающимися рыночными процессами, сознательное, априорно обоснованное вмешательство государственных органов в установленные рынком пропорции обмена между отраслями. В этом смысле ПП призывает к сознательной разбалансированности народного хозяйства, уходу от «рыночного равновесия», тем более что эта абстрактная конструкция существует не в реальной жизни, а в теоретических идеальных репрезентациях.

3. Несмотря на название это совершенно не обязательно политика поддержки промышленности как таковой, тем более всего промышленного комплекса. Скорее, это отраслевая или структурная политика, которая может осуществляться в ущерб некоторым неприоритетным промышленным отраслям ради развития перспективных промышленных и сопряженных с ними секторов услуг.

4. Как правило, ПП осуществляется в целях усиления международной конкурентоспособности выбранных отраслей, их продвижения в мировом хозяйстве в качестве локомотивов промышленного развития и образца национальной конкурентоспособности. В случае явной международной отсталости ПП направлена на импортозамещение важнейших технологических цепочек, создание национальной промышленной базы, способной противостоять зарубежным конкурентам. Такая модель ПП с легкой руки Ф. Листа получила название «воспитательный протекционизм» и была успешно использована в ходе догоняющей индустриализации в Германии в конце XIX в. и в России в 30-е гг. XX в.

Итак, настоящая ПП – это *всегда* выбор приоритетов, несбалансированное развитие, сознательное нарушение естественных функций рыночной саморегуляции для обеспечения прорывов на заданных приоритетных направлениях. ПП выступает по от-

ношению ко всем прочим видам экономической политики как завершающая стадия государственной стратегии. В конечном счете, успешная ПП является инструментом и выражением роста национальной конкурентоспособности.

Оценим в этом контексте основные положения закона «О промышленной политике в Российской Федерации» № 488-ФЗ от 31.12.2014 г. К сожалению, в законе ПП рассматривается прежде всего как система мер, направленных на развитие *любой* «промышленной деятельности», безотносительно приоритетов и технологического уровня (безразлично, что поддерживать – проект лесопилки на технологиях 100-летней давности или футуристический проект, основанный на биотехнологиях). В подобном ключе в законе прописаны правила, гарантирующие *равные* конкурентные условия для всех промышленных отраслей в структуре народного хозяйства (гл. 1, ст. 4, п. 2.2). Таким образом, в законе не выполняется важнейший принцип приоритетности.

Пункт 8 ст. 3 гл. 1 провозглашает принцип «равного доступа субъектов деятельности в сфере промышленности к получению государственной поддержки в соответствии с условиями ее предоставления», что противоречит как самому смыслу ПП, так и одному из других заявленных принципов – «обеспеченность ресурсами и их концентрация на развитии приоритетных отраслей промышленности».

Идея стимулирования международной конкурентоспособности приоритетных промышленных отраслей также не получила поддержки в законе. Один из принципов ПП (п. 2 ст. 3 гл. 1) – «создание конкурентных условий осуществления деятельности в сфере промышленности по сравнению с условиями осуществления указанной деятельности на территориях иностранных государств». «Конкурентные условия» означают примерно равные или не худшие, но не обязательно лучшие условия хозяйствования. Зачем же в законе, направленном на поддержку промышленности, провозглашать, что государство обязуется создать сопоставимые условия хозяйствования, когда ПП должна создавать привилегии и преференции? Например, современная американская реиндустриализация осуществляется за счет более низких цен на энергоносители (в четыре раза ниже, чем в Японии и Южной Корее, и в два раза ниже, чем в Западной Европе).

Таким образом, до осуществления реальной ПП в России пока далеко. Принятый закон просто обещает дополнительные меры организационной и финансовой (но не кредитной!) поддержки промышленной деятельности. Надо понимать, что ПП – это больше политика, чем собственно промышленность. Чтобы перейти к настоящей ПП как программе стратегической конкурентоспособности России на мировой арене, необходимо увязать существующие программы поддержки промышленной деятельности с институтами стратегического развития, что требует четкой идентификации последних. Только в этом случае можно выделить приоритеты и выстраивать четкие политико-экономические контуры реализации намеченных отраслевых программ.

Мобилизационная экономика в современных условиях

Настоящее импортозамещение возможно только в рамках мобилизационной модели экономики. Без целенаправленной скоординированной плановой деятельности нельзя добиться развертывания импортозамещающих производств. Нынешняя либеральная модель экономики органически не способна перейти от лозунгов к конкретным действиям по импортозамещению, потому что разные системы управления не подчинены одной цели. Мобилизационная экономика может увязать разнонаправленные управленческие действия в единый согласованный вектор.

Мобилизационная экономика – это способ достижения экономического суверенитета, при котором основные ресурсы могут быть спланированы и организованы государственной властью таким образом, чтобы успешно противостоять внутренним и внешним угрозам существования страны. По мере нормализации ситуации программа мобилизационной экономики должна сворачиваться. Это выразится в отказе от поддержки точек роста, которые к тому времени должны показать свою конкурентоспособность даже в сравнении с лучшими иностранными производителями.

Таким образом, мобилизационная экономика должна стать тем *механизмом*, который позволит преобразовать разнообразные ресурсы страны в конечные товары и услуги. В дальнейшем активный экономический рост станет залогом прогрессивных институциональных изменений.

Мобилизационная экономика не тождественна плановой жестко централизованной системе. Она может успешно сосуществовать с рыночными основами общества. Есть немало примеров мобилизационной рыночной экономики. Например, послевоенная Япония применяла: 1 – жесткий централизованный контроль за аккумулированием сбережений населения в сберкассах, используя эти сбережения через институты развития в целях производственных инвестиций; 2 – механизмы валютного регулирования и контроля; 3 – административное регулирование процентных ставок с целью удержания их на низком уровне. Мобилизационная экономика существовала во время Нового курса Ф. Д. Рузвельта, когда были созданы специальные инструменты, обеспечивающие занятость, расширение использования производственных мощностей и концентрацию национальных сбережений для обеспечения инвестиций в развитие производства. Отдельные элементы мобилизации национальных ресурсов просматриваются в нынешней политике США по реиндустриализации экономики, например: пропагандистские компании «покупай американское» или учреждение с 2012 г. специального «Дня работника обрабатывающей промышленности» (Manufacturing Day), когда во всех штатах страны промышленники рассказывают о новых технологиях и вакансиях для молодежи.

Мобилизационная экономика необходима для решения ключевой проблемы модернизации и реиндустриализации – повышения нормы накопления или доли инвестиций в ВВП. Все 20 лет либеральных реформ норма накопления в России балансировала вокруг отметки 20 %, чего недостаточно для технологической модернизации. Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» [11], планируется увеличение объема инвестиций не менее чем до 25 % ВВП к 2015 г. и до 27 % – к 2018 г. Однако такие скромные темпы не гарантируют эффективной реиндустриализации и вряд ли позволят выполнить другие программные цели, обозначенные в этом указе, в частности, создание 25 миллионов высокопроизводительных рабочих мест к 2020 г. Как показывает опыт реализации технологических прорывов в новых индустриальных странах – послевоенной Японии и современном Китае, для этого требуется рост нормы накопления до 35...40 % ВВП.

Рассмотрим основные институциональные реформы, необходимые для создания современной системы мобилизационной экономики.

Возрождение планирования. Мобилизационная экономика немыслима без восстановления институтов планирования. На прошедшем 18–20 июня 2015 г. XIX Петербургском международном экономическом форуме многие представители бизнеса призывали правительство восстановить государственное планирование. Как сообщил корреспондент журнала «Эксперт»: «...неожиданностью, окончательно нивелировавшей весь либеральный тон форума, прозвучал запрос от бизнеса на создание некоего

подобия советского Госплана. Конечно, речь не шла о воскрешении пятилеток, но факт – экономике необходимы хотя бы какие-то ориентиры в виде элементов стратегического планирования» [12].

Восстановление государственного регулирования цен. Очевидна необходимость государственного регулирования цен и проведения ценовой политики, соответствующей современным реалиям и задачам мобилизационной экономики. Основными принципами ценовой политики должны стать:

- достижение и сохранение динамичной сбалансированности цен для обеспечения гармоничного развития национальной экономики;
- стимулирование повышения эффективности производства путем создания условий для приоритетного развития импортозамещающих производств и отраслей с высокой добавленной стоимостью;
- недопущение несправедливого перераспределения ресурсов между производствами, отраслями и секторами хозяйства;
- увязка ценовой политики с политикой в области оплаты труда и регулирования доходов населения.

Что необходимо сделать в рамках осуществления ценовой политики:

- принять Федеральный закон «О ценах и ценообразовании в Российской Федерации», где должна быть установлена ответственность органов государственной власти за регулирование ценовых пропорций в экономике в целях создания максимально благоприятных условий для развития отраслей высокого передела на территории страны;
- отказаться от приоритетности внешнего спроса и ориентации на мировые цены во внутреннем ценообразовании;
- максимально ограничить рост цен за счет исключения лишних звеньев в цепи продвижения товара от изготовителя до конечного потребителя;
- пресечь практику перераспределения финансовых ресурсов в пользу отраслей экспортной ориентации и естественных монополий, снимая тем самым финансовую нагрузку на отрасли и производства, ориентированные на внутренний рынок;
- ввести жесткий аудит расходов в сфере ЖКХ, в естественных монополиях и инфраструктурных компаниях в целях выявления ресурсов для снижения цен.

Мобилизационная ориентация налогово-бюджетной политики. Радикальные изменения касаются прежде всего превращения бюджета страны в активный инструмент структурной, инвестиционной и промышленной политики. До последнего времени бюджетные инвестиции составляли около 5% всех расходов бюджета. Тем самым бюджет страны выполнял чисто *тактические* задачи по поддержанию нормального функционирования основных звеньев экономики. В нем была очень слабо представлена *стратегическая* составляющая, направленная на активизацию развития перспективных отраслей народного хозяйства. Увеличение доли *инвестиционной составляющей* в расходах консолидированного бюджета может быть достигнуто за счет пересмотра политики пополнения бюджета внебюджетными ресурсами из Резервного фонда и перераспределения бюджетных средств между производственной и непроизводственной сферами. Целевой ориентир инвестиционной доли – 10 %, т. е. необходимо увеличение бюджетных инвестиций примерно в два раза, что эквивалентно абсолютному приросту в 800 млрд рублей. С учетом мультипликатора бюджетных инвестиций эта сумма позволит резко увеличить долю инвестиций в основной капитал в ВВП.

Радикальный разворот денежно-кредитной и валютной политики. Денежно-кредитная политика монетарных властей страны в последние годы подвергается

серьезной критике. Следует официально включить *поддержание экономического роста* в перечень целей деятельности Центрального банка (ЦБ) России.

Необходим переход к политике *низких процентных ставок*. Стимулирование импортозамещения возможно только при умеренных кредитных ставках, поэтому ключевая ставка ЦБ должна максимально приближаться к ставке рефинансирования и находиться в интервале 3...5 %, что позволит выйти на современные международные стандарты и создать конкурентные условия для российских товаропроизводителей. Недопустимо превышение ставки рефинансирования величины рентабельности производства в какой-либо отрасли российской экономики.

Нужно отказаться от борьбы с инфляцией с помощью сдерживания денежной эмиссии. Подавляющее большинство исследований отечественных и зарубежных экономистов показывает, что прямой связи между инфляцией и денежной массой нет, тем более что в России монетизация ВВП очень низка по сравнению с развитыми странами. В связи с этим необходимо дальнейшее насыщение российской экономики ликвидностью, только тогда импортозамещающие производства смогут получить кредиты в нужном объеме.

Безусловно, важно восстановить валютное регулирование и валютный контроль. Следует признать, что переход к полной конвертируемости рубля в 2006 г. был ошибкой, лишившей страну огромной части инвестиционных ресурсов (не менее 1 трлн долларов за эти годы).

Валютные ограничения и валютный контроль – самые важные вопросы при реализации мобилизационной модели экономики в России. Любой исторический опыт свидетельствует: без сосредоточения валютных потоков в руках государства запуск модернизации невозможен. Так, в Японии в послевоенные годы был введен абсолютный валютный контроль со стороны государства – вся экспортная выручка поступала на государственный валютный счет, и предприятиям выдавались кредиты под строго оговоренные сделки: на покупку сырья для приоритетных отраслей, новейшего иностранного оборудования или лицензий. В результате к 1955 г. японская экономика вышла на довоенный уровень, а в течение следующих 15 лет росла в среднем на 10 % в год.

Система валютного контроля активно используется в динамично развивающихся странах БРИКС, особенно в Индии и Бразилии. Мощнейшая, в том числе в финансовом смысле, экономика Китая до сих пор сохраняет ограничения на капитальные операции и ограниченную конвертируемость юаня. Даже МВФ, повсеместно сеявший валютную либерализацию, по итогам мирового кризиса 2008 г. признал, что в развивающихся странах необходим контроль за движением капитала для смягчения негативного влияния на свои экономики.

Восстановление валютного контроля и ограниченной конвертируемости рубля позволит исключить процентные ставки из арсенала мер борьбы со спекуляциями на валютном рынке и вернуться к кредитованию инвестиционных операций внутри страны. Наконец, ЦБ сможет приступить к настоящей (а не паллиативной) кредитно-денежной политике.

Ограниченная конвертируемость рубля и установление фиксированного курса национальной валюты будет означать направление финансовых потоков не на спекуляцию, а на производительные цели в реальном секторе экономики. Предприятия – участники внешнеэкономической деятельности – будут освобождены от необходимости самостоятельно заниматься хеджированием валютных рисков, за них это будут выполнять ответственные финансовые власти. Огромные ресурсы финансовой инфраструктуры

будут направлены в сферу кредитования и обслуживания реальных товарных и инвестиционных сделок.

Список литературы

1. *May, B.* Социально-экономическая политика России в 2014 году: выход на новые рубежи? / В. Мау // Вопросы экономики. – 2015. – №2.
2. *Толкачев, С. А.* Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада? / С. А. Толкачев // Экономист. – 2014. – №10.
3. *Moskowitz, M. J.* Beyond 2014: Evolving Opportunities in Technology / M. J. Moskowitz, J. C. Beard. – February 2014. Режим доступа: http://www.wealthmanagementinsights.com/userdocs/pubs/Beyond_2014_Evolving_Opportunities_in_Technology_ADA.pdf
4. Why you should invest in 3D printing. Режим доступа: <http://www.3dengr.com/why-invest-in-3d-printing.html> (дата обращения 15.08.2015 г.).
5. *Бодрунов, С. Д.* Какая индустриализация нужна России? / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2015. – №2(44).
6. Волгоградский тракторный завод готовятся закрыть. Режим доступа: <http://rusevik.ru/news/308196> (дата обращения 15.08.2015 г.).
7. *Катасонов, В. Ю.* Цена «открытости» российской экономики: триллион долларов за десять лет / В. Ю. Катасонов. Режим доступа: <http://reosh.ru/cena-otkrytosti-rossijskoj-ekonomiki-trillion-dollarov-za-desyat-let.html> (дата обращения 15.08.2015 г.).
8. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г. (новая редакция) (утв. Правительством РФ 14 мая 2015 г.). Режим доступа: <http://base.garant.ru/70309020/#ixzz3ixyCnW00> (дата обращения 15.08.2015 г.).
9. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70684666/paragraph/1:2> (дата обращения 15.08.2015 г.).
10. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70833138/paragraph/1:5> (дата обращения 15.08.2015 г.).
11. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70170954/paragraph/1:7> (дата обращения 15.08.2015 г.).
12. *Яковенко, Д.* В тоске по Госплану / Д. Яковенко. Режим доступа: <http://expert.ru/2015/06/18/v-toske-po-gosplanu/> (дата обращения 15.08.2015 г.).

Статья представлена в научно-редакционный совет 14.09.2015 г.

К 250-ЛЕТИЮ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Информация о научной конференции «Вольное экономическое общество и история формирования гражданского общества в России, 1765–2015 гг.»

Межрегиональная Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественная организация ВЭО России (МВЭО) и Российская национальная библиотека в преддверии Юбилейного съезда ВЭО России провели 30 октября 2015 г. в Доме Плеханова (Санкт-Петербург) научную конференцию на тему «Вольное экономическое общество и история формирования гражданского общества в России, 1765–2015 гг.».

В конференции приняли участие члены МВЭО – представители Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Российского государственного педагогического университета им. Герцена, Института истории, естествознания и техники РАН, Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербургского государственного института культуры, Санкт-Петербургского государственного аграрного университета и ряда других учреждений.

С основным докладом «Императорское Вольное экономическое общество как первая общественная организация в России» выступил *П. М. Лукичёв*, д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры.

*П. М. Лукичёв*¹

ИМПЕРАТОРСКОЕ ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПЕРВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИИ

Первая загадка: кто основал Императорское Вольное экономическое общество? Советские исследователи (В. В. Орешкин, В. П. Черепов) обращают внимание на роль М. В. Ломоносова. В 1763 г. он написал «Мнение об учреждении государственной коллегии (сельского) земского домостроительства». «Идея – вопросы сельского хозяйства вывести из рамок академических рассуждений, заниматься в государственном масшта-

¹*Павел Михайлович Лукичёв*, профессор кафедры менеджмента и экономики Санкт-Петербургского государственного института культуры, д-р экон. наук, профессор.

бе изучением состояния земледелия и домостроительства. В 1765 году – через полгода после смерти Ломоносова возникло ИВЭО» [1, 2].

Дореволюционные историки, прежде всего секретари ВЭО А. И. Ходнев (1865 г.) и Н. Г. Кулябко-Корецкий (1897 г.), практически не упоминают Ломоносова, а указывают на ведущую роль императрицы Екатерины II. Этот подход представляется нам более реалистичным. Императрица принимала живейшее участие в судьбе ИВЭО: она даровала ему герб, предложила награду за первую задачу и всячески помогала. Термин «Вольное» в названии общества говорил о его независимости от каких-либо государственных структур.

Загадка вторая: Общество действовало до своего открытия? Официальная дата его образования 31 или 29 октября 1765 г.? Не претендуя на истину в последней инстанции, отметим, что в Уставе ВЭО с дополнениями, изданном в 1817 г., напечатано, что дата основания общества – 29 октября 1765 г., а не 31 октября, как пишут все [3, с. 24]. 22 мая 1765 г. в Санкт-Петербурге был принят План ВЭО, в котором отмечено: «Каждый Член должен при первом собрании письменно объявить, каким образом он, по силе и возможности своей, Обществу служить надеется. «...» Сии труды должны быть единственно практические; и для того никакие спекулятивные и тому подобные сочинения принимаемы не будут» [4]. А 15 июня 1765 г. был принят Устав Вольного экономического общества.

На заседании общества, состоявшемся 5 октября 1765 г., был выработан, выражаясь современным экономическим языком, *институциональный подход к исследованию народного хозяйства России*. «Общество поняло также, что все его рассуждения будут скучны и мало полезны, если в основание их не будет положено тщательное изучение русского земледелия и условий русской жизни. Оно создало, что прежде, чем советовать тот или иной способ, такое или иное нововведение, нужно узнать существующие недостатки и приемы хозяйства, и внимательно обдумать местные природные и экономические причины существующих у земледельцев убеждений и обычаев, чтобы советы были прямо с пользою приложимы к делу, а не противоречили опытам местного земледелия» [5].

Императорское ВЭО использовало различные формы деятельности: заслушивание докладов с последующим обсуждением, проведение открытых конкурсов на лучшее сочинение на заданную тему с вручением наград, рассылка анкет для проведения первых социологических опросов в масштабе Российской империи, переписка и обмен материалами с зарубежными и российскими специалистами и т. д.

Наиболее известен первый конкурсный вопрос, на два года приковавший к ВЭО внимание всей мыслящей Европы. Вопрос от «неизвестной особы» с инициалами И. Е. (Императрица Екатерина): «Может ли процветать земледелие там, где земледelec не имеет собственности и где то, чем он владеет, без всякого законного повода может быть у него всегда отнято»?

Императорское ВЭО было первым в России научным обществом и первой организацией гражданского общества. Поэтому в своей деятельности оно стало первопроходцем, проторившим тропу, по которой пошли все научные общества страны. Во главе общества стоял выборный президент. Первоначально срок его полномочий составлял четыре месяца, потом он был увеличен из-за необходимости систематического руководства работой ИВЭО. Права и привилегии ВЭО подтверждались особыми Высочайшими рескриптами, царствующие особы одобряли деятельность общества в начале своего царствования (все, за исключением Павла Первого).

В качестве примера приведем Высочайший рескрипт Государя Императора Николая Александровича: «Господа Члены Императорского Вольного Экономического Общества. Обращая внимание на полезную деятельность старейшего в России Экономического Общества, которое в течение более чем столетнего своего существования всегда удостоивалось одобрения Августейших Моих предков, объявляю вам Мое благоволение за прежние труды ваши. Подтверждая все права и преимущества, Всемилостивейше дарованные Императорскому Вольному Экономическому Обществу, Я остаюсь уверенным, что оно будет с усиленным рвением стремиться к выполнению, сообразно требованиям времени, задач, предуказанных Великою его Основательницей, Императрицей Екатериной II, и оправдает Мое к нему доверие. Пребываю Вам доброжелательный». На подлиннике рукою Его Императорского Величества написано: «С.-Петербург, 21-го ноября 1894 г. НИКОЛАЙ» [6].

Основным принципом деятельности ИВЭО была его открытость. Доступ в члены общества был чрезвычайно прост. Устав, по сути, создавал условия для превращения ИВЭО в демократическую организацию, общество не было закрытым клубом для избранных. Проявлением открытости деятельности ВЭО является постоянная публикация его конкурсных задач, результатов конкурсов с «росписью» полученных ответов и объявлений о предстоящем собрании. Они публиковались в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Так как эти сообщения выходили за рамки газеты, их называли тогда «прибавлениями». Первое «прибавление» было напечатано в 1766 г. в виде задачи, предложенной Екатериной II.

С 1845 г. были введены должности вице-президента, казначея и секретаря общества для ведения дел. С 1859 г. деятельностью ИВЭО руководил Совет Общества. Финансирование ИВЭО осуществлялось за счет членских взносов и помощи спонсоров. На первом этапе Екатерина II и Александр I оказывали обществу существенную поддержку. На втором этапе ситуация кардинально изменилась.

ВЭО не могло бы действовать эффективно, если бы не было самодеятельной организацией. Самодеятельность понимается нами как активность людей без какого-либо давления извне – экономического или административного. Это очень важно для формирования реального гражданского общества в современной России: люди должны быть внутренне свободными, не зависеть от давления извне, быть самостоятельными и самодеятельными. ИВЭО послужило образцом для создания в России других общественных и научных организаций. Среди последних отметим Вольное Российское Собрание (при Московском университете, 1771 г.), Дружеское ученое собрание (Н. И. Новиков, 1782 г.), первое студенческое научное общество – Собрание университетских питомцев (1781–1784 гг.), Общество друзей словесных наук (1784 г.). После Французской революции (1789 г.) все они были ликвидированы, за исключением ИВЭО.

Принципы организации ИВЭО и его функционирование стали образцом для всех российских научных и сельскохозяйственных организаций. В 1796 г. было создано императорское Лифляндское экономическое общество, в 1819 г. – Московское общество сельского хозяйства, в 1828 г. – Общество сельского хозяйства Южной России. Всего к середине XIX в. действовало свыше 50 региональных сельскохозяйственных и экономических обществ.

Императорское ВЭО (1765–1919 гг.) прошло сложную эволюцию: изменения происходили в соответствии с переменами в экономической и общественной жизни России и фиксировались в Уставе. Поэтому, на наш взгляд, ошибочно говорить о едином ИВЭО на протяжении всего его существования, правильнее разделить этот период

на три этапа, каждый из которых характеризовался своими особенностями: царский этап (1765–1815 гг.); дворянский (1816–1865 гг.); гражданский (1865–1919 гг.).

При выделении этапов мы руководствовались несколькими критериями. Первый критерий – все *меньшая элитарность* ВЭО. На мой взгляд, идея Екатерины II о создании круга единомышленников, которые будут продвигать в обществе реформаторские идеи, была реализована на третьем этапе. Второй критерий – все *большая финансовая независимость* общества от правящей власти. Близость к царствующим особам, которые приветствовали существование ИВЭО, не исключала его постепенного дистанцирования от власти. При Николае II это привело к гонениям на ВЭО, отмене части его прав и неоднократным закрытиям ВЭО в XX в. Третий критерий – все *большая демократичность* и принадлежность основного числа членов ИВЭО к тому или иному классу общества. На первом этапе это высшие сановники и академики, на втором – дворяне, на третьем – представители широких слоев российского общества.

На царском этапе Екатерина II принимает живейшее участие и в создании общества, и в постановке задач его деятельности. Как отмечал историограф общества Ходнев: «Государыня смотрела на Вольное экономическое общество как на учреждение, которое разработкою вопросов сельскохозяйственных и экономических должно было готовить все сословия государства к новым правительственным распоряжениям и преобразованиям» [5].

Особенность дворянского этапа – финансовая независимость общества: с 1816 г. премии за конкурсные ответы назначались по преимуществу из его капиталов. Главная заслуга графа Н. С. Мордвинова состоит, без сомнения, в увеличении капиталов общества. Руководствуясь мыслью, что «...*без денег, как главной действующей силы, никакие усилия человеческие недостаточны к достижению предложенной цели*», Мордвинов, в продолжение своего семнадцатилетнего президентства (1823–1841) постоянно изыскивал средства к увеличению сумм общества. И хотя некоторые из его проектов были не совсем успешны, когда он сложил с себя звание президента, оказалось, что капиталы общества возросли с 51 тыс. рублей ассигнациями до 230 тыс. рублей серебром и продолжали расти [7]. Эти средства, известные как «мордвиновский капитал», общество активно использовало и в XX в.

В целом, на первом и втором этапах деятельности ИВЭО его членам казалось, что применение лучших методов организации сельскохозяйственного производства может увеличить доходы помещиков и облегчить положение крестьян. На первом этапе вышли в свет Наказы для управляющих поместьями Рычкова и Болотова, на втором – доклады и статьи Шелехова, Мордвинова о необходимости замены трехпольного земледелия плодосменным земледелием – явная аналогия с работами экономистов Древнего Рима. Катон в сочинении «О земледелии», Варрон в трактате «О сельском хозяйстве» писали о том, как улучшить работу латифундий. Но поскольку раб в Древнем Риме, как и крепостной крестьянин в России, не имели никакой мотивации к улучшению труда, эти работы остались лишь в истории экономической мысли, не оказав позитивного влияния на реальное положение дел.

На гражданском этапе общество в лице земств получило надежного соратника в осуществлении своих *начинаний*. Как отмечал Б. Веселовский, общество неизменно стремилось идти рука об руку с земствами и с культурными силами, группировавшимися около земств [8].

Сельское хозяйство России после «Освобождения крестьян» в 1861 г. начинает развиваться на новой основе. Отсюда внимание общества к совершенствованию фак-

торов аграрного производства: внедрение улучшенных земледельческих орудий, создание сельскохозяйственных станций, распространение улучшенных семян, рациональных способов сушки плодов и овощей, участие в сельскохозяйственных выставках.

Велика заслуга ИВЭО в развитии русского почвоведения [9]. В ноябре 1876 г. по предложению А. И. Ходнева и профессора А. В. Советова при первом отделении ИВЭО была сформирована специальная комиссия для разработки программы новых исследований русского чернозема. План исследований без изменений 24 февраля 1877 г. был одобрен первым Отделением, Советом и Общим собранием ИВЭО. Совет общества возложил на члена ИВЭО В. В. Докучаева исполнение первой половины программы: «Поскольку площадь черноземной полосы России занимает 80–90 миллионов десятин, то исследователю вместе с его помощниками пришлось преодолеть за 8 летних месяцев почти около 10 000 верст». В 1878 г. Докучаев публикует свой труд о черноземе, а в 1883 г. представляет полный отчет Императорскому Вольному экономическому обществу. Именно эта классическая работа считается основанием русского почвоведения. В 1888 г. при обществе возникла почвенная комиссия, сыгравшая важную роль в практическом развитии почвоведения в России. В 1901–1904 гг. при ВЭО был создан музей почвоведения.

Выделим междисциплинарный подход, который занял ведущее место в работе ИВЭО на третьем этапе. Вольное экономическое общество понимало, что процветание земледелия в России невозможно на узкоотраслевой основе. Отсюда – создание Комитета грамотности, обсуждение тем докладов, напрямую не связанных с сельскохозяйственным производством, например, «Золотой монометаллизм и его значение для России», «Об организации местных сельскохозяйственных органов», «Возможность и польза учреждения Общества, содействующего сельскохозяйственному труду». Последнее сообщение делал Д. И. Менделеев, который предлагал создать общество, которое должно помогать крестьянскому производству: «1) продажею хозяйственных произведений своих членов и 2) ссудами, как отдельным членам, так и целым общинам, под обеспечение непроданными товарами, круговую порукою и разными ценностями». Члены ИВЭО, решая проблемы общества, использовали опыт из своих сфер деятельности. Ректор Петербургского университета Бекетов был секретарем ВЭО, химик Бутлеров занимался проблемами пчеловодства, путешественник Семенов-Тянь-Шанский был активным членом Комитета грамотности, писатель Лев Толстой участвовал в решении проблем борьбы с голодом в России.

Очень интересна для современного читателя организация обсуждения тем докладов. В первый день выступающий делал доклад и отвечал на вопросы, а на следующий день (или через неделю) выступали его оппоненты, и он снова отстаивал свою точку зрения. Например, 17 января 1898 г. М. И. Туган-Барановский сделал доклад в ИВЭО на тему «Статистические итоги промышленного развития России». Доклад вызвал большой резонанс в научных кругах и у общественности в целом. Прения по нему ИВЭО проводило два дня – 7 и 21 февраля 1898 г. [10]. Такая форма организации позволяла глубже понять тему, высветить все ее трудности и предлагаемые пути решения, а докладчику давала возможность остановиться на некоторых частных вопросах темы в ходе прений.

ИВЭО сформировало в России новую экономическую культуру. В здании общества на Обуховском (ныне Московском) проспекте кипела жизнь. С 1850-х гг. ИВЭО организовывало публичные лекции по разным областям знаний. Лекции были очень популярны, на них съезжался «весь Петербург», людям не хватало места в Большом

белом двухсветном зале, и многие были вынуждены тесниться на хорах. ИВЭО стало центром интеллектуального притяжения горожан. В 1880–1890-е гг. в ВЭО велись оживленные дискуссии на злободневные экономические и социальные темы. Люди видели – здесь можно самостоятельно, на самом высоком интеллектуальном уровне, независимо от государственных структур обсуждать любые злободневные проблемы. Императорское Вольное Экономическое Общество становилось «властителем дум».

В 1890 г. секретарь ИВЭО А. Н. Бекетов с полным правом отмечал: «Не было ни одного вопроса в экономической и хозяйственной жизни страны, в котором бы наше общество не принимало участия, а нередко и не являлось начинателем» [11]. Именно здесь прошли дискуссии между марксистами и народниками, о золотом стандарте и др. Дискуссии, особенно по актуальным экономическим вопросам, вызывали огромный интерес общественности. Писатель В. В. Вересаев отмечал: «Зал заседаний III отделения Вольно-экономического общества, где делались доклады на злободневные экономические темы, ломился от публики... всюду кипели споры, взаимные обвинения и насмешки» [12].

В число членов ИВЭО входил цвет российской науки и литературы: А. Н. Бекетов, Ф. Ф. Беллинсгаузен, А. Т. Болотов, А. М. Бутлеров, И. Ф. Гмелин, Г. Р. Державин, К. Д. Кавелин, И. Ф. Крузенштерн, М. И. Кутузов, И. И. Лепехин, Ф. Литке, Д. И. Менделеев, Н. С. Мордвинов, А. А. Нартов, академик П. С. Паллас, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, В. В. Стасов, Л. Н. Толстой, Л. Эйлер, В. В. Докучаев, В. И. Вернадский, Д. Н. Прянишников, П. Б. Струве, А. С. Посников, Е. В. Тарле.

Вольное экономическое общество – первое (и долгое время – единственное) сообщество экспертов в России. Если для Западной Европы сообщества граждан, свободно обсуждающих проблемы и принимающих решения (независимо от правящей монархии), были традиционными, то для России существование такого института демократии было уникальным. Именно эту особенность его деятельности царская власть считала политически опасной. Передача общества под «наблюдение государственной структуры» означала нарушение статута ВЭО как общества, не подчиненного по уставу ни одному из государственных учреждений.

Императорское ВЭО было во многом первым в России: первая общественная организация, первая дискуссионная площадка для обсуждения общественных проблем вне рамок государственных структур и вне отраслевых границ; ВЭО проведены первые социологические опросы в масштабе всей страны; первая ступень в построении гражданского общества, первое сообщество экспертов.

После Февральской революции 1917 г., после долгих лет ограничений и запретов ВЭО интенсифицировало свою работу. Его президентом стал А. Ф. Керенский. В его деятельности центральное место занимали аграрные проблемы, прежде всего вопрос о земле. На заседании 6 апреля 1917 г. ВЭО постановило образовать при обществе петроградский отдел Лиги аграрных реформ. В задачи лиги входило всестороннее, объективное, научное определение условий проведения предстоящих России земельных реформ в соответствии с интересами трудящихся. Здесь следует отметить работу члена ИВЭО профессора Б. Д. Бруцкуса.

После Октябрьской революции и разгона Учредительного собрания деятельность ВЭО постепенно затухает – не удалось отметить ни 150-летие, ни 200-летие со дня его основания. Очень хорошо, что у ИВЭО появился духовный правопреемник и продолжатель его традиций – Вольное экономическое общество России. ВЭО России сегодня является одним из ведущих институтов гражданского общества, продолжателем

просветительской миссии, популяризатором научно-экономических знаний, центром прикладных экономических исследований. В конце октября 2015 г. в московском Колонном зале и в Доме Плеханова в Санкт-Петербурге были проведены научные конференции, посвященные 250-летию Вольного экономического общества России.

Список литературы

1. *Орешкин, В. В.* Вольное экономическое общество в России (1765–1917) / В. В. Орешкин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 196 с.
2. *Черепов, В. П.* Императорское Вольное Экономическое Общество к поощрению в России земледелия и домостроительства / В. П. Черепов. – Л.: ЛО ВА НПО, 1991.
3. Устав Вольного Экономического Общества с дополнениями. – В Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1817. – 40 с.
4. План и Устав Вольного Экономического Общества к приращению в России Земледелия и Домостроения. – СПб., 1765.
5. *Ходнев, А. И.* История Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 года / сост. по поручению общества секретарем его А. И. Ходневым. – СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1865.
6. К истории Императорского Вольного Экономического Общества (копии документов 1894–1906 гг.). – СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1906.
7. Краткий обзор столетней деятельности Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 года / сост. секретарем его А. И. Ходневым. – СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1865.
8. *Веселовский, Б.* Императорское Вольное экономическое общество в пореформенное время / Б. Веселовский // Русское слово. – 1915. – 31 октября.
9. *Докучаев, В. В.* Русский чернозем: отчет Императорскому Вольному Экономическому Обществу. – СПб.: Изд. Императорского Вольного Экономического Общества, тип. Деклерона и Евдокимова, 1883. – С. II–III.
10. Труды Императорского Вольного Экономического Общества. – 1898. – Т. 1. №1; Т. 2. № 5.
11. *Бекетов, А. Н.* Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Императорского Вольного Экономического Общества с 1865 по 1890 г. / сост. по поручению общества секретарем его А. Н. Бекетовым. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1890.
12. *Вересаев, В.* Литературные портреты / В. Вересаев. – М.: Республика, 2000.

Статья представлена в научно-редакционный совет 02.12.2015 г.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Б. А. Карменов¹, Л. С. Тарасевич²

ОСОБЕННОСТИ БЮДЖЕТНЫХ ПОТОКОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В XXI ВЕКЕ

Республика Казахстан позиционируется на постсоветском пространстве как устойчиво экономически развивающееся и политически стабильное государство, занимающее достойное место в мировом сообществе. Это наглядно подтверждает динамика основных показателей, характеризующих современное состояние казахской экономики (табл. 1).

Приведенные данные (табл. 1) свидетельствуют о стабильном экономическом росте:

- период 2000–2014 гг. ВВП страны увеличился в 14 раз в национальной валюте и в 11,6 раза в долларовом выражении;
- доходы консолидированного бюджета выросли в 12,5 раза;
- индикаторы, характеризующие рост благосостояния также отражают положительную динамику (ВВП на душу населения вырос почти в 10 раз, а уровень безработицы снизился в два раза);
- в период 2000–2013 гг. курс тенге по отношению к доллару был в целом стабилен (с относительно невысокой волатильностью);
- экспорт, как и импорт, вырос в 10 раз и устойчиво превышал импорт почти в два раза;
- прирост прямых инвестиций в экономику составлял до 10 % ВВП.

Успехи национальной экономики обусловлены эффективностью социально-экономической, денежно-кредитной и финансовой политики, основным инструментом которой является бюджет государства, а также рыночных институтов, обеспечивающих движение денежных потоков (в том числе бюджетных).

Ухудшение ряда показателей в 2014 г. (рост инфляции, снижение объемов ВВП, экспорта и импорта в долларовом эквиваленте) связано с девальвацией национальной валюты, проведенной правительством Казахстана. При этом, если среднегодовой обменный курс тенге к доллару снизился на 17,7 %, то объем ВВП в долларовом выражении сократился только на 9,8 %, что свидетельствует о существенном запасе прочности национальной экономики. Кроме того, по оценкам международного рейтингового агентства Фитч (Fitch), реальный рост ВВП Республики Казахстан в 2015 г. составит 2,5 %

¹ *Берик Абдрахманович Карменов*, докторант Санкт-Петербургского государственного экономического университета, канд. экон. наук, доцент.

² *Леонид Степанович Тарасевич*, президент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук, профессор.

(среднегодовой рост ВВП за период 2010–2014 гг. – 6,0 %), что значительно лучше прогнозных значений ВВП других стран постсоветского пространства.

Таблица 1

Основные показатели, характеризующие социально-экономическое развитие Республики Казахстан (2000–2014 гг.)*

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Население, млн чел.	14,9	15,2	16,4	16,7	16,9	17,2	17,4
ВВП, млрд тенге	2 599,9	7 590,6	21 815,5	27 571,9	30 346,9	35 275,2	38 033,1
Изменение к прошлому году, %	9,8	9,7	7,3	7,5	5,0	6,0	4,3
ВВП на душу населения, тыс. тенге	174,7	501,1	1 336,6	1 665,3	1 807,3	2 070,7	2 199,8
Расходы консолидированного бюджета, млрд тенге	576,2	1 946,1	4 457,2	5 423,2	6 268,9	6 852,7	7 791,9
То же доходы, млрд тенге	587,0	2 098,5	4 299,1	5 370,8	5 813,0	6 382,4	7 321,3
Инфляция, %	9,8	7,5	7,8	7,4	6,0	4,8	7,4
Безработица, тыс. чел.	906,4	640,7	496,5	473,0	474,8	470,7	458,6
Среднегодовой обменный курс доллара США	142,1	132,2	147,3	146,6	149,1	152,1	179,1
ВВП, млрд долл.	18,3	57,4	148,1	188,1	203,5	231,9	212,3
ВВП на душу населения, долл.	1 229,0	3 771,3	9 071,0	11 358,0	12 120,5	13 611,5	12 276,5
Экспорт, млрд долл.	8,8	27,8	60,3	84,3	86,4	84,7	78,2
Импорт, млрд долл.	5,0	17,4	31,1	36,9	46,4	48,8	41,2
Валовой прирост прямых инвестиций за период, млрд долл.	2,8	6,6	19,1	26,5	28,9	24,1	Н. д.

*Составлено по данным [9].

В обеспечении стабильного развития национальной экономики важная роль отводится эффективной организации бюджетной системы страны, одной из важнейших составляющих которой является организация движения бюджетных потоков, неразрывно связанная с национальной платежной системой в целом.

Тенденции движения бюджетных потоков Казахстана соответствуют особенностям развития экономики страны и в целом характеризуются ростом объемов и стабильностью (табл. 2). Данные по входящим бюджетным потокам говорят о существенной роли государственного бюджета Казахстана (включающего республиканский и местные бюджеты) в обеспечении социально-экономического развития страны. Так, объемы поступлений в государственный бюджет за рассматриваемый период возросли в 12,5 раза. При этом при постоянном росте налоговых поступлений в бюджет их доля к 2015 г. снизилась по сравнению с 2000 и 2005 гг. Если в 2000 г. доля налоговых поступлений в бюджет составляла 89 %, в 2005 г. – 95,2 %, то в 2010 г. – 68,2 %, в 2013 г. – 75 %, в 2014 г. – 69,9 %. Другой тенденцией, которую следует отметить, является централизация управления бюджетными потоками. Так, при росте доходов государственного бюджета в 12,5 раза доходы республиканского бюджета за указанный период увеличились в 15,5 раза, при этом в 2000 г. доля налоговых поступлений в республиканский бюджет составляла 69,7 %, в 2005 г. – 90,6 %, в 2010 г. – 57,4 %, в 2013 г. – 66,5 %, в 2014 г. – 62,0 %. В абсолютном выражении доля налоговых поступлений за 2005–2014 гг. в госу-

дарственный бюджет увеличилась в 2,6 раза, а в республиканский – в 2,3 раза. В целом, и для государственного, и для республиканского бюджетов характерно (за исключением 2014 г.) сокращение доли доходов в ВВП, что свидетельствует о превалировании рыночных факторов в развитии страны и постепенном снижении роли государства в национальной экономике.

Таблица 2

Структура доходной части бюджета Республики Казахстан*

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Доходы консолидированного бюджета РК, млрд тенге	587,0	2098,5	4299,1	5370,8	5813,0	6382,4	7321,3
Из них налоговые доходы	524,1	1998,3	2934,1	3982,3	4095,4	4779,0	5115,7
В том числе таможенные платежи и налоги	Нет данных	Нет данных	823,3	1440,3	1493,7	Нет данных	Нет данных
Доходы республиканского бюджета, млрд тенге	381,1	1723,9	3626,2	4346,2	4763,4	5272,4	5908,8
Из них налоговые доходы	265,6	1561,9	2083,6	3001,2	2975,6	3510,6	3666,1
В том числе: таможенные платежи и налоги	Нет данных	Нет данных	823,3	1440,3	1493,7	Нет данных	Нет данных
неналоговые доходы	28,6	56,8	71,4	108,9	249,9	100,7	131,7
поступление трансфертов	56,6	96,4	1447,5	1325,4	1520,7	1559,2	2103,3
Всего поступлений в Национальный фонд РК, млрд тенге	--	413,7	2407,7	3488,0	3843,9	3991,6	5366,9
Объемы поступлений в республиканский бюджет, направляемых в Национальный фонд РК, млрд тенге	--	Нет данных	2256,3	3360,2	3460,2	3432,3	Нет данных
Из них поступления за использование природных и других ресурсов	--	Нет данных	1449,3	2166,4	2223,6	2158,9	Нет данных
Доходы консолидированного бюджета, % к ВВП	22,58	27,65	19,71	19,48	19,16	18,09	19,25
То же республиканского, % к ВВП	14,66	22,71	16,62	15,76	15,70	14,95	15,54

*Составлено по данным [8, 9].

Одним из инструментов поддержания финансовой стабильности народного хозяйства, снижения зависимости развития экономики от неблагоприятного воздействия внешней среды (в том числе от конъюнктуры мировых цен на нефть) является Национальный фонд Республики Казахстан, созданный в 2001 г. по норвежскому образцу. Фонд выполняет две основные функции: сберегательную и стабилизационную (трансферты в бюджет). Фонд пополняется за счет доходов от добычи полезных ископаемых (в 2013 г. 54 % средств составили поступления из республиканского бюджета за использование природных и других ресурсов), продажи месторождений, земель сельскохозяйственного назначения.

На современном этапе негативное влияние на экономику Казахстана оказывают:

- снижение мировых цен на энергоресурсы (в первую очередь нефти);

• нестабильность экономической ситуации в Российской Федерации (важном стратегическом партнере страны).

Девальвация российского рубля в конце 2014 – начале 2015 г. вызвала значительное удешевление российских товаров как длительного пользования, так и повседневного спроса, что обусловило снижение конкурентоспособности национального производителя на внутреннем рынке.

Мировой финансовый кризис 2008 г. негативно сказался на промышленном развитии страны: упала доля налоговых поступлений в бюджет, увеличились трансферты (в том числе из Национального фонда Республики Казахстан). К 2013 г. доля налоговых поступлений выросла на 5 % по сравнению с 2010 г., в 2014 г. наблюдалось ее снижение практически до уровня 2010 г. Это обусловлено прежде всего снижением мировых цен на нефть и девальвацией тенге, негативно отразившейся на покупательной способности населения.

Основными налогами, из которых формируются налоговые доходы государственного бюджета Казахстана, являются: корпоративный подоходный налог (25 % налоговых доходов в 2013 г. и 23 % в 2014 г.) и налог на добавленную стоимость (22 % в 2013 г. и 23,5 % в 2014 г.). Согласно данным Министерства финансов Республики Казахстан, в 2013 г. более 79 % НДС, поступившего в государственный бюджет, составил НДС на импортируемые товары, что увеличило его долю в структуре налоговых поступлений в 2014 г.; девальвация тенге привела к росту стоимости импортируемых товаров. В целом, на таможенные платежи и налоги (НДС и акцизы на импортируемые товары, налоги на международную торговлю и внешние операции) в 2013 г. пришлось 36,5 % налоговых поступлений. Таким образом, поскольку значительная доля плательщиков корпоративного подоходного налога являются также плательщиками акцизов и НДС, можно утверждать о значительной зависимости объемов входящих бюджетных потоков от внешнеэкономической деятельности компаний, работающих на рынке Казахстана.

В обеспечении стабильности экономики Казахстана важная роль отводится расходам госбюджета. Данные табл. 3 свидетельствуют о росте исходящих государственных бюджетных потоков в 13,5 раза за 2000–2014 гг. и в 4 раза за 2005–2014 гг., а расходов республиканского бюджета – в 17,6 и 4,2 раза соответственно.

Таблица 3

Структура расходной части бюджета Республики Казахстан [8, 9]

Показатель	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Расходы консолидированного бюджета РК, млрд тенге	576,2	1946,1	4457,2	5423,2	6268,9	6852,7	7791,9
То же республиканского, млрд тенге:	366,8	1537,6	3860,9	4605,1	5259,4	5700,8	6471,2
государство, оборона, правопорядок	163,5	279,6	682,7	840,8	1031,7	1182,6	1282,3
социальное обеспечение	150,9	314,7	835,5	1044,4	1144,2	1261,0	1441,7
трансферты	40,7	500,0	645,3	789,9	880,6	865,8	978,1
Расходы консолидированного бюджета, % к ВВП	22,16	25,64	20,43	19,67	20,66	19,43	20,49
То же республиканского, % к ВВП	14,11	20,26	17,70	16,70	17,33	16,16	17,01
Дефицит консолидированного бюджета, млрд тенге	+2,4	+46,6	527,3	568,6	890,3	700,9	1086,7
То же республиканского, млрд тенге	-9,3	+50,7	554,7	575,9	906,5	718,0	1081,2

Наибольшие расходы государственного бюджета связаны с направлениями социальная помощь и социальное обеспечение (19,9 % от общего объема расходов в 2014 г.) и обеспечение государственности (затраты на государственные услуги общего характера, на оборону, на поддержание общественного порядка, безопасности, правовой, судебной, уголовно-исполнительной деятельности) республики (19,5 % в 2014 г.).

Наибольшая доля расходов республиканского бюджета также приходится на социальную помощь и социальное обеспечение: 20,5 % в 2005 г., 22,1 % в 2013 г., 22,3 % в 2014 г. Таким образом, государство расширяет объемы социальной поддержки населения, в том числе за счет разработки социальных программ, направленных на улучшение качества жизни населения. Вторым направлением по объемам расходов является обеспечение государственности и правопорядка: 18,2 % в 2005 г., 17,7 % в 2010 г., 20,7 % в 2013 г., 19,8 % в 2014 г.

Дефицит бюджета за 2010–2014 гг. увеличился в два раза: в 2010 г. он составлял 12 % расходной части бюджета, в 2014 г. – 14 %. В целом, за анализируемый период для Казахстана было характерно превышение дефицита республиканского бюджета над дефицитом консолидированного бюджета, что обусловлено централизацией основных расходных обязательств государства.

Таким образом, финансовая стабильность Республики Казахстан обусловлена:

- устойчивым ростом ВВП, экспортных поступлений, прямых инвестиций, доходов и расходов государственного и республиканского бюджетов;
- наличием Национального фонда Республики Казахстан, обеспечивающего стабильность бюджетной системы страны;
- успешно функционирующей национальной платежной системой, составной частью которой является казначейская система исполнения бюджета, что позволяет эффективно управлять денежными (в том числе бюджетными) потоками в целях сохранения положительной динамики социально-экономического развития страны.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Республики Казахстан.
2. Закон Республики Казахстан «О республиканском бюджете на 2012–2014 гг.» (с изм. и доп.).
3. Закон Республики Казахстан «О республиканском бюджете на 2015 – 2017 гг.» (с изм. и доп.).
4. *Ивантер, А.* Тенге устоял. А экономика? / А. Ивантер // ExpertOnline. – 2015. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2015/24/tenge-ustoyal-a-ekonomika/>
5. *Мирзаян, Г.* Что даст девальвация Казахстану? / Г. Мирзаян // ExpertOnline. – 2015. – Режим доступа: <http://expert.ru/2015/04/28/chto-dast-devalvatsiya-kazahstanu/>
6. *Своик, П.* Как формируется и распределяется бюджет Казахстана / П. Своик // Forbes. – 2014. – http://forbes.kz/finances/finance/kak_formiruetsya_i_raspredelyaetsya_byudjet_kazahstana
7. Стабильный Казахстан: редакционная статья // ExpertOnline. – 2015. – Режим доступа: <http://expert.ru/2015/04/9/stabilnyij-kazahstan/>
8. <http://www.minfin.gov.kz> – Официальный интернет-ресурс Министерства финансов Республики Казахстан.
9. <http://stat.gov.kz> – Официальный сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Статья представлена в научно-редакционный совет 20.10.2015 г.

Е. А. Ткаченко¹, С. В. Кочетков²

МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ³

На современном этапе качественные изменения в структуре экономики считаются в большинстве стран важнейшей частью экономической политики. Структурные диспропорции, ограничивающие возможности экономического роста, являются серьезной проблемой экономики России, Великобритании, Австралии, Японии, Китая, Бразилии, стран Восточной Европы, Германии, Франции, Италии и многих других государств. Главная задача структурной трансформации экономики – обеспечить в условиях ресурсной ограниченности максимально эффективное производство, не прибегая к административным мерам. Очевидно, что повышение эффективности невозможно без инновационного развития, применения прогрессивных технологий и роста производительности труда. Основные представления о механизмах структурной трансформации связаны с мерами экономического регулирования, стимулирующими переток капитала и трудовых ресурсов из менее эффективных отраслей в отрасли приоритетного развития. Наше исследование, охватывающее период структурных реформ (с 1992 г. по настоящее время), включает идентификацию этих механизмов и обоснование ключевых точек их воздействия.

1. Сущность и цели структурной трансформации экономики

Ключевым вопросом структурной трансформации является оптимальная или целесообразная структура экономики. Начнем с определения понятия «экономическая структура» или «структура экономики». Вопросы наилучшей структуры экономики являются предметом научной дискуссии со времен появления работ А. Смита (1776). Под структурой экономики в общем виде «принято понимать целостную систему пропорций или соотношений: на уровне всего народного хозяйства – это макроэкономические пропорции, которые отражены в соотношении частей общественного продукта, национального дохода, групп отраслей и крупных народнохозяйственных комплексов. На межотраслевом уровне обычно различают соотношения между различными отраслями или группами отраслей» [22, с. 102]. Сущность макроэкономической структуры исследовал М. Аоки [1–3], в работах которого содержится критика традиционного подхода к моделированию макроэкономических пропорций, что открывает пространство для научной дискуссии. Концепция М. Аоки нашла развитие в трудах С. Соломона и Н. Голо [12]: они обосновывают зависимость макроэкономической динамики от структуры экономики. Похожие идеи сформулированы в работах К. Хаффе (Klaus Jaffe) [9], Дж. Доси (Giovanni Dosi) [7], Я. Довера (Yaniv Dover) [8], Г. Манкива (Gregory

¹Елена Анатольевна Ткаченко, профессор кафедры экономики и управления предприятиями, Санкт-Петербургского государственного экономического университета, главный научный сотрудник ИНИР, д-р экон. наук.

²Сергей Вячеславович Кочетков, профессор кафедры международного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д-р экон. наук.

³ГРНТИ 06.52.35 © С. В. Кочетков, Е. А. Ткаченко, 2015.

Mankiw) [11]. Суть данного подхода заключается в мультиагентном характере формирования параметров экономического роста. Соответственно, влияние на структурные пропорции возможно путем воздействия на интересы агентов мезоуровня – региональные и отраслевые образования (кластеры, сети), корпорации и т. п.

Рис. 1. Структура ВДС (2013 г.) (источник: European Central Bank, электронный ресурс, код доступа: https://www.ecb.europa.eu/mopo/eaec/html/index.en.html#ftn2_2_1 Федеральная служба государственной статистики, официальный сайт, код доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#)

Основной целью структурной трансформации в рамках данного подхода является обеспечение устойчивого экономического роста на основе максимального использования инновационного потенциала. Существенная роль в обеспечении структурных изменений отводится финансовому рынку и рынку труда. Так, в работе [14] указано, что «...реформы являются основой повышения эффективности экономик стран ЕС» и только «...высоквалифицированные кадры будут востребованы в будущей экономике», а основным инструментом реформ является монетарная политика еврозоны.

В то же время ответа на вопрос, что представляет собой идеальное соотношение структурообразующих отраслей, нет. На рис. 1 представлена укрупненная структура валовой добавленной стоимости (ВДС) различных стран. В структуре ВДС США, Японии, стран еврозоны и России преобладает доля совокупных услуг (включая социальные). В экономике США она достигает почти 80 %, Японии – 75 %, РФ – 60 %. В Китае доля этого сектора не превышает 46 %.

Принято считать, что в так называемой постиндустриальной экономике именно сектор услуг является основным генератором экономического роста. Однако, согласно рис. 2, максимальные темпы роста показывает экономика со структурой, весьма далекой от постиндустриального типа. Основными драйверами экономического роста в Китае являлись ускоренная инновационная индустриализация, сокращение доли сельскохозяйственного сектора и рост производительности труда. Страны с максимальной долей сектора услуг имели самые низкие темпы роста ВВП. Темпы роста экономики РФ были выше, чем в остальных странах рассматриваемой группы. Это отличает и экономику Австралии, для которой, как и для России, характерны сырьевая составляющая и высокая потребность в диверсификации экономики.

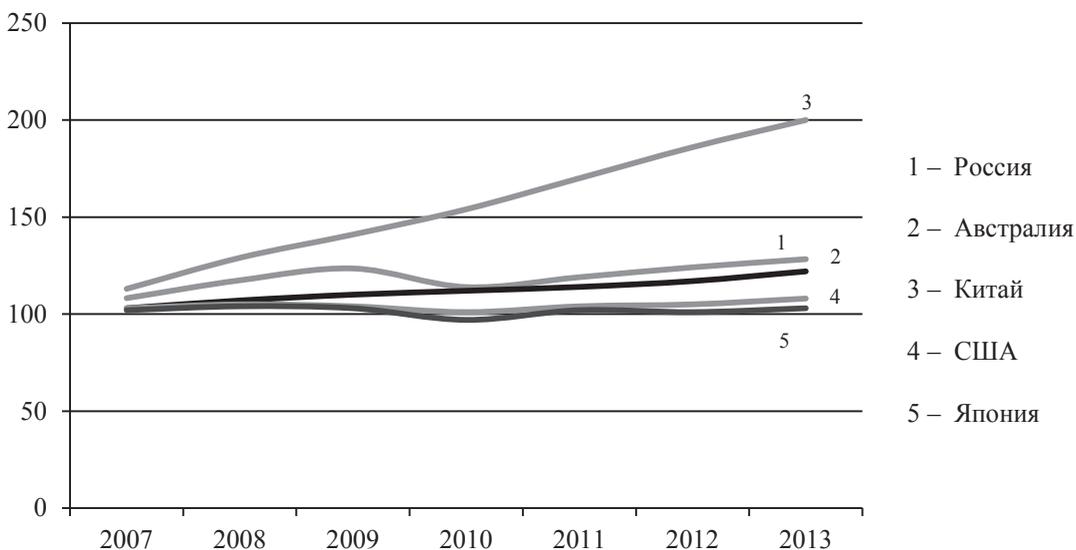

Рис. 2. Темпы экономического роста в период 2007–2013 гг. (2005 г. = 100 %) (источник: Федеральная служба государственной статистики, официальный сайт, код доступа http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d04/27-23.htm)

Проведенный анализ позволяет выдвинуть гипотезу о том, что именно структурные трансформации, а не структура экономики как таковая являются источником экономического роста.

2. Подходы к проведению структурных трансформаций

Прогрессивной можно назвать такую структуру экономики, при которой обеспечивается максимальное удовлетворение текущих и перспективных потребностей общества в целом на основе инновационного развития реального производства и сферы услуг и повышения их эффективности.

Ключевым критерием эффективности, наряду с показателями ВВП на душу населения, выступает производительность труда (рис. 3). Очевидно, что для РФ повышение производительности труда – это элемент обеспечения экономической безопасности государства на стратегическую перспективу.

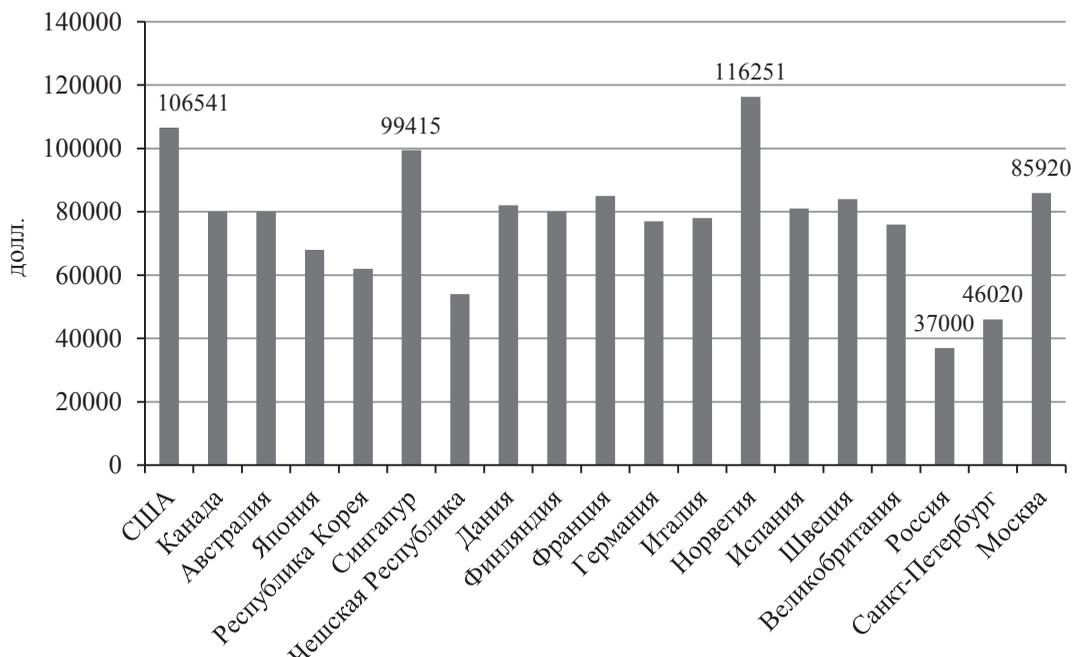

Рис. 3. Производительность труда в разных странах, Москве и Санкт-Петербурге в 2011 г. (источник: BLS (<http://www.bls.gov/fls/#tables>), Федеральная служба государственной статистики, расчеты автора) (в ценах 2011 г. по паритету покупательной способности на 2011 г.)

Как показывают расчеты, производительность труда по РФ в целом в 2,5 раза ниже, чем в США. В то же время в Москве уровень производительности труда составляет 90 % от уровня США и в целом соответствует европейскому уровню. Таким образом, темпы трансформации структуры экономики в Москве достаточно высоки: старые производства утрачивают конкурентоспособность и модернизируются (или закрываются), новые производства создаются на инновационной основе, что позволяет

повысить долю квалифицированного высокопроизводительного труда в сфере производства и в секторе услуг. Производительность труда по РФ в целом крайне неравномерна, что в долгосрочной перспективе может стать существенным ограничением развития экономики. При существующих тенденциях в развитии трудовых ресурсов только опережающий рост производительности труда позволит избежать острой нехватки кадров.

Диверсификация структуры российской экономики путем инновационного развития отраслей, обладающих максимальным научно-техническим заделом; снижение доли отраслей топливно-энергетического комплекса в структуре ВДС не за счет сокращения ВДС от этих отраслей, а благодаря опережающему развитию неиндустриального сектора экономики приведут к ускорению экономического роста. Очевидно, что в этих условиях основой интенсификации производства является использование инновационного потенциала.

Аналогичные проблемы стоят сегодня перед Китаем, Австралией, странами Европы [4, 6, 15]. Схожесть проблем диктует некоторую общность путей их решения. Реформирование структуры экономики, перевод ее на путь инновационного развития и, как следствие, переход к новому качеству экономического роста на неоиндустриальной основе обеспечиваются за счет формирования, реализации и наращивания инновационного потенциала (см. таблицу).

Методологический подход к реализации процесса структурной трансформации экономики в соответствии с моделью инновационного развития

Инновационный потенциал (ИП)					
Человеческий капитал (ЧК)		Производственный потенциал (ПП)		Инвестиционный потенциал (ИнвП)	
Объем исследований и разработок		Объем производства инновационной продукции		Инвестиции в основной капитал, в интеллектуальный капитал, в технологические и продуктовые инновации	
Кадровые возможности (КВ)	Кадровый резерв (КР)	Производственные возможности (ПВ)	Производственный резерв (ПР)	Инвестиционные возможности (ИнвВ)	Инвестиционный резерв (ИнвР)
Объем НИР, результаты которых будут использованы на стадии ОКР	Объем НИР, результаты которых остались на уровне научных исследований	Объем производства инновационной продукции	Объем опытных образцов	Доля инвестиций в основной капитал, инвестиции в НИОКР	Объем неиспользованных инвестиционных ресурсов

Приведенные в таблице показатели, характеризующие темпы и потенциал инновационного развития экономики, позволяют выработать рекомендации, которые могут способствовать проведению структурных реформ.

3. Стимулирование структурной трансформации экономики

Структурная трансформация, ориентированная на неоиндустриальное развитие, должна основываться на соответствующей программе (рис. 4).

Рис. 4. Программа инновационного развития экономики

Таким образом, формирование новой экономической структуры требует серьезно перераспределения кадровых, производственных и инвестиционных ресурсов в целях инновационного развития экономики нашей страны. По сути, речь идет об инновационной реиндустриализации, проблемы которой исследуются С. Д. Бодруновым [17].

Инновационное производство имеет сложную отраслевую структуру. Открытие новых материалов, источников энергии, разработка новых технологий – все это ведет к углублению разделения труда и дальнейшей дифференциации отраслей экономики. В этих условиях для повышения обоснованности плановых решений требуются более полное исследование межотраслевых связей, четкое взаимодействие отраслей в производственном процессе и усиление направленности их деятельности на конечные результаты.

Прежде всего следует разработать планы межотраслевых комплексов, функционирующих в народном хозяйстве. Объективной основой интеграции отраслей в инновационное производство является кооперация по линии их связей в фазе «исследование – производство – практическая реализация» в экономической структуре.

Формирование инновационного производства и анализ тенденций его развития создаст предпосылки для эффективной координации межотраслевых связей в процессе планирования и реализации плановых мероприятий.

При всем различии взглядов на организацию инновационного производства все работы направлены на поиск наиболее эффективных условий для решения народнохозяйственных задач, обеспечивающих скоординированное развитие отраслей относительно целей и задач плана. Как известно, с ростом масштабов инновационного производства усложняется структура плановых целей и задач, поэтому вопросы создания инновационного производства нельзя рассматривать изолированно от общих направлений совершенствования системы планирования и управления экономикой.

Изложенное позволяет сформулировать принципы создания инновационного производства:

- принадлежность отрасли к инновационному производству определяется ее вкладом в решение межотраслевых задач;
- все межотраслевые задачи, возникающие на основе фазы «исследование – производство – практическая реализация», оказывают равное влияние на интеграцию отраслей в инновационное производство;
- включение отрасли в состав инновационного производства зависит от ее влияния на возможности решения межотраслевых задач совместно с определенной группой отраслей, а также на решение всех других межотраслевых задач;
- при анализе задач, возникающих на основе связей в указанной выше фазе, следует учитывать не только сложившиеся связи, но и возникновение новых;
- не все отрасли должны входить в состав инновационного производства;
- отрасль может входить в состав только одного инновационного производства.

Для создания инновационного производства предлагается использовать следующую схему [21, с. 20]:

- 1 – формируются исходные данные – множество отраслей и видов связей между ними;
- 2 – определяются множества групп отраслей, координация планов которых по каждому виду связей представляется существенной;
- 3 – каждой отрасли ставится в соответствие вектор задач координации в зависимости от того, влияет решение задачи на план отрасли или нет;
- 4 – на множество векторов вводится коэффициент взаимосвязи отраслей в решении совокупности выделенных задач;
- 5 – решается задача классификации исходного множества отраслей;
- 6 – проводится анализ полученных результатов.

Основная идея предлагаемого подхода к построению экономической структуры состоит в следующем. Допустим, что из заданной системы отраслей удалось выделить такие непересекающиеся группы, каждая из которых может стать основой инновационного производства. Очевидно, что их совокупность может не охватывать всю систему отраслей, при этом останутся отрасли, о которых трудно сказать, в состав какого инновационного производства они войдут. В инновационное производство могут входить несколько таких отраслей, и для каждой из них рассматриваются альтернативы включения и невключения в состав инновационного производства.

В связи с этим из совокупности факторов, влияющих на структуризацию и поддающихся количественной оценке, целесообразно выделить тесноту производственных связей, определяемых величиной потоков продукции между отраслями. Очевидно, что,

чем больше продукции отрасли будет использовано в рамках фазы «исследование – производство – практическая реализация» (инновационной фазы) и чем меньше этой продукции пойдет за пределы инновационного производства, тем более обособленным и самостоятельным будет производство. Следовательно, матрица потоков продукции дает возможность количественно оценить варианты экономической структуры (см. таблицу).

Рассмотренные вопросы формирования структуры экономики не исчерпывают всей сложности и многообразия аспектов проблемы создания инновационного производства. Вместе с тем разработанный подход приводит к важному заключению: переход к инновационному типу развития – закономерность экономического прогресса в современных условиях, реализация которого должна быть обеспечена четко реализуемой долгосрочной экономической политикой. Структурная трансформация позволит сформировать инновационно-ориентированную модель экономического роста, обеспечивающую высокий потенциал развития в стратегической перспективе.

Список литературы

1. *Aoki, M.* Non-self-averaging in macroeconomic models: a criticism of modern micro-founded macroeconomics / M. Aoki, H. Yoshikawa // *Journal of Economic Interaction and Coordination.* – 2012. – 7:1-22.
2. *Aoki, M.* Demand creation and economic growth / M. Aoki, H. Yoshikawa. – U. of Tokio, Ctr, 1999.
3. *Aoki, M.* New frameworks for macroeconomic modelling: some illustrative examples / M. Aoki // *UCLA Economics Online Papers.* – 2004.
4. Banks, Gary Structural reform Australian-style: lessons for others? – OECD, Economic Survey of Australia, 2004.
5. *Cantono, S.* When the collective acts on its components: economic crisis autocatalytic percolation / S. Cantono, S. Sorin // *New Journal of Physics* 12. – 2010. – № 7.
6. *Chen Linga, Xie Bihuib, Fang Ruoxib* Industrial Innovation for Structural Optimization of Industry: Case of Fujian Province Energy *Procedia* 5. – 2011. – P. 638–642.
7. *Dosi, G.* Economic Coordination and Dynamics: Some Elements of an Alternative 'Evolutionary' Paradigm / G. Dosi; Institute for New Economic Thinking (downloaded from <http://ineteconomics.org/blog/inet/giovanni-dosi-response-john-kay-elementsevolutionary-paradigm> on 3 February 2012) (2011).
8. *Dover, Y.* Do all economies grow equally fast? / Y. Dover, S. Moulet, S. Solomon, G. Yaari // *Risk and Decision Analysis* 1. – 2009. – №3. – P. 171–185.
9. *Klaus Jaffe, Ph. Aghion, W. Peter. Howitt,* The Economics of Growth The MIT Press, 1997.
10. *Masanao.* The nature of equilibrium in macroeconomics: a critique of equilibrium search theory / Masanao, H. Yoshikawa // *Economics: The Open-Access, OpenAssessment E-Journal* 3, 2009.
11. *Mankiw, Gr. N.* Principles of Economics / Gr. N. Mankiw. – 4th Edition. South-Western College Pub. 2006.
12. *Sorin, S.* Nataša Golar Xiv:1401.7496v1 [q-fin.GN]. – 2014. – 29 Jan.
13. *Solow, R. M.* A contribution to the theory of economic growth / R. M. Solow // *The quarterly journal of economics* 70. – 1956. – №1. – P. 65–94.
14. Structural reforms and macro-economic policy European Trade Union Confederatio/ with the support of the European Commission? 2006.

15. Zilja Blerta Fiscal Impact Assessment of Structural Reforms. – Case Studies on South East Europe. – First Ed.
16. *Анчишкин, А. И.* Наука – техника – экономика / А. И. Анчишкин. – 2-е изд. – М.: Экономика, 1989. – 383 с.
17. *Бодрунов, С. Д.* Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России.* – 2013. – №1(35). – С. 4–12.
18. Инвестиционные проблемы народнохозяйственных комплексов. – М.: Экономика, 1975.
19. *Лемешев, М. Я.* Комплексные программы в планировании народного хозяйства / М. Я. Лемешев, А. И. Панченко. – М.: Экономика, 1974.
20. *Масаков, В. М.* Об одном подходе к управлению межотраслевыми связями в народном хозяйстве / В. М. Масаков // *Проблемы оптимизации экономических решений.* – Новосибирск, 1971.
21. Межотраслевые комплексы в системе моделей / под ред. акад. Н. П. Федоренко и д-ра экон. наук Э. Ф. Баранова. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
22. Советская экономика: новое качество роста: учеб. пособие для системы полит. учебы / под ред. Л. И. Абалкина. – М.: Политиздат, 1988. – 350 с.

Статья представлена в научно-редакционный совет 19.10.2015 г.

*Г. Ф. Биглова*¹

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ В ЭКОНОМИКЕ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ²

Экономика России столкнулась с проблемами и вызовами, для преодоления которых нет готовых алгоритмов и очевидных ресурсов. Отчетливо проявилась многоуровневость факторов экономического кризиса. На поверхности лежат известные санкции, однако трудности российской экономики связаны не только с ними. Глубже в экономической системе расположены структурные деформации, преодоление которых требует создания новой индустриальной базы. Но важнее всего системный взгляд на решение фундаментальных проблем социально-экономического развития. Это направление активно развивается отечественными экономистами в последние годы. В этой связи С. Д. Бодрунов пишет: «Это вопрос формирования новой российской экономической системы, способной обеспечивать внутренние импульсы к технологической модернизации и промышленному росту» [1, 11]. Поддерживая системный подход, мы исходим из того, что важнейшим элементом системной модернизации экономики России являются инновации, которые позволят создать перспективную промышленно-технологическую базу.

Курс на активизацию создания и внедрения инноваций определен уже давно. В 2008 г. Президентом России Дмитрием Медведевым была сформулирована концепция «четырёх И»: институты, инвестиции, инфраструктура, инновации. Данные положения должны были послужить основным целевым ориентиром в концепции развития экономики России до 2020 г. Одним из ключевых условий высокой экономической эффективности производства в развитых экономиках и высокой инновационности является преобладание частного сектора в общей структуре собственности. В России в 1995 г. частная форма собственности в общем числе предприятий и организаций составляла 62,5 %, а на конец 2013 г. – 85,9 % [7]. Преобладание частной формы собственности в структуре численности предприятий по федеральным округам видно из рис. 1. С одной стороны, по своему содержанию частная собственность как никакая другая является высокопроизводительной, в том числе в части создания и использования новаций как базового фактора экономического развития. С другой стороны, результаты реализации инновационного процесса в России свидетельствуют о незначительных успехах в этой сфере как региональных экономик, так и национальной.

В условиях современных кризисных явлений в экономике России необходимо подведение итогов не только результатов объективных структурных изменений, но и качества применяемых методов и подходов по повышению конкурентоспособности экономики страны, в том числе для обеспечения национальной безопасности. Сроки

¹ *Гузель Фатиховна Биглова*, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского национального центра РАН, д-р экон. наук, e-mail: biglou@list.ru

² Статья выполнена в рамках фундаментальных исследований по НИР «Стратегическое управление ключевыми потенциалами развития разноразмерных социально-экономических систем с позиций обеспечения национальной безопасности». Р. № 01201456661.

проводимых реформ, применения и апробирования методов, подходов к модернизации экономики позволяют считать выводы достаточно верифицированными. И все же для осмысления проблемы низкой инновационности отечественной экономики необходимо «..выполнить анализ прямых и обратных связей экономической системы на следующих уровнях: технологические уклады, социально-экономические отношения и экономико-правовые институты, цивилизационные и социокультурные инварианты и тренды» [2].

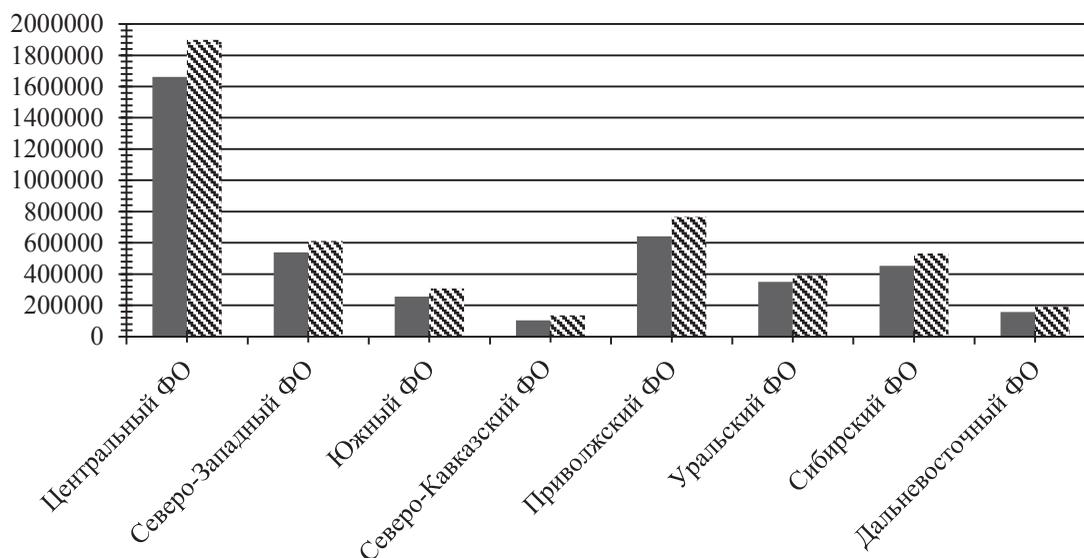

Рис. 1. Соотношение числа предприятий частной формы собственности (■) и их общего числа (▨) по федеральным округам (ФО) в 2013 г.

Результативность инновационного процесса в экономике

В рамках данной статьи базовым фактором экономического развития определены инновации и проблема их внедрения, которая, по сути, вобрала в себя и вопросы остальных трех И: институты как среда, инвестиции как финансовый потенциал, инфраструктура как необходимый элемент системы внедрения инноваций. В совокупности эти компоненты создают предпосылки для формирования и функционирования инновационного процесса, под которым подразумевается реализация нескольких последовательных звеньев:

- создание (от идеи до продукта как объекта собственности);
- внедрение (прохождение всей технологической цепочки);
- пользование (с наблюдаемым экономическим результатом);
- актуализация (обновление, замена на более современную).

При этом в рамках производственного процесса необязательно систематическое возобновление инновационного, поскольку выбранная эффективная технологическая база позволяет длительное время получать прибыль без повышения отдачи от каждой единицы задействованного ресурса. Воспроизводство расширенного типа базируется

на непрерывном инновационном процессе. Последнее представляется наиболее интересным для анализа с точки зрения как результата предыдущих методов государственного воздействия, так и предпосылок для дальнейшего воспроизводства.

Как видно из рис. 2, после 2007 г. число инновационно активных предприятий несколько снизилось, незначительный рост (с 9,4 до 10,4) наблюдался с 2011 г.

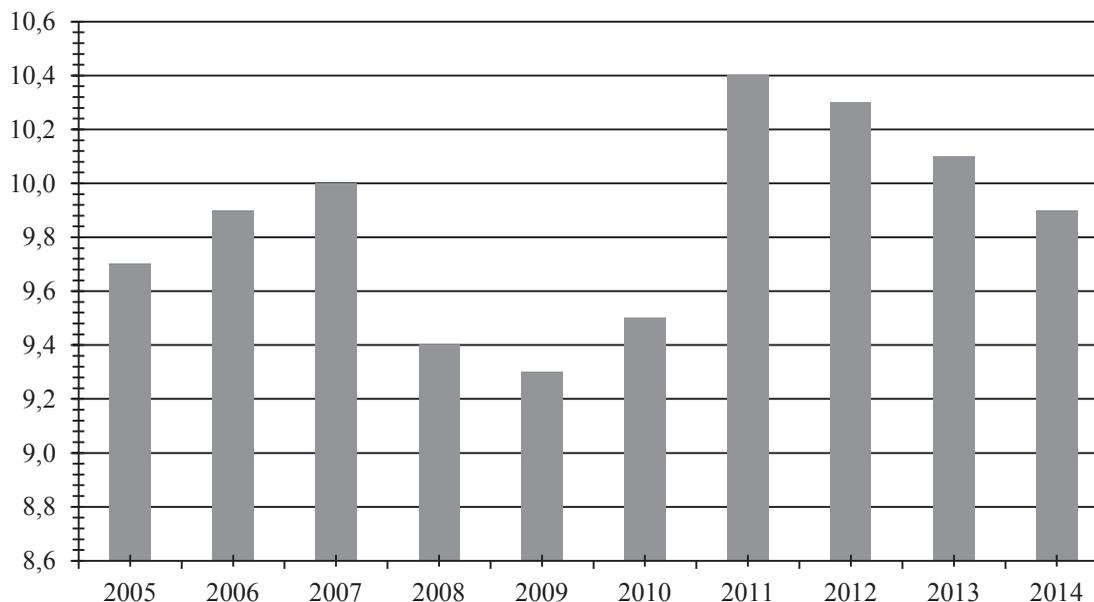

Рис. 2. Инновационная активность организаций³

Между тем, на 2013 г., к примеру, в Израиле этот показатель составил 75,2; в ЮАР – 73,9; в Германии – 66,9; в Швеции – 55,9; в Японии и Турции – по 48,5 и др. [4]. Наблюдаемая динамика удельного веса инновационных предприятий в России носит скачкообразный характер, что свидетельствует не только о незначительных темпах, но и о неустойчивости тренда. Еще менее однородная и устойчивая картина наблюдается по федеральным округам (рис. 3): в Южном, Северо-Кавказском и Уральском округах динамика отрицательная; наиболее высокий рост наблюдался в Сибирском и Дальневосточном округах, которые в 2005 г. существенно отставали от остальных. Подобную динамику нельзя назвать признаком устойчивого развития, она характерна для экономик переходного типа, когда институциональные условия только формируются; хозяйствующие субъекты не имеют четкой позиции и ориентиров в экономическом развитии; велико влияние разного рода рисков, от которых невозможно застраховаться.

Внедрение инноваций, как известно, способствует повышению производительности труда. Для выявления тесноты этой связи с помощью корреляционного анализа

³ Для построения рис. 2, 3 использованы материалы Росстата: Наука, инновации, информационное общество http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# 2014.

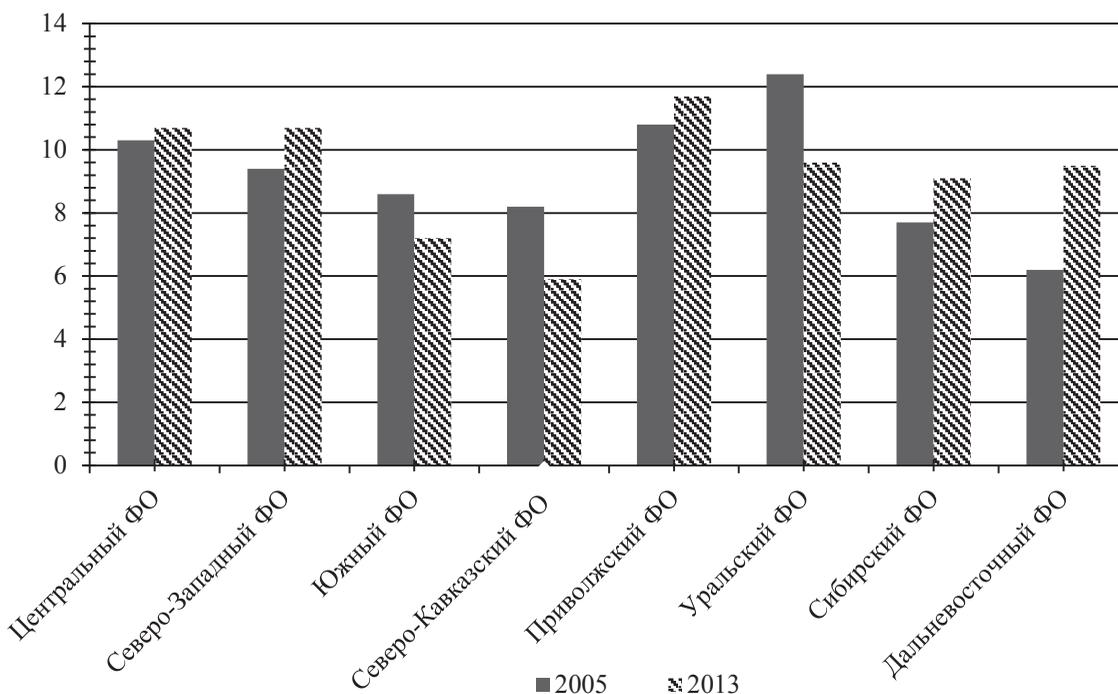

Рис. 3. Динамика удельного веса инновационно активных предприятий в их общем числе по регионам

рассмотрим показатели производительности труда по отраслям в целом по России и инновационную активность предприятий (см. таблицу).

Как видно из полученных данных, общий коэффициент r по России указывает практически на отсутствие связи между числом инновационных предприятий и ростом производительности труда. Чуть более тесная, но неустойчивая связь наблюдается только по рыболовству, рыбоводству и обрабатывающей промышленности (по 0,4); в добывающей промышленности при аналогичной тесноте связи характер ее обратно пропорциональный (-0,4). Это соответствует промежуточному отрезку совокупного спроса в модели $AD-AS$, когда развитие секторов и отраслей в экономике происходит неравномерно, а среди неценовых факторов значительную роль приобретают уровень производительности экономических ресурсов и эффективность применяемых технологий. Наша задача заключается в демонстрации слабого влияния инновационных предприятий на конкурентоспособность экономики в целом. Существует также вероятность того, что в современных экономических условиях взаимозависимость исследуемых показателей носит сложный, нелинейный характер. Это усложняет анализ проблем взаимообусловленности инновационности российской экономики и роста базового показателя экономического развития – производительности труда. Аналогичным образом интерпретируют изменения структуры экономики и дальнейшую логику ее развития многие видные отечественные ученые. В частности, К. А. Хубиев пишет о специфичности российского трансформационного цикла, в котором переход на последующие уровни развития произошел фактически без инноваций

вопреки известным положениям из курса экономической теории [10]. Представляется, что такое качественное состояние можно считать «нулевым» циклом в новейшей экономической истории России.

Корреляция (r) производительности труда по отраслям и инновационной активности организаций*

Отрасли	r
1. Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	0,277406
2. Рыболовство, рыбоводство	0,431778
3. Добыча полезных ископаемых	-0,46613
4. Обрабатывающие производства	0,423204
5. Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	-0,09224
6. Строительство	0,129379
7. Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	-0,07304
8. Гостиницы и рестораны	0,269303
9. Транспорт и связь	0,333903
10. Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	-0,05607
Общий по России	0,315179

*Рассчитано автором на основе данных Российского статистического ежегодника (2005, 2013 гг.)

Отрицательная динамика инновационности отечественных предприятий может объясняться следующими причинами: либо инновации невысокотехнологичные, либо имеют очень короткий жизненный цикл, либо формальные (по статистической отчетности). Существуют оригинальные точки зрения на эволюцию инновационных продуктов, которые авторы классифицируют в зависимости от их модификаций на продукты разных поколений [3]. В соответствии с классификацией отечественная практика может предложить инновационные продукты только 1-го поколения.

Считается также, что основным препятствием к росту инновационности экономики является отсутствие спроса на инновации со стороны производства и предпринимателей. Между тем ситуация в структуре экспорта и импорта технологий с зарубежными странами складывается следующая. В 2013 г., по данным статистического сборника «Промышленность России», объем средств, полученных/потраченных Российской Федерацией в соотношении экспорт/импорт, по добывающей промышленности составляет 1,4/134,8 млн долларов; по обрабатывающему производству – 57,4/1967,9 млн долларов. Львиную долю в расходах на технологии по первой позиции занимает добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (131,3 млн долларов), хотя еще в 2009 г. соотношение экспорта/импорта по этому пункту составляло 15,5/233,4 млн долларов (рост расходов – на 77 %). В условиях кризиса и введенных санкций это обуславливает зависимость данной отрасли от импортных технологий и длительность периода

переориентирования топливно-энергетического производства. В обрабатывающем производстве ситуация такая: производство транспортных средств и оборудования – 548,2 млн долларов; пищевых продуктов (включая напитки и табак) – 473,8 млн долларов; кокса и нефтепродуктов – 230,9 млн долларов; металлургия и выпуск готовых металлических изделий – 195,5 млн долларов; производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования – 147,4 млн долларов. Соотношение экспорт/импорт по обрабатывающему производству в 2009 г. составило 55,0/985,0 млн долларов [5]: экспорт практически не изменился, а расход по импорту увеличился на 100%!

Вопросы государственного управления инновационным процессом стали уже общим местом, однако положительные эффекты пока отсутствуют. Процесс управления сосредоточился на двух направлениях: создание законодательной базы по регулированию инновационной деятельности и оценка эффективности деятельности губернаторов в зависимости от динамики инновационной активности. Иными словами, государство переложило, по сути, стимулирование технологических сдвигов на региональных менеджеров, не имеющих рычагов влияния на предприятия, конкурентность которых существенно зависит от конъюнктуры на мировых рынках. Промышленники, в свою очередь, не могут ждать активизации отечественного инновационного прорыва и находят иные источники роста производительности.

Факторы, препятствующие активизации инновационного процесса

Из вышеизложенного очевидно, что тезис об объективно обусловленном низком спросе на инновации в экономике России не соответствует истине. Слабым звеном, скорее, является качество разработок, от которого зависит снижение расходов в производственном процессе на долгосрочный период. Более благоприятные результаты наблюдаются только в текстильном и швейном производстве, где доходы от экспорта многократно перекрывают расходы на импорт, а также в производстве машин и оборудования, где в 2009 г. расходы по импорту были практически равны экспорту, однако в 2013 г. они увеличились в 7 раз. Важную роль в предпочтительной закупке технологий за границей играют более высокое доверие к зарубежному партнеру, осуществляющему сопровождение внедрения технологии и дальнейшее обслуживание; репутация надежного производителя, а также лоббирование отечественными администраторами.

Рассматривая удельный вес инновационных товаров и услуг (рис. 4) в разрезе отраслей, мы наблюдаем значительный разброс, к примеру, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (около 0,6 %) и среднетехнологичных видов экономической деятельности (около 15 %) в пользу второго, что подтверждает выдвинутый выше тезис о причинах слабого влияния на производительность. Негативный тренд по инновационности в сфере производства электроэнергии, газа и воды – стратегически важных продуктов – угроза не только экономической, но и национальной безопасности. Очевидно, что функционирование этих производств на фондах и мощностях, созданных в советской экономике, без технологического обновления, соответствующих инвестиций и новаций в постсоветский период привело к исчерпанию потенциала производственной базы и отсутствию объективных предпосылок развития. Без скорейшего обновления основных фондов и внедрения технологических новаций нам грозит рост техногенных катастроф, поэтому активизация государственных программ в этих отраслях жизненно необходима.

Несмотря на критику участия в экономике государства как субъекта, создающего помехи для развития конкурентоспособной среды, считаем разумным оставить за государством ведущую роль в приоритетных направлениях экономической политики.

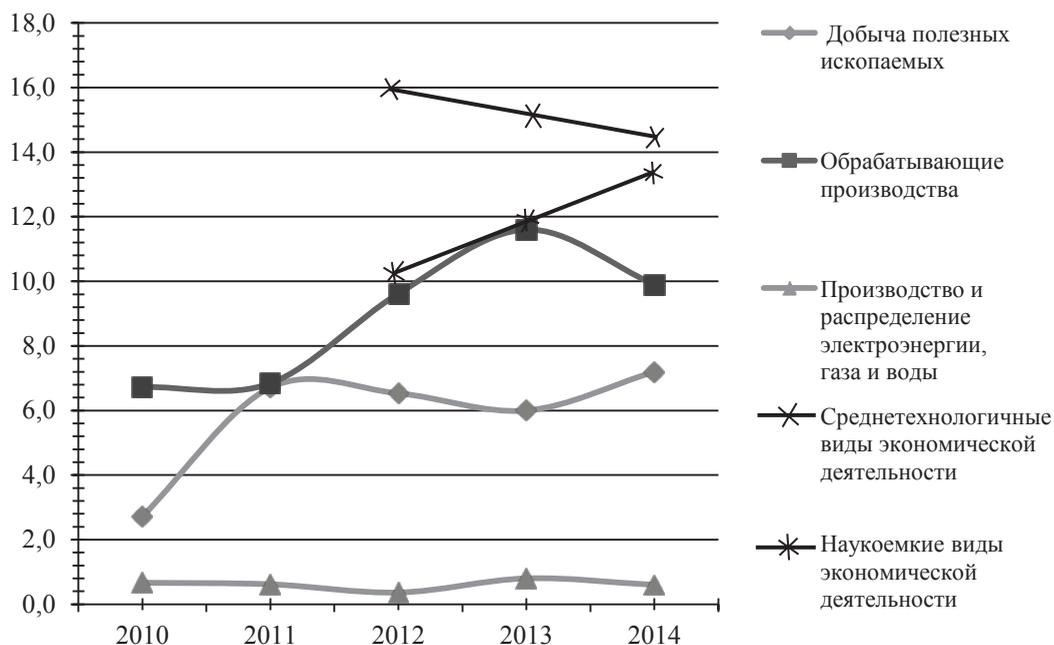

Рис. 4. Удельный вес инновационных товаров и услуг по видам деятельности⁴

Как видно из рис. 5, растущий объем затрат на технологические инновации на протяжении 10 лет обусловил рост числа новых производственных технологий почти в два раза. Отметим, что даже при отсутствии значительных затрат определенный уровень инновационности сохраняется. Это говорит о некотором обязательном минимуме инновационности, без которого не могут существовать социально-экономические системы даже с экстенсивным типом экономического роста.

Как следует из наших исследований, существует острая потребность в увеличении отечественных технологических разработок, конкурентоспособных с зарубежными. А для этого необходимы не только субъекты, предлагающие новшества на рынок, но и наличие среды, в которой создаются новшества. В советское время формировала эту среду и поддерживала ее функциональность система Академии наук СССР. В ее функции входили выявление и подбор научных кадров, доведение их до уровня высшей квалификации и встраивание научного ресурса в систему общественного производства. Возможно, не все разработки были применимы и внедрены. Важно другое – поддержание среды, в которой могут возникнуть потенциально перспективные новые технологии и продукты. К примеру, в сельском хозяйстве обязательно следует поддерживать плодородность почвы в тот период, когда поле находится «под паром».

За более чем 20-летний период эта система если и не была разрушена полностью, то претерпела значительные трансформации. Изменена схема финансирования, в которой (как и во многих остальных бюджетных сферах) существенно уменьшились

⁴ На рис. 4 и 5 использованы материалы Росстата: Наука, инновации, информационное общество http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# 2015.

средства из государственных источников, значительно возросла доля внешних источников, в числе которых международные, государственные фонды и средства частных предприятий и организаций. Заключаемые договоры не всегда ориентированы на исследования по фундаментальным направлениям, а выполненные работы зачастую вовсе не имеют научного содержания. В результате (в том числе из-за значительного уменьшения фонда оплаты труда) произошел массовый отток научных кадров высшей квалификации, а их воспроизводство уменьшилось в разы. Количество исследователей, занятых в системе РАН, сократилось по сравнению с 1990 г. в 10 раз. Напомним, что к 1970 г. СССР занимал первое место в мире по количеству патентов на изобретения и был в числе технологических лидеров (в настоящее время у России только 6-е место при существенном отставании от Японии, США и Китая) [8].

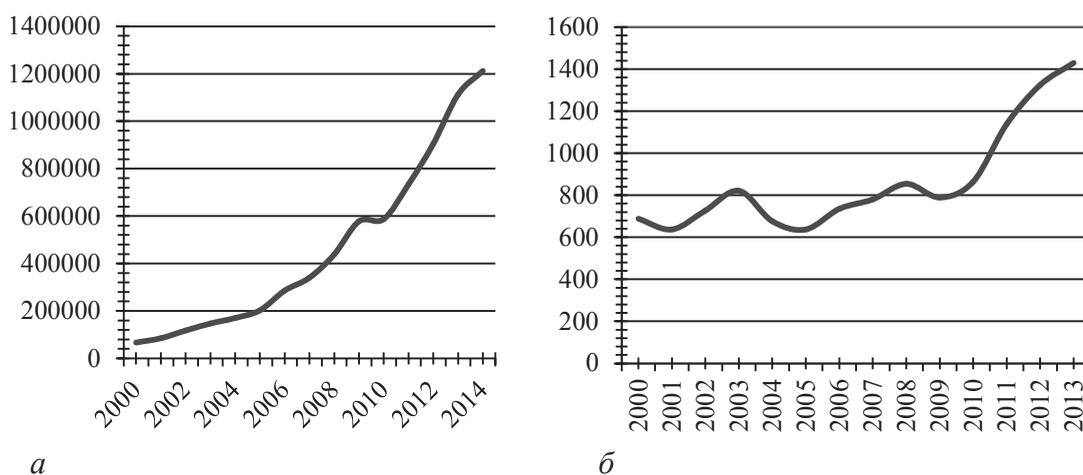

Рис. 5. Соотношение затрат (тыс. р.) на технологические инновации (а) и роста числа новых производственных технологий (ед.) (б) в динамике

Рынок интеллектуальной собственности – важнейший элемент инновационного процесса. Его формирование началось в процессе развития и усложнения производственных технологий и отношений. Важность и актуальность нарождающихся новых форм собственности отмечают многие отечественные ученые. «Необходимо отметить, что критерий развития производительных сил и критерий технологического прогресса содержатся в неоклассической теории, где на основе маржинальной методологии утверждается, что переход ресурсов из одной формы собственности в другую экономически необходим, если в рамках новой формы собственности обеспечивается более эффективное их использование, выражающееся в приросте производства или сокращении издержек» [9]. Однако в России эта форма собственности воспроизводится сложнее всего, а процесс обмена значительно затруднен и растянут во времени. При наличии множества публикаций и исследований рынка интеллектуальной собственности глубина и специфичность этого рынка недостаточно изучены. Так, редко проводится анализ «особенностей» продукта рынка интеллектуальной собственности. Речь идет о том, что обмен происходит не товаром, не продуктом, а исключительными

правами, в случае реализации которых приобретатель получает существенную выгоду. Если же речь идет о совершенно новой, либо высокоточной, либо высокотехнологичной прорывной технологии, то при техническом просчете или недоработке в процессе изготовления опытного образца существуют риски вообще не иметь прибыли либо не иметь ее достаточно долго. Как видно, такие сделки лишь отчасти можно назвать истинно рыночными, когда покупатели точно знают, что хотят приобрести, а продавцы, точно зная характеристики своего продукта, гарантируют его качество. В подобной ситуации основными факторами конкурентоспособности выступают ценовой и имиджевый (бренд, репутация), на которые ориентируется покупатель, принимая решение о сделке, полагая, что таким образом он хоть как-то уменьшает риски инвестиций.

Таким образом, развитие инновационного процесса как на региональном, так и на национальном уровне происходит нестабильно, нелинейно, с высокими рисками. Не вполне отвечает требованиям динамичного развития степень развитости отечественной инфраструктуры. Портал «Банк патентов» с этой задачей не справляется. Представляется рациональным требование прилагать к различным стратегиям инновационного развития перечень новых разработанных, но не внедренных технологий с расчетом сопоставительной себестоимости аналогичной зарубежной технологии. Эту меру следует внедрять в соответствующих концептуальных документах на региональном уровне, для федеральных разработок – на национальном, а для отраслевых задач необходимы документы, согласующие межрегиональное взаимодействие, что слабо развито в современной экономике России.

В заключение еще раз подчеркнем, что в современных условиях экономическая политика должна носить системный характер. Как справедливо отмечает С. Д. Бодрунов: «...в центре новой экономической политики должна стоять задача инновационной модернизации российской экономики через ее реиндустриализацию на базе приоритетного развития высокотехнологичных производств и их интеграции с наукой и образованием и формирования на базе такого подхода новой экономической политики как комплекса соответствующих мер и задач, например, по каждому блоку каждой из подсистем; они, будучи увязаны между собой в рамках системного подхода, могут дать системный взгляд для выстраивания экономической политики, которая будет способствовать возрождению и развитию материального производства, науки и образования в нашей стране, а значит – росту ее мощи и геополитической роли, процветанию народов» [1].

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. Обновление российской экономической системы: политико-экономический аспект / С. Д. Бодрунов // Вопросы политической экономии. – 2015. – №2.
2. Бодрунов С. Д. Российская экономическая система: будущее высокотехнологичного материального производства / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2 (40). – С. 5–16.
3. Горшков, А. П. Модель совокупного предложения инновационной продукции / А. П. Горшков // Экономическая теория. – 2009. – № 2.
4. Индикаторы инновационной деятельности: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2015.
5. Промышленность России: стат. сб. – М., 2012, 2014.
6. Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 8.12.2011 г.

7. Статистические сборники: «Российский статистический ежегодник», 2003, 2013; «Регионы России», 2013.

8. *Печаткин, В. В.* Инвестиционно-инновационное развитие регионов России: ключевые проблемы и направления их решения / В. В. Печаткин // *Экономическое возрождение России.* – 2013. – № 3(37). – С. 75.

9. *Пороховский, А. А.* Формирование российской модели социальной рыночной экономики / А. А. Пороховский, К. А. Хубиев // *Вестник Моск. ун-та.* – Сер. 6. Экономика. – 2005. – № 4. – С. 3.

10. *Хубиев, К. А.* Экономическая система России: проблема исторического тренда и функциональной эффективности / К. А. Хубиев // *Проблемы современной экономики.* – 2014. – №3(51). – С. 49–53.

11. *Экономическая система современной России: анатомия настоящего и альтернативы будущего* / под ред. С. Д. Бодрунова, А. А. Пороховского. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 399 с.

Статья представлена в научно-редакционный совет 19.10.2015 г.

Д. С. Демиденко¹, Е. Д. Малевская-Малевич²

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ОПТИМАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Инновационное развитие на основе импортозамещения и реиндустриализации экономики, достижение технологического лидерства – актуальные направления современных научных экономических исследований в России в контексте путей преодоления последствий экономического спада (далее – спада) [2, 3]. В этой связи большое внимание уделяется изучению и совершенствованию механизма обеспечения экономической и финансовой устойчивости предприятий, так как только в условиях равновесия можно говорить об эффективности деятельности и эффективном росте.

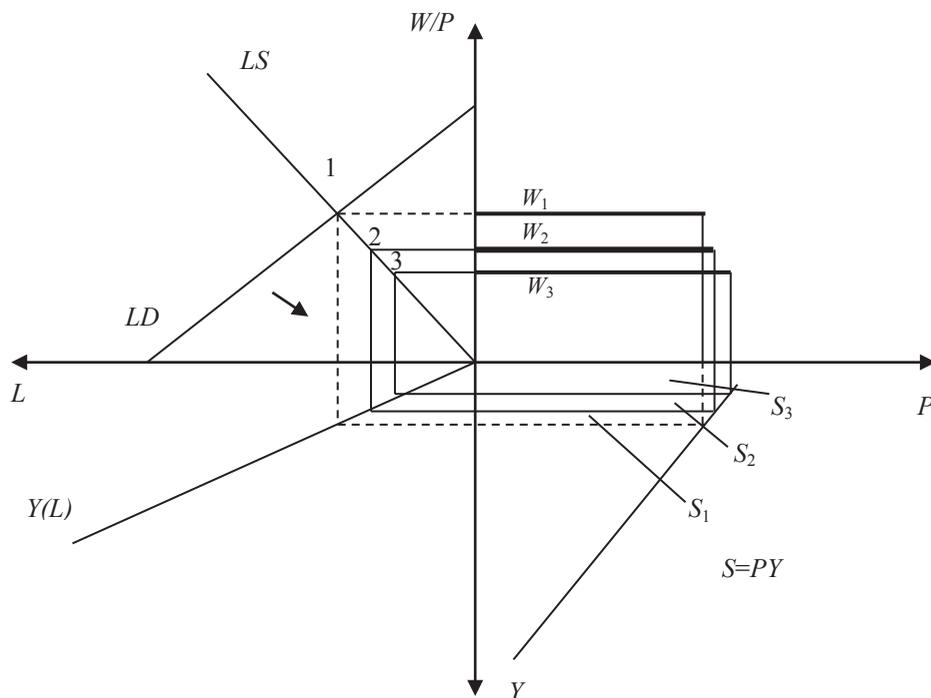
Особенность экономического управления в современных условиях состоит в том, что любое предприятие не автономно по существу, а является элементом *цепочки стоимости* (value chain management). Любое управление невозможно без капитальных вложений (инвестиций) в активы предприятий. В условиях спада это серьезное препятствие для эффективного управления, так как ощущается дефицит интереса предприятий к долгосрочным инвестиционным проектам из-за неопределенности перспектив получения требуемых результатов и недостатка финансовых ресурсов для капитальных вложений. Имеются также противоречия в рамках традиционных экономических моделей. Пример – популярная в экономической науке модель кейнсианского мультипликатора инвестиций в экономической системе. Как известно [1], мультипликатор инвестиций равен $m = 1 / (1-c)$, где c – предельная склонность (интенсивность) к потреблению ($0 \leq c \leq 1$). При этом доход от инвестиций (I) равен $Y = Im$. Независимо от интенсивности потребления при отсутствии инвестиций доход равен нулю. Напомним пример мультипликатора, представленный в комической форме. Джону повысили зарплату, и он пригласил сотрудников выпить по кружке пива. Хозяин пивной, получив заказ на проведение мероприятия, решил купить себе новую мебель (раньше он покупки откладывал). Хозяин мебельной мастерской, также получивший заказ, решил подарить жене новую шубу, которую и заказал в меховой мастерской. Жена мебельщика решила на радостях поехать в круиз и сделала соответствующий заказ в турагентстве. Перед нами предполагаемая экономическая модель цепочки создания стоимости: Джон, пивная, мебельная мастерская, меховая мастерская, турагентство.

Однако, когда из-за экономических трудностей фирма не смогла повысить Джону зарплату, вся прогнозируемая цепочка создания новой стоимости развалилась. Этот шуточный пример раскрывает уязвимость классической кейнсианской модели, механизм которой «не работает» без инвестиций, а в условиях спада инвестиций может и не быть. Поэтому в последнее время все больше говорят о необходимости новых экономических моделей, в широком смысле более устойчивых к условиям умножающихся рисков

¹ Даниил Семенович Демиденко, профессор кафедры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, д-р экон. наук, профессор.

² Екатерина Данишиловна Малевская-Малевич, ассистент кафедры Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, канд. экон. наук.

и неопределенностей и содержащих новые подходы к экономическому механизму работы на «падающих рынках». В условиях падения спроса (и как следствие – производства) можно обеспечить получение прибыли и соответственно повышение рыночной стоимости предприятия. Это произойдет, когда затраты на производство продукции падают быстрее, чем продажи, что достижимо при условии действия фундаментального неоклассического принципа «убывающей предельной результативности затрат». Действие механизма поясняет представленная ниже схема (см. рисунок).

Альтернативная модель роста

Рассматривается неоклассическая система трех рынков: труда, продуктов и услуг, денег. На рынке труда встречаются предложение труда со стороны работников и спрос на труд со стороны предприятий. В точке равновесия на этом рынке определяются количество труда, используемое в экономической системе, и цена его привлечения (реальная заработная плата работников). На рынке продуктов и услуг действует «производственная функция» – зависимость получаемого дохода от количества вовлекаемых в производство ресурсов. Рынок денег использует зависимость между рыночной ценой продуктов и услуг и их количеством или продажами (при фиксированной денежной массе) – условие, известное в экономической теории как уравнение Фишера [1].

Производственные затраты представлены только затратами труда L , результат – выпуском продуктов в натуральном выражении Y и величиной продаж S ; W/P – реальная заработная плата; P – рыночные цены; $Y(L)$ – производственная функция (третий квадрант в системе координат на рисунке), по принятому допущению обладающая свойством убывающей предельной результативности – отдачи от затрат (далее – отдачи).

Как видно из рисунка и табл. 1, по мере падения спроса (второй квадрант графика) затраты производства (в рассматриваемом примере – номинальная заработная плата W) снижаются быстрее, чем результат производства (продажи S), при этом возникает и возрастает прибыль, появляется возможность экономического роста. При падении спроса и соответственно производства можно обеспечить рентабельную работу предприятий и получение прибыли, а следовательно (с точки зрения стоимостного подхода), и повышение рыночной стоимости предприятия как главного показателя эффективной деятельности.

Таблица 1

Данные для расчета

Положение линии LD	W	ΔW	S	ΔS
1	1	0	1	0
2	0,76	0,24	0,95	0,05
3	0,3	0,71	0,31	0,69

Примечание: W – номинальная заработная плата, S – продажи.

Это возможно в условиях спада, если затраты на производство продукции падают быстрее, чем продажи предприятия, и достижимо при условии действия фундаментального неоклассического принципа убывающей предельной отдачи. По мере падения спроса затраты производства (в рассматриваемом примере – номинальная заработная плата W) снижаются быстрее, чем результат производства – продажи S ($S = PY$); возникающая при этом прибыль открывает возможности для экономического роста. Выполненная нами проверка вышеприведенных положений с использованием графоаналитической модели (см. рисунок и табл. 1) показала: если принять первоначальный уровень спроса за единицу, то по мере падения спроса на продукцию до уровня 0,3 (примерно на 70 %) продажи уменьшаются только до уровня 0,31 (примерно на 69 %). Таким образом, затраты производства падают быстрее, чем результат производства (продажи). Подчеркнем, что такой «скромный» результат получен на модели, использующей только линейные зависимости между факторами и результатами производства на всех рассмотренных рынках. Однако, по принятому неоклассическому допущению, действует свойство убывающей предельной отдачи производственных затрат, согласно которому каждая последующая единица ресурсов, вовлекаемых в производство, дает меньшую отдачу, чем предыдущая. Это означает, что рассматриваемые нами зависимости на всех рынках будут «криволинейными», что существенно усиливает эффект убывающей предельной отдачи. Эффект характерен для «простых» продуктов: зерно, дерево, энергоносители, металл и т. д. Другие, так называемые инновационные продукты, процессы, технологии, новые рабочие места подчиняются более сложным закономерностям.

В этих условиях появляются попытки обеспечить «псевдоопережающий рост», ускорить процесс опережающего снижения затрат по отношению к продажам, стимулировать его, тормозя рост зарплаты. Не все предприятия и работники справляются с этой ситуацией, происходит «выгорание» предприятий. Работникам трудно объяснить, почему они должны работать больше за ту же или меньшую зарплату, часто они

отказываются от работы в условиях опережающего роста количества труда по отношению к зарплате. Возникает также «ловушка производительности» – инновации всегда связаны с более высокой производительностью, что может приводить к большим потерям в обществе из-за замещения «неинновационных» рабочих мест «инновационными». Появляются институциональные факторы в виде особой формы «внешних эффектов» – внедрение инноваций обеспечивает получение экономии в «точках внедрения» (на предприятиях), но общество от этого может нести потери. Ресурсы, в том числе трудовые, высвобождаемые с «неинновационных» рабочих мест, при отсутствии или снижении темпов экономического роста не находят применения в других областях экономики и могут стать дополнительной нагрузкой для общества.

В определенном смысле экономическая модель, основанная на принципе убывающей предельной отдачи, отражает механизм управления с использованием принципа «отрицательной обратной связи»: первые затраты всегда эффективнее, результативнее последующих. Именно поэтому принято считать, что «новые продукты» эффективнее существующих: новые всегда первые, от первых затрат или вложений отдача всегда выше. Анализ показывает, что принцип убывающей предельной результативности не подходит для новых продуктов. Внедрение инноваций идет согласно обратному экономическому закону – возрастающей предельной отдачи: результативность каждой последующей единицы производственных затрат (вложений) выше предыдущей. Этот эффект может носить взрывной характер: после длительного вложения затрат, не дающих эффекта (или дающих отрицательный либо неприемлемо малый эффект), может последовать высокий эффект, обеспечивающий приемлемую эффективность вложений даже с учетом временного фактора. Модель возрастающей предельной отдачи производственных затрат может обеспечить экономический рост предприятий практически независимо от внешних экономических факторов, тогда как модель убывающей предельной результативности с использованием принципа отрицательной обратной связи в условиях экономического спада тормозит экономический рост.

В широком смысле проблема эффективного экономического управления заключается в сохранении равновесия экономики в условиях спада. Значительная часть общества живет в среде экономических мифов, это представляет собой источник «информационной асимметрии» и вызывает дополнительные риски (при этом существующие риски не исчезают, а, наоборот, могут усиливаться, если они коррелированы с новыми рисками). Поэтому точка зрения на функционирование экономики в условиях спада и пути его преодоления часто не вполне соответствует реальности. Принято считать, что длительная экономическая рецессия (а рецессия не бывает короткой) может приводить не только к негативным, но и положительным результатам: на место старых технологий и продуктов приходят новые, всегда более производительные и прогрессивные; предприятия освобождаются от плохих работников и т. д. Такая ситуация характерна для периода инновационных перемен во всех сферах экономической деятельности, когда предприятия готовятся войти в новый цикл экономического роста и начинают получать от этого экономические преимущества.

Другие тенденции проявляются в условиях спада, замедления роста или стагнации. Внедрение инновационных продуктов обеспечивает более высокий уровень производительности труда, а высвобождающиеся ресурсы не находят применения в других сферах экономики. При этом проявляется системный консерватизм – стремление системы любой ценой сохранить существующую структуру: состав составляющих элементов, их удельный вес, характер и интенсивность связей между ними.

В результате в ситуации спада неизбежна реструктуризация системы в целом и ее элементов (предприятий), но совсем не по траектории оптимальных решений: вместо эффективных решений будут приняты квазиэффективные; вместо новых продуктов будут использоваться старые, но с элементами новизны и незначительной модернизацией; в результате сокращения производственного персонала потеряют работу способные и высококонкурентные работники, а останутся неконкурентные – неквалифицированные. Пока высококонкурентные работники создают добавочную стоимость, неконкурентные будут переводить конкурентное соревнование в более привычную для них систему координат: изобретать бюрократические способы защиты своего социального положения, которое в условиях спада подвергается опасности.

Так система защищает свои интересы. Многие экономисты в таких условиях рекомендуют «не делать резких движений»: не закрывать убыточные предприятия, не увольнять «лишних сотрудников», вообще исключить системную реструктуризацию как метод экономического управления. Однако, они не дают рекомендаций о том, как этого достичь. Главный вопрос: где взять ресурсы (в том числе финансовые) для поддержки планомерно убыточных предприятий? А именно об этом (изрядно подзабытом в рыночных условиях) экономическом типе предприятий идет речь. Часто рекомендации идут еще дальше: частично восстановить систему планового хозяйства, хотя бы на время кризиса, на 2-3 года [2]. Интересно, что на вопрос «где взять ресурсы на поддержку планомерно убыточных структур?», наиболее популярный ответ – «из бюджета». При этом вспоминается старый анекдот про блондинку: откуда берутся деньги? – Из ящика письменного стола. – А там они откуда? – Это не моя забота.

Ясно, что без реструктуризации экономики кризис не преодолеть, но пока остается без ответа заявленный вопрос: а где взять ресурсы на реструктуризацию в условиях спада (и, добавим, экономических санкций)? Какова модель равновесия (статического – без роста и динамического – с ростом, т. е. сбалансированного роста) в экономике при ограниченных ресурсах и чем она отличается от модели равновесия в нормальных условиях? Ответы на все эти вопросы еще предстоит дать. По сути, речь идет о том, как реализовать экономически неэффективные решения в условиях жестких ресурсных ограничений. Самый простой ответ – отложить инновации на некоторое (неопределенное) время. Но этот путь неперспективен и противоречит целям экономической стратегии государства, элементарными звеньями которой являются предприятия [3, 6].

Особая речь о приемлемом критерии принятия эффективных решений. Уже говорилось о повышенных рисках инновационных решений, однако принципиальным в данном случае является вопрос критерия. В том, что он иной, чем в «обычной экономике», сомнений нет. Если «обычные» экономические решения принимаются по принципу «чем больше/меньше, тем лучше» (лучшее решение из лучших), то в условиях неопределенности результата решение часто приходится принимать по принципу «минимакса» (лучшее решение из возможных худших). Однако эта особенность слабо учитывается в современных методических рекомендациях по экономическим обоснованиям.

Оптимальная инновационная стратегия предприятия представляет собой набор альтернативных стратегий, обеспечивающих в совокупности максимальную отдачу при имеющихся ограничениях. Ограничения оптимизационной задачи математически отражают экономический смысл «пределной результативности затрат», или «отдачи от затрат» [5].

Содержание этого понятия описано в экономической теории, но его общепринятой математической модели нет. В статье представлена авторская версия.

Пусть последовательно осуществляются равные платежи: отток денежных средств. Элементами последовательности могут быть дискретные промежутки времени, единицы продукции, очередность операций, другие объекты, не обязательно связанные со временем. Каждому элементу последовательности соответствует отдача: приток денежных средств, величина которых зависит от порядкового номера последовательности и изменяется по определенному математическому закону. По нашему мнению, в качестве экономического критерия степени *инновационности* применяемых предприятиями стратегических решений можно принять возрастающую предельную отдачу производственных затрат, а для *неинновационных* продуктов – традиционную убывающую предельную отдачу затрат. Математические модели, отвечающие изложенным представлениям о характере изменения предельной отдачи затрат, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Варианты инновационных стратегий предприятия

Наименование стратегии	Содержание стратегии	Экономическая модель (ЭМ) стратегии	Математическая модель (ММ) стратегии
1. Инновационная (ИС)	Разработка, освоение, выпуск (далее – выпуск) новых продуктов, обеспечивающих «лояльность» потребителей* и рыночный спрос	ЭМИС – возрастающая предельная отдача от затрат/вложений (далее – затрат)	ММИС $Y_1 = an_1^2,$ $m_1 = \frac{dY_1}{dn_1} = 2an_1,$ <p>где Y – отдача затрат; m – предельная отдача затрат; n – порядковый номер последовательности затрат; a – постоянная величина</p>
2. Нейтральная (НС)	Увеличение выпуска традиционных продуктов с незначительными улучшениями, обеспечивающими лояльность потребителей и рыночный спрос	ЭМНС – неизменная предельная отдача от затрат	ММНС $Y_2 = an_2,$ $m_2 = \frac{dY_2}{dn_2} = a$
3. Консервативная (КС)	Увеличение выпуска традиционных продуктов без модернизации и улучшений	ЭМКС – убывающая предельная отдача от затрат	ММКС $Y_3 = a\sqrt{n_3},$ $m_3 = \frac{dY_3}{dn_3} = \frac{1}{2}an_3$

* «Лояльность» потребителей относится к терминологии менеджмента качества для экономики, ориентированной на рыночный спрос, и является современным аналогом понятий «качество продукции/услуг», применявшихся в практике плановой экономики.

Математическая постановка задачи оптимального распределения ограниченного лимита L ресурсов производственных затрат (вложений) между вариантами инновационных стратегий предприятия, основанная на представленных в табл. 2 моделях стратегии:

$$\sum_{i=1}^k Y_i(n_i) \rightarrow \max,$$

$$\sum_{i=1}^k n_i \leq L, \quad n - \text{целые, положительные.}$$

Представленная оптимизационная задача – нелинейная, целочисленная (порядковые номера последовательности затрат по определению дискретные). Оптимальное решение может быть получено методом динамического программирования или любым приемлемым методом.

Задачу максимизации отдачи от затрат можно эффективно решить, используя метод Беллмана (динамического программирования). Если ввести переменную, отражающую промежуточные значения изменяющегося лимита производственных затрат для каждой инновационной стратегии, то рекуррентные соотношения для поэтапного решения могут быть представлены в виде

$$\varphi_1(n) = \max_{0 \leq n_1 \leq L} (Y_1(n_1)) ,$$

$$\varphi_2(n) = \max_{0 \leq n_2 \leq L} (Y_2(n_2) + \varphi_1(L - n_2)) ,$$

$$\varphi_3(n) = \max_{0 \leq n_3 \leq L} (Y_3(n_3) + \varphi_2(L - n_3)) ,$$

.....
(n – дискретные положительные числа)

Экономическое содержание задачи сводится к нахождению оптимальной инновационной стратегии предприятия, представляющей собой сочетание альтернативных стратегий при имеющихся ресурсных (затратных) ограничениях. Нами выделены три типа альтернативных инновационных стратегий предприятия (см. табл. 2). Стратегия 1 (ИС) – наиболее затратная, так как в ее основе принцип возрастающей предельной отдачи затрат. При этом возможности экономического роста (развития) ограничены ресурсными возможностями предприятия. Стратегия 3 (КС) – наименее затратная, она основана на принципе убывающей предельной отдачи затрат, относится в первую очередь к традиционным продуктам, при этом возможности инновационного развития предприятия ограничены. Стратегия 2 (НС) – по существу, «теоретическая», она не использует принцип изменения предельной отдачи затрат как экономический признак инновационного развития и занимает промежуточное положение между стратегиями 1 и 3 [4].

Рассмотрим решение задачи выбора оптимальной инновационной стратегии предприятия на числовом примере. В табл. 3 приведены порядковые номера последовательности равных «платежей» – оттоков денежных средств n и соответствующие

им значения функции «отдачи» – притоков денежных средств Y для каждого типа альтернативных стратегий в соответствии с математическими моделями из табл. 2. При этом функция отдачи, соответствующая стратегии 1, является «ступенчатой» (значение отдачи изменяется через каждые два номера); функции отдачи, соответствующие другим стратегиям, монотонные (см. табл. 3). Решение задачи методом динамического программирования осуществляется в два этапа (табл. 4 и 5).

Таблица 3

Исходные данные для примера

n_1, n_2, n_3	Y_1	Y_3	Y_2
0	-	-	-
1	-	1	1
2	4	1,41	2
3	4	1,73	3
4	16	2	4

При решении используются функции отдачи по альтернативным стратегиям из табл. 2 и 3, для упрощения расчетов везде принято одинаковое значение параметра $a=1$.

Таблица 4

Первый шаг решения. Оптимальное распределение лимита ресурсов ($L=4$ д. е.) между стратегиями 1 и 3, д. е.

Стратегии предприятия	Стратегия 3 (КС)					
	Распределение лимита затрат	0	1	2	3	4
1 (ИС)	0	-	1	2	1,73	2
	1	-	1(*)	1,41	1,73	
	2	4	5(*)	5,41(*)		
	3	4	4			
	4=L	16				

Таблица 5

Результаты оптимального решения 1-го шага

Распределяемый лимит, д. е.	0	1	2	3	4
Максимальная отдача, д. е.	-	-	1	5	5.41

На первом этапе (см. табл. 4) осуществляется оптимальное распределение лимита затрат на реализацию инновационной стратегии между альтернативными стратегиями 1 и 3. Рассматриваются все возможные дискретные значения выделенного лимита

затрат (от 0 до 4, согласно условию задачи) и все возможные значения целевой функции (совокупной для всех альтернативных стратегий отдачи затрат). Каждому значению выделенного лимита затрат соответствует диагональ табл. 4 (численные значения целевой функции записаны в клетках каждой диагонали). Затемненные клетки являются «запретными», поскольку ограничения задачи являются строгими неравенствами – невыделение части лимита затрат на одну из стратегий не допускается. Например, при распределении всего лимита между стратегиями (диагональ, соответствующая $L=4$ д. е.) максимальное значение отдачи могло бы быть, согласно табл. 4, равно 16 д. е. (весь лимит выделяется на стратегию 1, отдача для которой, согласно табл. 3, равна $4^2=16$ д. е.; отдача для стратегии 3 равна 0, так как на нее ничего не выделяется; общая отдача равна $16+0=16$ д. е., что и зафиксировано в клетке на диагонали, соответствующей рассматриваемому значению лимита затрат). Но эта клетка «запретная», так как по условию задачи решение, исключающее стратегию 3, не может рассматриваться. Максимальное значение отдачи можно искать только в «разрешенных», не затемненных клетках диагонали. Это – значение 5,41 д. е. (2 д. е. лимита выделяется на стратегию 1 и столько же на стратегию 3, согласно табл. 4, отдача равна $4+1,41=5,41$ д. е.). Аналогично заполняются клетки на других диагоналях таблицы, соответствующие другим возможным значениям оставшегося лимита затрат, максимальные значения каждой диагонали отмечены (*). Сводный результат оптимального решения на 1-м шаге представлен в табл. 5.

На втором (последнем) шаге решения (табл. 6) рассматривается распределение лимита затрат между стратегией 2 и оптимальным распределением из 1-го шага. Поиск оптимального решения начинается в направлении, обратном ходу решения, т. е. с табл. 6. Максимальное значение (6 д. е.) отдачи достигается при выделении 1 д. е. лимита на стратегию 2 и 3 д. е. – на стратегии 1+3. Согласно табл. 5, в этом случае максимальная отдача будет равна 5 д. е., она достигается при выделении 2 д. е. лимита на стратегию 1 и 2 д. е. – на стратегию 3. Оптимальное значение общей величины отдачи от затрат, соответствующее распределению всего лимита между всеми альтернативными стратегиями, равно 5 д. е.+ 1 д. е.=6 д. е., что соответствует значению из табл. 6.

Таблица 6

Второй шаг решения. Оптимальное распределение лимита ресурсов ($L=4$ д. е.) между стратегиями 1 + 3 и 2, д. е.

Распределение лимита затрат между стратегиями		Отдача от затрат		
1+3	2	Стратегия 1+3	Стратегия 2	Общая
0	4	-	4	4
1	3	-	3	3
2	2	1	2	3
3	1	5	1	6 (*)
4	0	5,41	-	5,41

Оптимальная инновационная стратегия предприятия включает все альтернативные инновационные стратегии, достижимые при оптимальном распределении лимита производственных затрат.

Выводы

1. В настоящее время большинство научных и прикладных исследований и разработок инновационной направленности можно охарактеризовать как *инновационный менеджмент*. Однако экономические вопросы инновационной деятельности предприятий разработаны недостаточно. В частности, не сформулирован четкий экономический критерий для инноваций. Не вполне ясно, какие продукты относить к инновационным, а какие – к обычным.

2. Экономический критерий отнесения продуктов предприятия к инновационным или обычным должен быть непротиворечивым и количественно определяемым. Таким показателем может служить тип изменения предельной отдачи в зависимости от производственных затрат предприятия. Для инновационных продуктов это возрастающая предельная отдача от производственных затрат, для обычных – убывающая предельная отдача от затрат. Достоинства данного критерия – четкость определения и возможность использования количественной оценки.

3. Предприятие может производить как инновационные, так и обычные продукты, при этом реальная инновационная стратегия предприятия может быть *смешанной*. В связи с этим используется понятие *оптимальной* инновационной стратегии предприятия и приведен метод ее достижения.

4. Оптимальная инновационная стратегия предприятия – это способ избежать негативных социальных последствий, которые могут сопровождать инновационную активность в условиях спада.

Список литературы

1. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. – 4-е изд. – М.: Дело, 1994.
2. Бодрунов, С. Д. Реиндустриализация российской экономики: возможности и ограничения / С. Д. Бодрунов // Науч. тр. Вольного экономического общества России. – 2014. – Т. 180. – С. 15–46.
3. Бодрунов, С. Д. К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 4(38).
4. Демиденко, Д. С. Особенности оптимальных планов расширения производства на предприятии / С. Д. Демиденко, Е. Д. Малевская-Малевич, А. С. Осипенко // Экономическое возрождение России. – 2015. – № 2 (44). – С. 111–115.
5. Демиденко, Д. С. Выбор стратегии в условиях неопределенности / С. Д. Демиденко, Т. И. Леонова, М. С. Бабарин // Вестник Российской академии естественных наук. – 2014. – №3(20). – С. 28–32.
6. Karlik, A. E. Russian practice of financial management of the enterprise / A. E. Karlik, D. S. Demidenko, E. A. Iakovleva, M. M. Gadzhiev // Life Sci J. – 2014. – 11(10). – P. 589–594.

Статья представлена в научно-редакционный совет 06.10.2015 г.

ЭКОНОМИКА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ИННОВАЦИИ

А. Н. Гродинская¹, П. П. Табурчак²

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ПОДСИСТЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Конференция по проблемам устойчивого развития в Рио-де-Жанейро (1992 г.) положила начало формированию устойчивого (сбалансированного) развития человечества [10].

Термин «устойчивое развитие» представляется противоречивым, поскольку понятия *устойчивость* и *развитие* являются в некоторой степени взаимоисключающими. *Развитие* – это процесс изменения качеств, переход к более совершенному состоянию, а *устойчивость* – это сохранение неизменного состояния, не поддающегося изменению. Для динамических систем *устойчивое развитие* предполагает сохранение равновесия и сбалансированности функций при динамическом росте всех компонентов системы.

Анализ теоретических подходов к определению сущности устойчивого развития на микро- и макроуровнях указывает на наличие противоречий (табл. 1). На макроуровне устойчивое развитие трактуется, как правило, в рамках традиционной концепции [5]. На микроуровне оно чаще рассматривается как устойчивое финансовое состояние и стабильное экономическое развитие [4], однако зачастую игнорируются экологические и социальные факторы.

Близки по содержанию к устойчивому развитию понятия *экоразвитие*, *оптимизация* внешней среды и *равновесие*, которые учитывают гармоничное сосуществование людей и естественных систем.

Не совсем правильно и корректно отождествлять устойчивое развитие с постоянным, поскольку термин *постоянное* подразумевает равномерное, бескачковое развитие, которое, в принципе, невозможно для системы, что иллюстрирует многовековая история развития человечества. Развитие экономики, общества является циклическим, оно проходит фазы спадов и подъемов. Исследования данного направления важны для понимания и реализации политики устойчивого развития.

¹Анна Николаевна Гродинская, ассистент кафедры экономики и организации производства Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета).

²Петр Павлович Табурчак, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета), засл. деятель науки РФ, д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН.

Проанализировав и обобщив исследования отечественных и зарубежных авторов в области устойчивого развития, предлагаем следующее определение: *устойчивое развитие* – это сложный процесс модификаций и трансформаций, отражающий возможности и способности системы обеспечивать стабильный динамический рост при поддержании сбалансированного состояния основных компонентов системы (социального, экономического и экологического) с целью щадящего использования и максимального возобновления природной среды при одновременном достижении и поддержании соответствующего уровня качества жизни людей нынешнего и последующих поколений путем сопротивления внутренним и внешним негативным факторам.

Таблица 1

Определение понятия «устойчивое развитие» в работах зарубежных и отечественных авторов

Автор, источник	Определение
Конференция в Рио-де-Жанейро	Это такое развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего времени, не ставя под угрозу возможность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности
Институт мировых ресурсов	Развитие, при котором природные ресурсы, человечество и финансы управляются и используются таким образом, чтобы увеличить богатство и улучшить благосостояние людей без ухудшения условий их жизнедеятельности в будущем
Комиссия Брундтланд	Модель социально-экономического развития, при которой достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения людей, при этом будущие поколения не должны быть лишены такой возможности из-за истощения природных ресурсов и деградации окружающей среды
Н. Ф. Газизулин	Эколого-экономическое равновесие в обществе
М. Ф. Замятина	Совокупность социальных и структурных экономических превращений, которые оптимизируют экономические и социальные блага, находящиеся в распоряжении общества без угрозы потенциальным или аналогичным благам в будущем
Г. Розенберг	Необходимость целеустремленных антропогенных изменений естественной среды и социального состояния, которые должны помочь обществу преодолеть ограниченность биосферных условий его существования
И. В. Шевченко, К. О. Литвинский	Управляемый процесс коэволюционного развития природы и общества, цель которого – обеспечить здоровую, производительную жизнь в гармонии с природой нынешним и будущим поколениям на основе сбалансированного развития экономических систем с учетом охраны культурного и естественного наследия
Р. Констанза	Процесс или состояние, поддерживаемое сколь угодно долго

Концепция устойчивого развития общества является основой для разработки концепций развития экономик, стран, регионов и предприятий. Путь устойчивого развития принят практически всеми странами мира, однако понятия *устойчивое развитие* и *устойчивое развитие предприятия* по-прежнему не имеют четкого и однозначного определения.

Н. А. Хомячкова определяет устойчивое развитие предприятия как *способ функционирования*, который обеспечивается преобразованиями внутренней среды предприятия с целью самосохранения и воспроизводства социально-экономических процессов путем гармонизации взаимоотношений с внешней средой [12].

Изучение экономической устойчивости предприятий является достаточно «модным» научным направлением. Ряд авторов, например, Э. М. Коротков, Д. Ковалев, Т. Сухорукова, З. В. Коробкова, экономическую устойчивость предприятий отождествляют с их финансовым состоянием, в котором факт убыточности играет главную роль, а банкротство рассматривается как один из институтов, предназначенных для обеспечения функционирования устойчивых предприятий [12].

Р. С. Сайфулина, А. Д. Шеремет, Г. Г. Кадыков, Г. В. Савицкая, М. И. Баканов, Е. В. Негашев отождествляют понятия устойчивое развитие предприятия и финансовая устойчивость. Отметим, однако, что помимо финансовой различают производственную, рыночную устойчивость предприятия и др. А. Г. Коряков, В. М. Рябов и О. В. Михалев придерживаются мнения, что устойчивое развитие предприятия обеспечивается степенью его реакции на внешнее воздействие. А. Г. Коряков считает, что на устойчивость сильно влияют факторы внешней среды. По тому, как предприятие реагирует на внешнее воздействие и как оно развивается, можно судить о его устойчивом развитии. Предприятие в условиях нестабильности и кризиса внешней среды может притормозить программу своего развития, сократить заимствования.

И. Ю. Трибушный, М. К. Аристархова, Р. А. Шепель рассматривают устойчивое развитие предприятия как результат инновационной деятельности и полагают, что оно обеспечивается инновационной активностью предприятия. Е. Н. Кучерова, А. В. Сидорин, Л. Н. Родионова, Л. Р. Абдулина придерживаются точки зрения, согласно которой устойчивое развитие предприятия достигается за счет роста показателей его эффективности. А. В. Волкова и Е. Н. Кучерова считают, что грамотный менеджмент является залогом устойчивого развития и дают определения устойчивости и устойчивого развития с позиции управленческого подхода. Например, А. В. Волкова приводит следующее определение: *устойчивое развитие предприятия* – «режим его функционирования, при котором, безусловно, выполняются оперативные, текущие и стратегические планы *работы* предприятия за счет реализации на регулярной основе мер по предупреждению, выявлению и нейтрализации рыночных угроз для выполнения плана, а также по максимально быстрой ликвидации отклонений от плана, вызванных этими угрозами» [12].

Устойчивость системы можно охарактеризовать как способность динамической системы сохранять движение по намеченной траектории (поддерживать заданный режим функционирования) несмотря на воздействующие на нее возмущения. Таким образом, устойчивость системы можно определить как ее свойство возвращаться в состояние равновесия после воздействия внешних факторов. Также в определение устойчивости можно включить следующее свойство: генерирование факторов для обеспечения дальнейшего развития после возвращения в равновесное состояние.

Если рассматривать предприятие как экономическую систему, то его устойчивость можно определить как способность поддерживать равновесное состояние в процессе своей деятельности, оставаясь в рамках ключевых показателей и допустимого риска при возможных воздействиях факторов дестабилизирующего характера, преодолевая которые предприятие движется к поставленной цели. Предприятие, функционирующее в рыночных условиях, должно обладать достаточной базой для принятия управленческих решений, благодаря которым система будет поддерживаться в равновесном состоянии, а возможность потерь будет сведена к минимуму.

Устойчивость – это способность системы сохранять работоспособное состояние для достижения запланированных результатов при наличии различных воздействий; способность сохранить организацию и выполнять свои функции, несмотря на негатив-

ное влияние внешней и внутренней среды, находясь при этом в состоянии динамического равновесия [6].

В процессе управления устойчивостью предприятия следует учитывать все многообразие факторов, влияющих на принятие управленческих решений: законодательную базу, форму организации и ведения бизнеса, рыночные условия и т. д.

Таким образом, устойчивость предприятия отражает его текущее состояние, является основой стабильности и дальнейшего развития, а также щитом от негативного влияния внешней среды. В рыночных условиях управление устойчивым развитием – одна из самых важных задач менеджмента предприятия. Устойчивое развитие предприятия – это согласованное взаимодействие процессов использования ресурсов, инновационного и инвестиционного развития, управления персоналом, постоянно изменяющихся и нацеленных на повышение потенциала предприятия.

Предприятие выступает основным структурообразующим элементом экономики и играет главную роль в жизни современного общества. Устойчивое развитие всей экономики может быть достигнуто только при эффективном функционировании предприятий, которое основывается на взаимодействии трудовых, материальных и финансовых ресурсов.

Предприятие, учитывая потребности будущих поколений, должно стремиться к использованию возобновляемых ресурсов и минимизации вредных выбросов. Сохранение экологических ресурсов позволит людям максимально реализовать свой человеческий потенциал. Развитие человеческих ресурсов – одно из направлений движения предприятий к устойчивому развитию. Организации, предоставляющие своим сотрудникам возможности для карьерного роста, повышения квалификации и социальные гарантии, обеспечивают свою социальную устойчивость.

Эффективное устойчивое развитие предприятия предполагает сбалансированность компонентов внутренней устойчивости, постоянное планирование своей деятельности, внедрение новых решений, контроль и проверку на соответствие разработанной модели устойчивости, непрерывное улучшение показателей и др.

Устойчивое развитие характеризуется значительными изменениями в экономике страны в целом и в отдельных отраслях, поэтому его следует рассматривать в контексте взаимовлияния и взаимодействия всех видов устойчивости. Концепция устойчивого развития предполагает гармоничное сочетание трех основных составляющих: социальной, экологической и экономической. Данное положение определило выбор состава подсистем промышленного предприятия. Однако до сих пор доминирующим критерием в сфере природопользования остается экономичность. Природопользование и социально-экономическое развитие должны находиться в соотношении, обеспечивающем экологическую безопасность общества, рациональное и эффективное использование природных ресурсов в совокупности с достаточно высоким уровнем жизни и благосостояния населения. Как подчеркивает Г. Х. Брундтланд в предисловии к докладу ООН «Наше общее будущее»: «Окружающая среда не существует в изоляции от человеческой деятельности, от нужд и желаний людей. И попытки защитить ее, не принимающие во внимание удовлетворение человеческих потребностей, привели к тому, что в некоторых политических кругах к этим попыткам стали относиться как к чему-то наивному, оторванному от жизни... Окружающая среда – это место нашей жизни, а развитие – это наши действия по улучшению нашего благосостояния в ней. Оба эти понятия неразделимы» [10]. Именно такой подход положен в основу концепции устойчивого развития.

Деградация экологической системы, в конечном счете, ведет к деградации экономической системы, поскольку компоненты, изъятые из экологической среды, переходят в экономическую среду и, подвергаясь определенной обработке, становятся ее продуктами. Человек принадлежит к экологической и экономической системам, поэтому очень важно вовремя осмыслить социо-эколого-экономические последствия человеческой деятельности. Ресурсы, которые ранее считались безграничными и бездумно растрчивались, необходимо экономить и рационально использовать.

Цели устойчивого развития можно условно разделить на три группы в соответствии со сферами действия:

- социальные цели – достижение и обеспечение социальной стабильности; установление и поддержание социальной справедливости; улучшение демографической ситуации и поддержание демографической стабильности;
- экологические цели – рациональная система использования всех видов ресурсов, обеспечение и поддержание высокого качества окружающей среды;
- экономические цели – экономический рост, международное сотрудничество, экономическое развитие человека.

Методика определения устойчивости каждой из подсистем предприятия состоит из следующих этапов:

1 – определение перечня показателей устойчивости развития для каждой подсистемы, по которому будут оцениваться и отслеживаться изменения их состояния. Выбор показателей зависит от специфики деятельности предприятия, целей и задач его развития, решений и приоритетов руководства;

2 – оценка существующего состояния каждой подсистемы с использованием показателей устойчивости развития;

3 – определение планируемых показателей устойчивости развития для каждой из подсистем с учетом стратегии развития предприятия, его целей, задач и сроков достижения данных показателей;

4 – введение показателей ранжирования уровня устойчивости развития подсистемы (классификация уровня устойчивости подсистемы);

5 – сравнение полученных показателей с запланированными;

6 – оценка уровня устойчивости в соответствии с классификацией.

Рассмотрим более подробно содержание каждого этапа.

1. Определяют перечни показателей для каждой подсистемы, по которым может осуществляться оценка устойчивости развития предприятия. В расчетах должны использоваться только те показатели, рост которых свидетельствует о положительной динамике в деятельности предприятия. Так можно проанализировать любой аспект деятельности предприятия, используя абсолютные или относительные показатели в расчетах для характеристики исходных показателей.

Устойчивость социальной подсистемы может определяться следующими показателями:

- уровень заработной платы i -й группы персонала;
- уровень социальных выплат i -й группы персонала;
- изменение уровня заработной платы;
- среднесписочная численность;
- снижение текучести кадров в производственных подразделениях;
- производство основной продукции на одного сотрудника;
- количество сотрудников – участников программ профессиональной подготовки;

- расходы на персонал;
- производительность труда и индекс ее роста;
- уровень рентабельности труда (рентабельность затрат на оплату труда).

Последний показатель был предложен известным советским экономистом В. В. Новожиловым:

$$r_i = \frac{D_i - Z_i}{Z_i}, \quad (1)$$

где r_i – рентабельность затрат на оплату труда персонала i -й группы; D_i – доход, полученный от деятельности персонала i -й группы (соответствует добавленной стоимости, полученной от деятельности персонала определенной группы работников), р.; Z_i – затраты на персонал i -й группы (зарплата с отчислениями во внебюджетные фонды), р.

Коэффициент, характеризующий условия труда $K_{y.t}$, можно определить по формуле

$$K_{y.t} = \sqrt[n]{c_1 c_2 \cdot \dots \cdot c_n}, \quad (2)$$

где n – число факторов, по которым производятся замеры (температура воздуха, уровень освещенности, уровень шума и др.); c – коэффициент, характеризующий соответствие фактического уровня фактора нормативному.

Значение $K_{y.t}$ должно стремиться к единице.

$$c = \frac{c_\phi}{c_n}, \quad (3)$$

где c_ϕ , c_n – фактическое и нормативное значения показателя соответственно.

Коэффициент, характеризующий удовлетворенность персонала различными аспектами трудовой деятельности (уровнем оплаты труда, кругом своих полномочий, обстановкой в коллективе и др.) $K_j^{y.d}$, можно определить по формуле

$$K_j^{y.d} = \frac{\sum B_j^\phi}{\sum B_j^H}, \quad (4)$$

где $\sum B_j^\phi$ – суммарное фактическое значение баллов по j -му показателю по результатам опроса персонала; $\sum B_j^H$ – суммарное нормативное значение баллов по j -му показателю в зависимости от балльности выбранной шкалы.

Для характеристики устойчивости экологической подсистемы можно использовать следующие показатели:

- удельный вес основных производственных фондов по охране окружающей среды в общей стоимости основных производственных фондов предприятия;
- товарную нагрузку на основные производственные фонды по охране окружающей среды $TН_{oc}$

$$TН_{oc} = \frac{ТП}{ОПФ_{oc}}, \quad (5)$$

где ТП – объем товарной продукции за рассматриваемый период; ОПФ_{oc} – средняя стоимость основных производственных фондов по охране окружающей среды за рассматриваемый период;

• соотношение прибыли от реализации продукции и основных производственных фондов по охране окружающей среды Π_{oc}

$$\Pi_{oc} = \frac{\Pi}{ОПФ_{oc}}, \quad (6)$$

где Π – прибыль от реализации продукции; ОПФ_{oc} – средняя стоимость основных производственных фондов по охране окружающей среды за рассматриваемый период;

- показатели оснащенности очистными сооружениями и эффективность их работы;
- показатели, характеризующие структуру текущих затрат на охрану окружающей среды;
- показатели, характеризующие площадь загрязняемой территории, и др.

Устойчивость экономической подсистемы может характеризоваться выручкой от реализации продукции, себестоимостью продукции, структурой себестоимости, коэффициентами ликвидности и платежеспособности, чистой прибылью, сроком окупаемости, рентабельностью и др.

2. На основании выбранных показателей оценивают текущее состояние социальной, экологической и экономической подсистем, определяют текущее значение показателей.

3. Далее определяют планируемые значения данных показателей, которые должны быть достигнуты через определенное время.

4. По истечении определенного срока сравнивают полученные показатели с запланированными и рассчитывают коэффициент Kc_m , характеризующий уровень соответствия фактического показателя плановому для каждой из подсистем:

$$Kc_m = \frac{\Pi_{\phi m}}{\Pi_{плm}}, \quad (7)$$

где $\Pi_{\phi m}$ – фактическое значение m -го показателя; $\Pi_{плm}$ – плановое значение m -го показателя.

Если увеличение выбранного для анализа m -го показателя негативно влияет на деятельность промышленного предприятия, в расчетах необходимо использовать величины, позволяющие правильно оценить коэффициент соответствия m -го показателя: чем больше значение данного коэффициента, тем лучше для предприятия.

5. Далее определяют уровень устойчивости развития подсистемы. Для этого рассчитывают показатель устойчивости $K_{уст}$ каждой из трех подсистем:

$$K_{уст} = \frac{\sum_1^m Kc_m}{m}, \quad (8)$$

где m – количество показателей, по которым проводилась оценка устойчивости; $\sum_1^m K_{сm}$ – суммарное значение коэффициентов соответствия показателей, по которым оценивалась устойчивость.

6. Определяют уровень устойчивости каждой подсистемы, который зависит от коэффициента устойчивости: $K_{уст} = 0,85$ и более – очень высокий; $0,65 \dots 0,849$ – высокий; $0,5 \dots 0,649$ – средний; $0,35 \dots 0,499$ – низкий; $0,349$ и менее – очень низкий. Установление граничных значений коэффициента устойчивости основано на необходимости соответствия показателей предприятия за рассматриваемый период запланированным показателям. Чем лучше соответствие, тем устойчивее развитие предприятия относительно запланированных целей, разработанных его руководством. Чем чаще проводится оценка уровня устойчивости, тем лучше просматривается динамика деятельности предприятия и тем выше вероятность верного прогноза дальнейшего развития и выбора адекватных целей и направлений данного развития.

Желаемые значения рассматриваемых показателей должны устанавливаться с учетом изменений во внешней среде и влияния ее факторов (экономических, политических, социальных, экологических и международных).

Определение показателей устойчивости для отдельных подсистем предприятия позволяет выявить проблемы каждой из них с помощью анализа соответствующих показателей, разработать мероприятия по их улучшению и снижению связанных с ними рисков. Определение показателя устойчивости промышленного предприятия позволяет руководству отслеживать динамику изменения устойчивости, а следовательно, разрабатывать и реализовывать мероприятия по повышению или поддержанию достигнутого уровня устойчивости.

Согласно принципу наименьшей устойчивости, «суммарная устойчивость комплекса – это сложный результат частичных устойчивостей различных частей этого комплекса» [2]. Любая цепь – механическая, логическая или другая – разрушается, если рухнет ее наиболее слабое звено. Таким образом, уровень устойчивости системы в целом (промышленного предприятия) будет определяться наименьшим из значений коэффициентов устойчивости подсистем, т. е. устойчивость предприятия в целом $K_{уст}^{пром. пр}$ будет определяться наименьшим из трех показателей уровня устойчивости подсистемы:

$$K_{уст}^{пром. пр} = \min(K_{уст}^{соц}, K_{уст}^{экол}, K_{уст}^{экон}), \quad (9)$$

где $K_{уст}^{соц}$, $K_{уст}^{экол}$, $K_{уст}^{экон}$ – коэффициенты устойчивости социальной, экологической и экономической подсистем.

Используем предложенную методику для определения устойчивости подсистем ОАО «МХК «Еврохим» – крупнейшего российского производителя минеральных удобрений. Исходными данными являются данные об устойчивом развитии и финансовая отчетность предприятия. В табл. 2 и 3 приведены показатели, характеризующие социальную и экологическую подсистемы предприятия ОАО «МХК «Еврохим»». Данные за 2012–2014 гг. приняты из отчетности предприятия, размещенной на официальном сайте [11]. Планируемые значения за 2014 г. рассчитаны на основе темпов роста соответствующих показателей за предыдущие периоды. Фактические показатели на 2014 г. определены с учетом темпов роста за предыдущие периоды и экономической ситуации

в 2014 г. Коэффициент соответствия рассчитан для каждого показателя по формуле (7) на основе фактических и плановых данных за 2014 г.

Таблица 2

Показатели социальной подсистемы предприятия ОАО «МХК «Еврохим»» (2012–2014 гг.)

Показатели	2012	2013	2014 (факт)	2014 (план)	Коэффициент соответствия m -го показателя $K_{с_m}$
Среднесписочная численность, чел.	22119	22327	22527,943	22550,27	0,999
Снижение текучести кадров в производственных подразделениях, %		0,4	0,4	0,4	1,000
Производство основной продукции на сотрудника	1471	1603	1700	1747	0,973
Количество сотрудников – участников программ профессиональной подготовки, чел.	12607	14280	16175	16175	1,000
Количество участников программы «Молодые специалисты», чел.	300	325	350	350	1,000
Расходы на персонал, млн р.	16499	19017	20700	21191	0,977
Процент женщин, занимающих руководящие должности, %	39	41	42	43	0,977
Процент сотрудников – женщин, %	30	30	30	31	0,968
Переменные затраты на оплату труда, млн р.	3562,7	4796,2	5866	6456,8	0,908
То же постоянные, млн р.	12936,3	14220,8	15000	15632,8	0,960
Среднемесячная заработная плата одного среднесписочного сотрудника, р./мес.	41068	48283	52360	56766	0,922
Изменение среднемесячной заработной платы, %	17	17,6	13,5	17,6	0,767
Итого					11,451

Таблица 3

Показатели экологической подсистемы предприятия ОАО «МХК «Еврохим»» (2012–2014 гг.)

Показатели	2012	2013	2014 (факт)	2014 (план)	Коэффициент соответствия m -го показателя $K_{с_m}$
Затраты на охрану окружающей среды, млрд р.	1,3	1,16	1,16	1,3	0,892
Снижение потребления энергии на тонну продукции, %	-	-	3,5	4	0,875
То же свежей воды на тонну продукции, %	-	6	5,4	6	0,900
Снижение выбросов в атмосферу на тонну продукции, %	-	0	2,7	3	0,900
Снижение сбросов сточных вод на тонну продукции, %	-	6,1	5,4	6,1	0,885
Итого					4,452

В табл. 4 приведены показатели, характеризующие экономическую подсистему ОАО «МХК «Еврохим». Данные за 2012–2014 гг. – показатели из отчетности предприятия, размещенной на официальном сайте [11]. Планируемые значения за 2014 г. рассчитаны на основе темпов роста соответствующих показателей за предыдущие периоды. Коэффициент соответствия рассчитан для каждого показателя по формуле (7) на основе фактических и плановых данных за 2014 г.

Таблица 4

Показатели экономической подсистемы предприятия ОАО «МХК «Еврохим» (2012–2014 гг.)

Показатели	2012	2013	2014 (факт)	2014 (план)	Коэффициент соответствия m -го показателя $K_{с_m}$
Выручка, тыс. р.	1455658	1587072	2127406	1730349,80	1,229
Себестоимость продаж, тыс. р.	1384261	1551325	2041377	1738551,66	1,174
Прибыль до налогообложения, тыс. р.	20808935	29485104	45396444	41778753,11	1,087
Чистая прибыль, тыс. р.	20591476	29930815	46655547	43506045,25	1,072
Базовая прибыль на акцию, тыс. р.	303	440	686	638,94	1,074
Коэффициент платежеспособности	1,00	1,14	1,00	1,29	0,780
Снижение коэффициентов ликвидности, %:					
текущей	-	29,25	36,62	29,25	1,250
срочной	-	31,18	38,59	31,18	1,240
абсолютной	-	30,40	65,31	30,40	2,150
Итого					11,056

Коэффициенты текущей, срочной и абсолютной ликвидности были достаточно высокими (в 2012–2013 гг. – 5...9), что может свидетельствовать о нерациональной структуре капитала, слишком высокой доле неработающих активов в виде наличных денег и средств на счетах. Снижение данных показателей свидетельствует о повышении эффективности деятельности промышленного предприятия.

Далее рассчитывают показатели устойчивости каждой из трех подсистем по формуле (8) и определяют уровень их устойчивости. По расчетам, он будет очень высоким для социальной подсистемы при $K_{уст} = 0,954$, экологической – 0,891, экономической – 1,228.

Полученные данные свидетельствуют о высоком уровне устойчивости всех подсистем предприятия. Устойчивость предприятия ОАО «МХК «Еврохим» в целом определим в соответствии с принципом наименьшей устойчивости по формуле (9):

$$K_{уст}^{пром. пр} = \min(0,954; 0,891; 1,228).$$

Отсюда следует, что коэффициент устойчивости ОАО «МХК «Еврохим» равен 0,891 – это очень высокий уровень. Однако для повышения устойчивости социальной

и экономической подсистем необходимо проведение специальных мероприятий. Таким образом, предложенная методика исследования уровня устойчивости подсистем промышленного предприятия позволит решить актуальную проблему определения и отслеживания динамики изменения устойчивости всего предприятия. Это поможет руководству разработать и реализовать мероприятия, направленные на повышение или поддержку уровня устойчивости. Методика применялась в ОАО «МХК «Еврохим». Проведенные расчеты показали, что как отдельные подсистемы, так и предприятие в целом обладают очень высокой устойчивостью.

Список литературы

1. Анализ хозяйственной деятельности в промышленности / Л. Ермолович [и др.]; под ред. Л. Ермолович. – Минск: Современная школа, 2010. – 800 с.
2. Минько, Э. В. Организация коммерческой деятельности промышленного предприятия: учеб. пособие / Э. В. Минько, А. Э. Минько; под ред. А. В. Самойлова. – М.: Финансы и статистика, 2010. – 608 с.
3. Нив, Г. Организация как система. Принципы построения устойчивого бизнеса Эдварда-са Деминга / Г. Нив. – М., 2007.
4. Основы антикризисного управления предприятиями / Н. Кожевников [и др.]; под ред. Н. Кожевникова. – М.: Academia, 2010. – 496 с.
5. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России / рук. авт. колл. Н. Ф. Глазовский. – М., 2002.
6. Шеремет, А. Д. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятий: учебник / А. Д. Шеремет. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 357 с.
7. Балашов, А. И. Формирование региональной инновационной системы в Санкт-Петербурге / А. И. Балашов, Е. М. Рогова, И. А. Рудская // Экономическое возрождение России. – 2015. – №1 (43). – С. 96–114.
8. Викуленко, А. Е. Закономерности управления инновационным функционированием системы / А. Е. Викуленко // Менеджмент, маркетинг, планирование, интегрирование, управление предприятиями и организациями: сб. науч. тр. науч.-практ. конф. «Экономика и менеджмент» / под ред. П. П. Табурчака; СПбГТИ (ТУ). – СПб.: Тандем, 2014. – Вып.10. – С. 52–58.
9. Кондрашова, Е. А. Инновационное развитие российских предприятий: методический аспект / Е. А. Кондрашова, А. П. Табурчак // Менеджмент, маркетинг, планирование, интегрирование, управление предприятиями и организациями: сб. науч. тр. науч.-практ. конф. «Экономика и менеджмент» / под ред. П. П. Табурчака; СПбГТИ (ТУ). – СПб.: Тандем, 2014. – Вып.10. – С. 85–97.
10. Сайт Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/index.html>
11. Сайт предприятия ОАО «МХК «Еврохим». – Режим доступа: <http://www.eurochemgroup.com/ru/>
12. Сайт SCI-ARTICLE. Публикация научных статей. – Режим доступа: http://sci-article.ru/stat.php?i=ponyatie_ustoychivogo_razvitiya_promyshlennogo_predpriyatiya

Статья представлена в научно-редакционный совет 15.09.2015 г.

Г. А. Ефимова¹, О. В. Осипова², П. Е. Булгаков³

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ АГРАРНОЙ ЭКОНОМИКИ

Реиндустриализация аграрной экономики и ее базовой отрасли – сельского хозяйства, формирующего агропродовольственные рынки, продовольственную и экономическую безопасность страны, как средство воспроизводства ресурсного потенциала и обеспечения гарантий национальной безопасности России не исчерпывает стратегических целей современных аграрных реформ, направленных на улучшение качества жизни сельского населения и повышение социально-экономических стандартов развития АПК.

Годы реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК», сопровождавшиеся беспорядочным ростом государственной поддержки и одновременным сокращением производственного потенциала АПК, подтвердили ошибочность выбранного курса реформ (табл. 1).

Таблица 1

**Некоторые показатели деятельности сельскохозяйственных предприятий РФ
(сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство) (по данным Росстата)**

Показатель	2005	2008	2009	2012	2013	2014
Число организаций (на конец года), тыс.	300,7	233,6	207,6	169,4	158	149,6
Продукция сельского хозяйства, млрд р.	1380,9	2461,4	2515,9	3339,2	3687,1	4225,6
Среднегодовая численность работников, млн чел.	7,4	6,7	6,6	6,5	6,2	6,2
Посевная площадь, млн га	60,5	58,4	58,6	55,7	56,1	55,3
Рентабельность проданной продукции, товаров, услуг, %	6,7	10,0	7,8	10,7	6,3	18,4

Сокращение производственного потенциала и парадоксальный рост рентабельности проданной продукции объясняются эффектом масштаба [1].

Монополизация аграрной экономики допускает индустриализацию [2] лишь в определенной степени и для особо избранных, а на общественном уровне дорога к индустриальному развитию перекрыта (табл. 2). Барьеры заложены в первую очередь в социальную сферу: под прикрытием оптимизации уничтожены зачатки социальной инфраструктуры – тысячи населенных пунктов обречены.

¹ Галина Анатольевна Ефимова, зав. кафедрой экономики Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, д-р экон. наук, профессор.

² Ольга Валентиновна Осипова, доцент кафедры экономики и организации в АПК Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, канд. с-х. наук.

³ Павел Евгеньевич Булгаков, доцент Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, канд. экон. наук.

Таблица 2

**Парк основных видов техники в сельскохозяйственных организациях¹
(на конец года), тыс. штук (по данным Росстата)**

Показатели	1992	2000	2005	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Тракторы ²	1290,7	746,7	480,3	330,0	310,3	292,6	276,2	259,7	247,3
Плуги	460,3	237,6	148,8	94,7	87,7	81,9	76,3	71,4	67,8
Культиваторы	541,6	260,1	175,5	127,1	119,8	114,1	108,7	102,2	97,9
Сеялки	582,8	314,9	218,9	144,2	134,0	123,6	115,4	107,5	100,7
Комбайны:									
зерноуборочные	370,8	198,7	129,2	86,1	80,7	76,6	72,3	67,9	64,6
кукурузоуборочные	10,0	4,4	2,2	1,1	1,1	0,9	0,8	0,7	0,7
кормоуборочные	120,1	59,6	33,4	21,4	20,0	18,9	17,6	16,1	15,2
картофелеуборочные	30,9	10,0	4,5	3,0	2,9	2,8	2,7	2,6	2,4
льноуборочные	8,5	3,2	1,8	0,9	0,7	0,7	0,6	0,5	0,4
Свеклоуборочные машины (без ботвоуборочных)	24,7	12,5	7,2	3,6	3,2	3,1	2,8	2,5	2,4
Косилки	208,2	98,4	63,9	44,1	41,3	39,3	37,5	35,6	33,9
Пресс-подборщики	79,5	44,0	32,4	24,7	24,1	24,2	23,7	22,7	21,9
Жатки валковые	218,7	85,2	46,9	29,5	27,0	25,2	23,6	22,3	21,2
Дождевальные и поливные машины и установки	69,5	19,2	8,6	5,7	5,4	5,3	5,2	5,2	5,7
Разбрасыватели твердых минеральных удобрений	111,3	34,3	19,7	17,0	16,6	16,5	16,3	15,8	15,8
Машины для внесения в почву органических удобрений:									
твердых	80,0	22,0	10,9	6,9	6,5	6,1	5,6	5,2	5,1
жидких	38,6	12,1	5,8	4,1	3,9	3,8	3,7	3,6	3,7
Опрыскиватели и опыливатели тракторные	88,6	32,5	24,6	23,4	23,2	23,2	23,1	22,7	23,1
Доильные установки и агрегаты	197,5	88,7	50,3	33,2	31,4	30,1	28,6	27,3	26,3

¹ С 2009 г. – без учета микропредприятий.

² Без тракторов, на которых смонтированы землеройные, мелиоративные и другие машины.

Социальная неустроенность приводит к обезлюдиванию сельских территорий, что обесценивает производственный потенциал, препятствуя развитию производства. В РФ количество обезлюденных сельских поселений неуклонно растет: в 2002 г. их было 13086, а в 2010 г. – уже 19416. В Ленинградской области из 2882 сельских поселений 151 без населения. Сбываются предсказания академика В. В. Милосердова [3]: тенденция вымирания сельского населения и угроза потери социального контроля

за территорией РФ. Этот процесс втягивает аграрную экономику в деиндустриальную ловушку. Поэтому идея реиндустриализации безотносительно социально-экономических и инновационных ориентиров приобретает схоластические признаки.

В отечественном сельском хозяйстве наглядно прослеживаются результаты неэффективного управления: низкая конкурентоспособность (в сравнении с зарубежными участниками рынка продовольствия) и продолжающаяся деградация социальной сферы села. Не внесла коренного перелома в ситуацию и Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (2013–2020 гг.). Так, объем ресурсного обеспечения поддержки молочного скотоводства из федерального бюджета за 2008–2014 гг. составил 157 млрд рублей. При этом до 2013 г. включительно объем выделяемых средств был динамично растущим – поддержка осуществлялась в форме субсидирования инвестиционных кредитов.

Директор Департамента животноводства и племенного дела В. В. Лабинов на конференции Российского союза предприятий молочной отрасли отметил: «Эта мера поддержки претерпела на протяжении последних лет коррекцию, государство в настоящее время имеет обязательства по субсидированию инвестиционных кредитов, которые направляются на молочное животноводство сроком до 15 лет и со 100 %-ной ставкой рефинансирования. Вторая форма поддержки – это субсидирование одного килограмма произведенного молока и поддержка племенного животноводства» [4].

Предполагается с 2016 г. более чем в два раза поднять уровень поддержки племенного животноводства. Отмечается рост в динамике доли племенных хозяйств на 12,5 % по отношению к общему поголовью, тем не менее до сих пор не обеспечивается потребность Российской Федерации в ресурсах племенного молодняка и маточного поголовья. Следовательно, доля племенных хозяйств должна расти, как и реализация племенного молодняка. В то же время механизмы поддержки должны быть более жестко привязаны к выполнению племенными заводами обязательств по поставкам племенного материала: каждое племхозяйство должно получать столько, сколько оно может сделать для развития данной сферы. Значение этой доли может быть вычислено с помощью инновационной ренты в молочном скотоводстве.

За период 2008–2014 гг. изменилась племенная карта РФ. Сегодня в целом ряде субъектов (например, в Ленинградской области) доля племенного поголовья достигает 72 %. Однако есть регионы, где менее 5 % племенных животных. Многие специалисты отмечают падение ввоза скота по импорту, тем не менее почти 40 000 голов было ввезено в 2014 г. – своего племенного молодняка отечественным товаропроизводителям явно не хватает. По имеющимся данным, общая потребность составляет 120 000 голов. При наличии племенной базы в миллион коров данный спрос должен удовлетворяться. Возникает вопрос, насколько достоверны приводимые данные об объемах производства отечественного племенного скота?

По данным минсельхоза Рязанской области, до конца 2015 г. хозяйства региона должны закупить в Дании и Германии более 2,6 тыс. голов КРС молочных и мясных пород. Так поступают аграрии из многих регионов России – такой подход ведущие производители практикуют уже много лет. Специалисты «Русмолко» пришли к выводу, что инвестиции в создание собственного центра по воспроизводству стада более выгодны – выращивание ремонтного молодняка на 35 % дешевле его поставки из-за рубежа. Многие агрохолдинги задумываются о создании селекционно-генетических центров. «Импортные породы КРС плохо приспособлены к российским кормам,

требуют длительного периода адаптации к местному климату (280...320 дней), в результате гибель импортного скота в первые 1,5 года достигает 30 %», – констатирует аналитик ИФК «Солид» Елена Юшкова. Необходимо развивать отечественную селекцию, основанную на генетическом отечественном и зарубежном материале. В этом случае российские породы КРС могут стать привлекательнее иностранных.

Без отечественной селекции не будет производства в личных подсобных хозяйствах и небольших фермах, которые в некоторых регионах обеспечивают большую часть производства в животноводстве (например, в Ростовской области в них производится 80 % молока). Импортные животные и применение зарубежных технологий содержания маленьким фермам не по карману, поэтому они работают со старой отечественной селекцией [5]. Сохранение отечественной селекции – залог сохранения российских сел и защиты АПК от монополии агрохолдингов. Минсельхоз пытается решить проблему, создавая в стране сеть селекционно-генетических центров. Один такой центр в животноводстве стоит 2 млрд рублей. До 2020 г. на их строительство потратят, как минимум, 12 млрд рублей. К этому времени должно быть создано не менее трех селекционно-генетических центров в молочном животноводстве. Однако это еще только проект, и эксперты пока не могут оценить эффект от его реализации.

Необходимо создание стратегических научно обоснованных моделей с социально-экономическими и инновационными ориентирами реиндустриализации на основе конкурентоориентированной концепции развития отраслей. Инновационные и социально-экономические ориентиры развития АПК являются результатом действия рентного механизма в системе распределения доходов, что обуславливает необходимость оптимизации не затрат, а рентных доходов. Социализация социальной ренты и капитализация инновационных рентных доходов при сглаживании стартовых условий развития субъектов агробизнеса определяют стратегические ориентиры не схоластической, а реальной реиндустриализации аграрной экономики в России.

Список литературы

1. *Ефимова, Г. А.* Экономический анализ межрегиональной социально-экономической дифференциации сельских территорий / Г. А. Ефимова, Г. А. Исаев // Известия Международной академии аграрного образования. – СПб. – 2012. – № 14. Т. 2. – С. 67.
2. *Харрисон, Ф.* Политические и экономические последствия приватизации земельной ренты / Ф. Харрисон // Проблемы современных земельных отношений в России: материалы конф. – Лондон; Санкт-Петербург: Совет по земельной политике, 1996.
3. *Милосердов, В. В.* Что ожидает сельское хозяйство от вступления России в ВТО? / В. В. Милосердов, К. В. Милосердов // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2012. – № 6. – С.13.
4. *Новиков, А.* Конференция РСРМО 18 марта 2015 г. / А. Новиков, Н. Докучаев // Проблемные вопросы развития молочной отрасли в Российской Федерации. – Режим доступа: <http://1001 tema.ru/p/konferenciya-rsrm-18-marta-2015-goda>
5. *Дашковский, И.* Импорт против импорта: зарубежная селекция сыграет на руку импортозамещению / И. Дашковский. – Режим доступа: <http://www.agroinvestor.ru/technologies/article/22323 -import-protiv-importa/full/>

Статья представлена в научно-редакционный совет 12.11.2015 г.

О. О. Комолов¹

КРУПНЫЙ И МАЛЫЙ БИЗНЕС: РОЛЬ И МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Сегодня средний и малый бизнес (СМБ) модно называть опорой экономики, которая создает рабочие места, способствует формированию конкурентной среды и инновационному экономическому развитию. Даже в научной литературе нередко говорится об эффективности малого бизнеса «в области технологического прогресса» [8, с. 343]. Отмечается, что благодаря «огромному потенциалу» СМБ является «локомотивом всех тех экономических процессов, которые сегодня проистекают в экономике, и основой для устойчивого развития экономики любой страны» [9, с. 185]. Предприятия малого и среднего бизнеса порой наделяют исключительными свойствами, считая, что «... они составляют большую часть предприятий, обеспечивают гибкость и мобильность производства, его высокую ориентацию на спрос потребителя» [4, с. 43].

На наш взгляд, утверждения такого рода справедливы лишь отчасти. Реалии же таковы: системообразующими для современной экономики являются крупные корпорации – именно от них зависит экономическое развитие общества, и эта зависимость год от года только растет. Академик Л. И. Абалкин отмечал: «В большинстве развитых стран – будь то США или Германия, Япония или Корея – каркас их экономики, основу их могущества и влияния образуют крупные корпорации, финансово-промышленные группы, а на мировом рынке – транснациональные корпорации» [1, с. 674]. Очевидны преимущества крупных компаний и в инновационной сфере отмечает доктор экономических наук В. И. Суслов [7, с. 22]. Кроме того, по современным оценкам, все большую роль в инновационном развитии экономики играют ТНК, влияние которых на развитие инновационных технологий «оказывается весьма значительным, а во многих отраслях определяющим» [10, с. 19].

Важно отметить, что тенденция к укрупнению предприятий, постепенно вытесняющих более мелких конкурентов, является объективным явлением. Вопрос повышения роли крупных компаний еще в начале XX в. рассматривали Гильфердинг, Лифман, Ленин и др. Последний особый акцент делал на закономерность процесса концентрации и централизации капитала, который ведет к монополизации экономики и, как следствие, отрицает конкуренцию: «Десятки тысяч крупнейших предприятий – все; миллионы мелких – ничто» [5, с. 391]. Тем самым в экономике формируются условия для обобществления средств производства и логичного перехода от рыночных механизмов хозяйствования к плановым. В целом, с тех пор ситуация принципиально не изменилась, по крайней мере обозначенный Лениным общий тренд сохраняется и сегодня.

Впрочем, малый и средний бизнес действительно может играть важную, но отнюдь не ведущую роль в экономике. Он помогает решить проблемы занятости в условиях кризиса, способен заполнять рыночные ниши, не тронутые крупным бизнесом.

¹*Олег Олегович Комолов, младший научный сотрудник Центра исследований международной макроэкономики Института экономики РАН.*

Он даже может генерировать новые идеи и быть инновационным. Но считать малые предприятия драйвером экономического и технологического развития страны – как минимум, преувеличение. Попробуем доказать это на примере экономики США.

Прежде всего, определимся с понятиями. Что представляет собой малый бизнес? Управление по делам малых предприятий США относит к нему частные коммерческие учреждения с количеством работников менее 500 человек (речь идет о категории SME – small and medium business). Предприятия с большим штатом принято относить к крупным [18]. Впрочем, в разных странах существуют свои методы ранжирования компаний. Например, в России и ЕС малым считается предприятие с численностью работников до 250 человек, в Китае – до 2000 человек. В Индии ключевым фактором является не количество работников, а годовой товарооборот компании [19]. Отметим, что в некоторых случаях государственная статистика США ранжирует компании по объему активов: от самой малой группы (250 тыс. ... 10 млн долларов) до гигантов (более 1 млрд долларов).

В рамках данной работы в целях упрощения мы объединим понятия малого и среднего бизнеса общим термином «малый», противопоставляя их крупным компаниям. В 2012 г. в США функционировали 5 726 160 компаний, 99,7 % из которых являются предприятиями малого бизнеса, крупных компаний – не более 0,3 %. С 1970 до 2014 г. доля активов крупнейших корпораций США в обрабатывающей промышленности (с активами более 1 млрд долларов) увеличилась почти на 40 процентных пунктов. Параллельно росла доля извлекаемой прибыли (рис. 1).

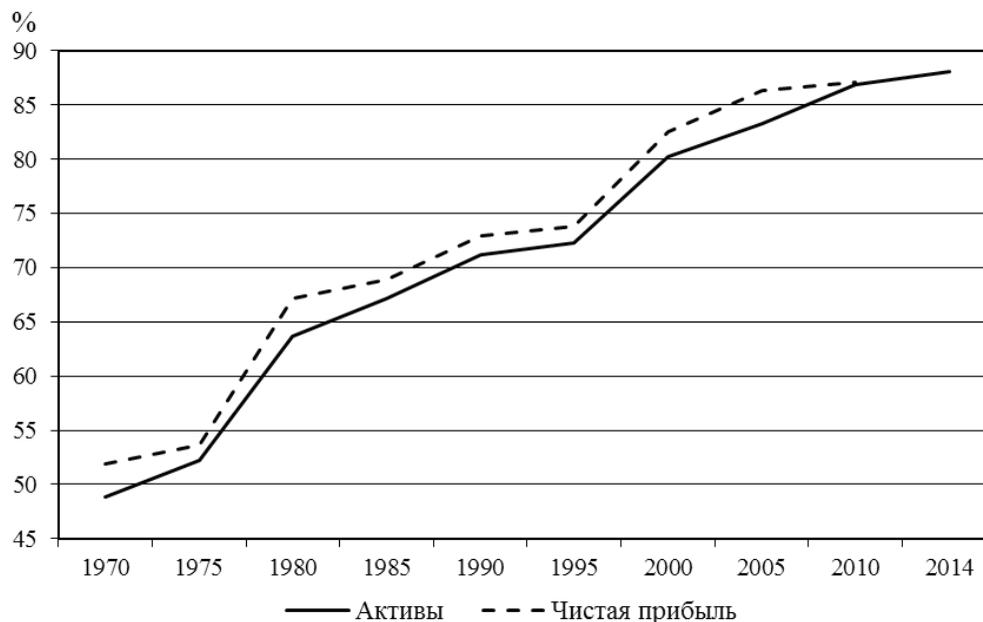

Рис. 1. Доля компаний с активами свыше 1 млрд долларов в обрабатывающей промышленности США (составлено автором по данным: Statistical Abstract of the United States 1989. P. 536; 1997. P. 553; 1999. P. 570; 2001. P. 500; 2002. P. 494; 2004–2005. P. 640; 2010. Table 987., Historical QFR Data Manufacturing, Mining, Trade, and Selected Service Industries. 2014)

Можно констатировать, что 847 крупнейших корпораций (0,33 %) сконцентрировали у себя 88,7 % всех активов отрасли. За тот же период доля предприятий из самой малой группы снизилась с 11,9 до 1,9 %.

Перейдем к проблеме занятости, где важная роль СМБ просматривается яснее всего. Так, в 2012 г. на его долю приходилось 48,4 % всех занятых в экономике, а на крупные компании – 51,6 %, т. е. почти поровну. Но давайте посмотрим на этот показатель в динамике (рис. 2).

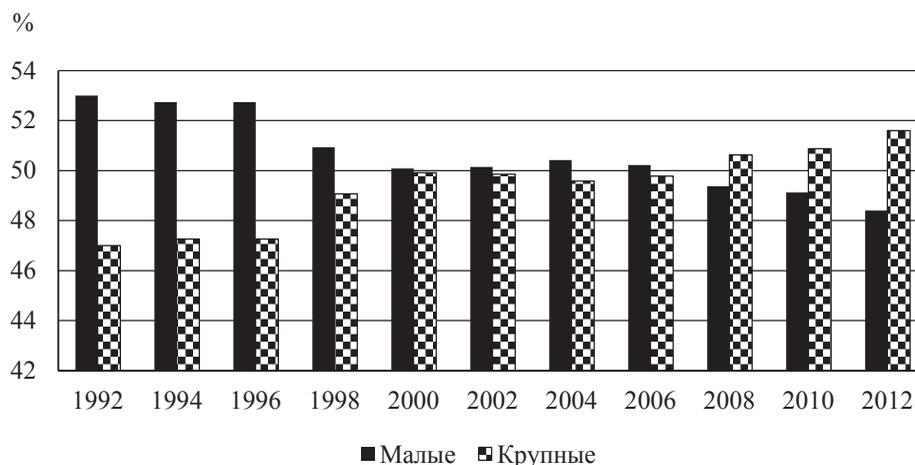

Рис. 2. Доля работников, занятых в крупных и мелких компаниях США (составлено автором на основании данных US Census Bureau. 2012. Statistics of US Businesses)

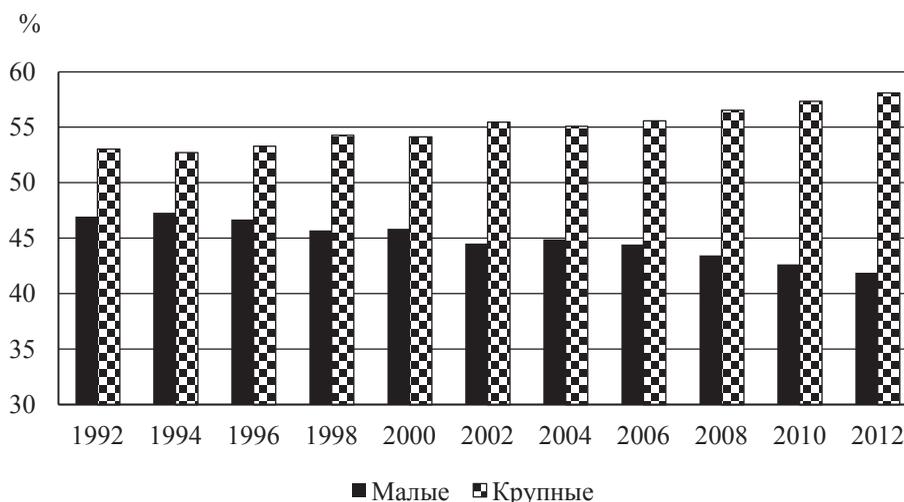

Рис. 3. Доля крупных и мелких компаний в общем годовом фонде заработной платы (составлено автором на основании данных US Census Bureau. 2012. Statistics of US Businesses)

Как видим, на протяжении последних 20 лет роль малого бизнеса в обеспечении занятости населения стабильно падала (с 53 до 48,4 %), а роль крупного стабильно росла (с 46,9 до 51,6 %). Логично, что за это время изменилась и доля общего фонда заработной платы, приходящаяся на компании малого и среднего бизнеса (с 46,9 до 41,8 %), в то время как доля крупного бизнеса выросла на 5 процентных пунктов, достигнув уровня в 58,1 % к 2012 г. (см. рис. 3).

Годовой фонд заработной платы в расчете на одного работника (условно назовем это средней зарплатой) у крупных компаний оказался выше, чем у малых – 54,6 тыс. долларов против 40,4 тыс. долларов. В динамике картина выглядит следующим образом (рис. 4). Как видим, за 20 лет разрыв увеличился на 3 %.

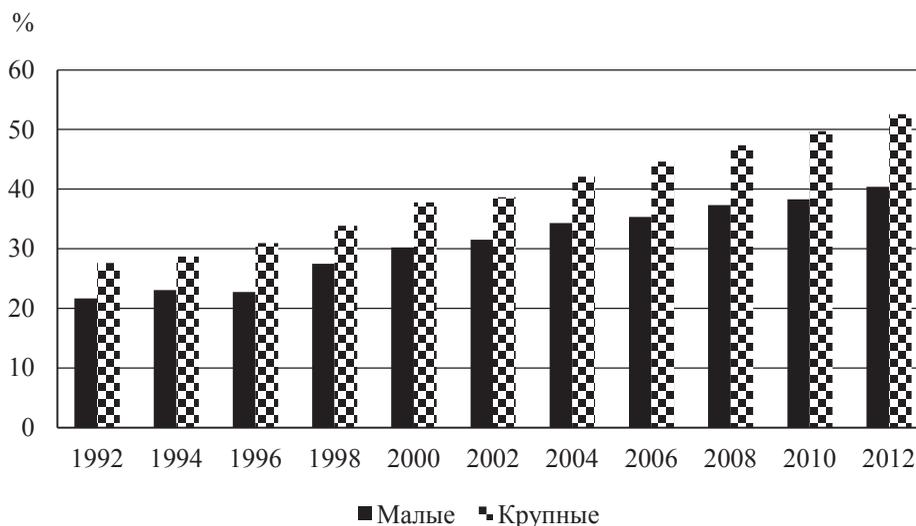

Рис. 4. Годовой фонд заработной платы на 1 работника в США (малые и крупные компании (составлено автором на основании данных US Census Bureau. 2012. Statistics of US Businesses)

В США индивидуальный предприниматель, работающий на протяжении 10 лет, зарабатывает на 35 % меньше, чем если бы трудился по найму. По истечении 25 лет предпринимательской деятельности эта разница снижается до 25 % [15, с. 604]. И это при условии, что самозанятые работают больше часов в неделю, чем наемные работники. Подчеркнем, что индивидуальные предприятия, работающие без найма рабочей силы, составляют 79,9 % от всего малого бизнеса США [24].

Кроме более высоких зарплат работники крупных компаний имеют доступ к более качественному социальному обеспечению. Так, в компаниях со штатом больше 500 человек 68 % работников участвуют в корпоративных программах льготного медицинского обслуживания, в то время как в малых предприятиях этот показатель составляет всего 44,3 % [21].

Вопрос занятости населения тесно связан с проблемой устойчивости компании к конъюнктурным потрясениям, поскольку при разорении предприятия ее работники оказываются не у дел. В этом отношении малый бизнес демонстрирует несколько большую жизнеспособность (рис. 5).

В предкризисном 2006 г. малый бизнес давал 70 % прироста вакансий. А в разгар экономических потрясений 2008–2009 гг., когда Америка потеряла более 9 млн рабочих мест, его доля в общем снижении занятости составляла только 59 % [21]. В этом важная социальная роль малого предпринимательства – обеспечение занятости в сложных экономических условиях. В силу большей мобильности, а также простоты запуска малое предприятие способно более оперативно реагировать на изменившиеся реалии, подстраиваться под них, приспосабливаясь к новым условиям. Это касается не только периода общей рецессии. Малые предприятия могут обеспечить общество некоторым количеством рабочих мест в отдаленных малонаселенных территориях, куда редко заглядывают крупные корпорации из-за низкой рентабельности бизнеса.

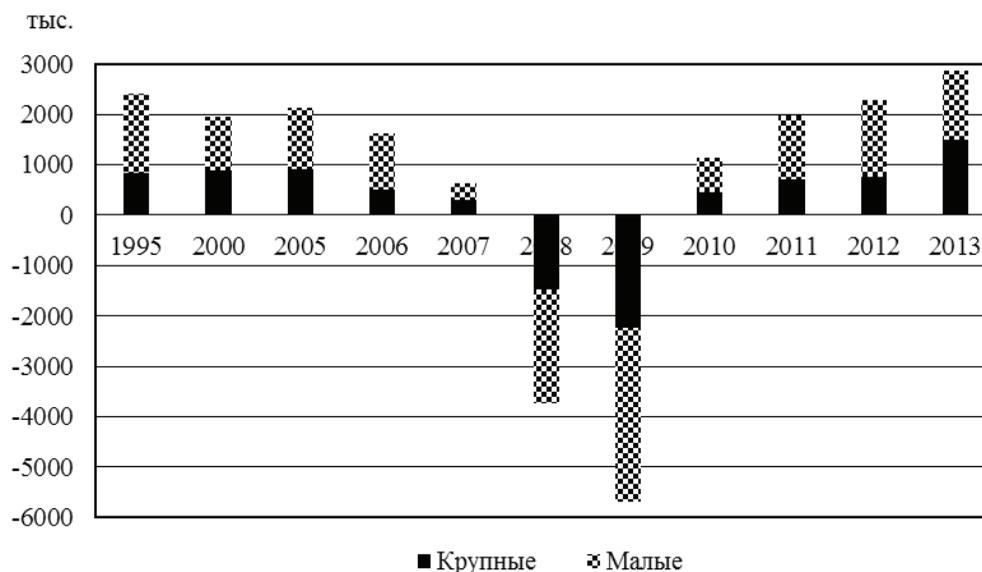

Рис. 5. Чистый прирост рабочих мест в экономике США по размеру компаний (составлено автором на основании данных Small Business Quarterly Bulletin Fourth Quarter. 2010; Second Quarter. 2014 URT: <https://www.sba.gov/advocacy/small-business-quarterly-bulletins>)

Индивидуальное предпринимательство позволяет наименее защищенным слоям населения (пенсионерам, инвалидам, матерям-одиночкам, мигрантам) улучшить свое материальное положение. Так, в США предпринимательство без найма рабочей силы становится все более популярным среди граждан пенсионного возраста. С 2002 по 2012 г. доля лиц старше 65 лет в этом сегменте экономики выросла на 66 % [14]. А вот как выглядит ситуация с распространенностью малого бизнеса в мире (рис. 6). В первой десятке за 2014 г. можно встретить такие страны, как Уганда (28,1 %), Камерун (13,7 %), Ангола (12,4 %), Ямайка (11,9 %), Ботсвана (11,1 %) и пр., не входящие даже в первые 50 строчек рейтинга по уровню развития предпринимательства, инновационной активности и равенству возможностей (рейтинг Legatum Institute 2014 г. [23]). В последней десятке перечня – мировые лидеры: Германия (2,3 %), Швеция (1,9 %), Франция (1,7 %), Япония (1,3 %), Италия (1,3 %). Менее развитым странам малое

предпринимательство помогает решить проблему занятости и защитить общество от губительных последствий безработицы: роста преступности, самоубийств, демографического дисбаланса. Однако это преимущество имеет и обратную сторону. Большая часть человеческого потенциала в сфере малого предпринимательства задействована в архаичных формах хозяйствования, представляющих наиболее отсталую и консервативную часть экономики: извоз, мелкая торговля и общепит, ремесло, бытовые услуги и т. д.

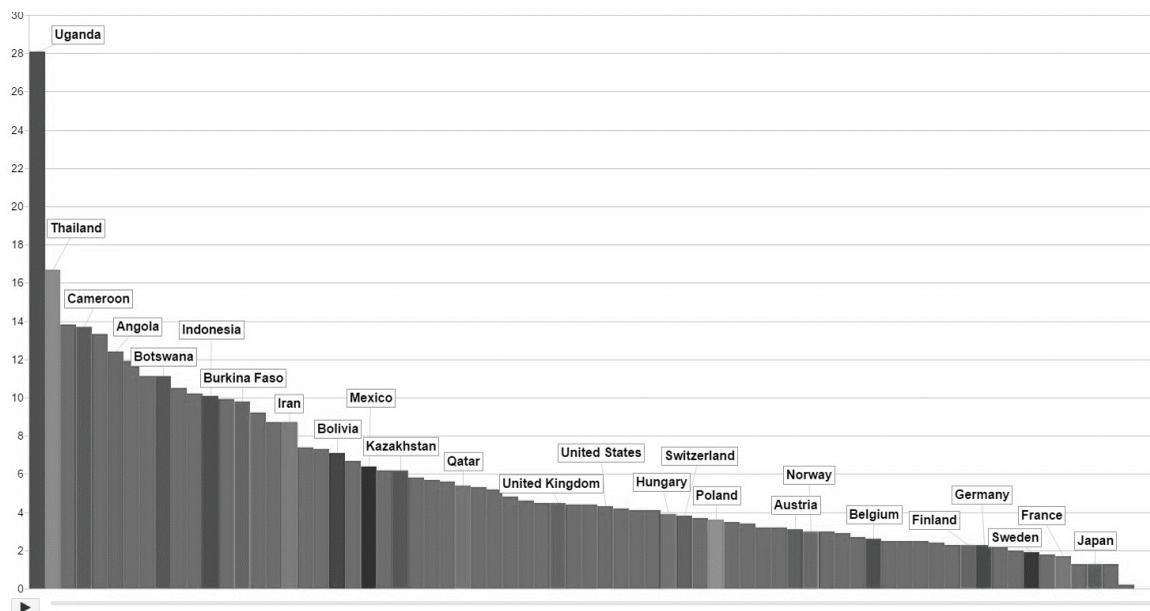

Рис. 6. Доля начинающих предпринимателей в возрасте от 18 до 64 лет в странах мира (источник: Global Entrepreneurship research association URL: <http://www.gemconsortium.org/visualizations>)

Перейдем к оценке роли СМБ и крупного бизнеса с точки зрения инновационной активности. Малый бизнес может быть инновационным, изрядная доля новых технологий, в том числе конвертированных в высокие прибыли, появилась именно в этой среде. Однако такие примеры, как Apple, Microsoft и Google, в мире единичны, более того, они сконцентрированы в весьма узком секторе IT-технологий.

Разработка и реализация прорывных технологий: новый двигатель для ракеты, процессор для компьютера и т. д. – все это способны создать лишь крупные корпорации, имеющие возможность диверсифицировать научные исследования, разрабатывая одновременно несколько направлений; привлекать к решению поставленной задачи лучших специалистов из разных областей знания. Они могут концентрированно направлять в НИОКР гигантские материальные, финансовые, технологические и интеллектуальные ресурсы. Так, в 2014 г. компания Volkswagen приняла решение в ближайшие 5 лет вложить в развитие новых технологий 85,6 млрд евро – сумму, сравнимую с годовым ВВП небольшого европейского государства. Южнокорейская корпорация Samsung, занимающаяся производством телекоммуникационного оборудования, бытовой техники, аудио- и видеоустройств, в период с 2010 по 2014 г. инвестировала

в НИОКР 47,1 млрд долларов, швейцарская фармацевтическая компания Roche – 48,3 млрд долларов (около 20 % ее доходов) [22].

Возможности вкладывать средства в НИОКР у крупных корпораций несравнимо выше, чем у предприятий малого бизнеса. Так, средний размер начального капитала в малых компаниях США составляет 30 000 долларов. Впрочем, самые мелкие фирмы и индивидуальные предприниматели (а их, напомним, почти 80 % от всего малого бизнеса США) начинают с суммы в 1 000...5 000 долларов [16]. Малые инновационные компании нередко выполняют научно-исследовательские работы по заказам крупных корпораций. Таким образом, малый бизнес играет вспомогательную роль в инновационном процессе, господство в котором принадлежит крупным компаниям.

В экономике США предприятия малого бизнеса отличаются меньшей инновационной активностью, чем крупнейшие компании. В 2011 г. американские крупные компании выполнили научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на 237,3 млрд долларов за счет собственного и стороннего финансирования [17]. Это составило более 80 % от всех средств, направленных на НИОКР в частном секторе экономики. На малые предприятия пришлось менее 20 % средств.

Статистика подтверждает и более высокую эффективность инновационной деятельности крупных компаний. Так, в 2011 г. среди компаний, осуществляющих научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность во всех отраслях промышленности, на крупные компании пришелся 81 % всех выданных патентов (почти 64 000). При совокупном размере штата крупных компаний 58,4 млн человек [18] получается 1,09 выданных патентов на 1000 работников; у малых предприятий США этот показатель равняется 0,31, т. е. в 3,5 раза меньше.

Говоря о количестве выданных патентов и оценивая на этом основании уровень инновационности компаний, обратим внимание на качественную сторону вопроса. К сожалению, официальная статистика не позволяет с достаточной точностью определить, в какой сфере в наибольшей степени проявлялась инновационная активность СМБ и крупных компаний. Однако некоторые выводы можно сделать по таким косвенным свидетельствам, как доля ВВП по секторам экономики. В 2010 г. крупный бизнес господствовал в добывающей и обрабатывающей промышленности (72 % секторного ВВП), информационных технологиях (88 %) и в сфере услуг (89 %). Доля малого бизнеса в ВВП была максимальной в сферах строительства (88 %), недвижимости и аренды (75 %), искусства и развлечений (69 %) [20]. Если предположить, что предприятия осуществляют наиболее интенсивную инновационную деятельность в отраслях, где их доля в секторном ВВП максимальна, вывод о том, что крупный бизнес в большей степени способствует технологическому прогрессу общества, напрашивается сам собой.

В целом, хорошо прослеживается зависимость между размером компании и уровнем ее инновационной активности (рис. 7). Как видим, чуть более 14 % малых компаний сумели предложить экономике новый товар, а новую технологию в производстве смогли разработать только 9,5 % компаний. В то же время 40,1 % крупнейших корпораций с количеством работников более 25 тыс. человек представили новую продукцию, а 34,2 % разработали новые технологии, алгоритмы и методы.

Неудивительно, что крупные компании держат пальму первенства и по такому показателю, как производительность труда. Соотнеся доходы крупных и малых компаний с количеством работников, получим коэффициент, позволяющий определить объем производства на одного работника. С 1997 по 2007 г. у предприятий малого бизнеса этот показатель вырос со 140 до 190 тыс. долларов в год, а производительность

крупных компаний – с 212 до 302 тыс. долларов на одного работника в год. Кроме того, за данные 10 лет крупный бизнес «отыграл» у СМБ 4 процентных пункта, и разрыв в производительности труда вырос с 55 до 59 % [18].

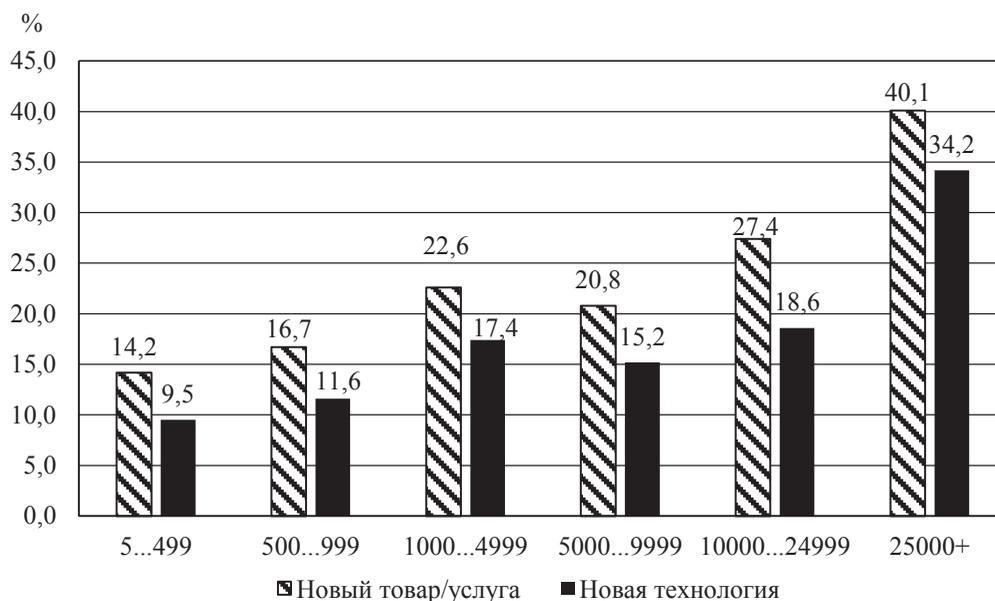

Рис. 7. Доля предприятий США, проявляющих инновационную активность в зависимости от размера компании (составлено автором по материалам Companies that introduced new or significantly improved product or processes and the proportion of companies in each industry and company size classification: 2009-11 // The National Science Foundation // URL: <http://www.nsf.gov/statistics/2015/nsf115307/pdf/tab51/pdf>)

Еще одним свидетельством того, что крупные компании постоянно наращивают превосходство в производительности труда, являются следующие данные. В период 1947–2007 гг. 200 крупнейших компаний США увеличили долю добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности страны с 30 до 44 %, т. е. почти в полтора раза. Важно, что этот показатель рос благодаря повышению производительности, а не за счет увеличения используемой рабочей силы. Напротив, в двухстах крупнейших компаниях доля задействованной рабочей силы снизилась с 31 до 21 % в период 1963–2007 гг. Все эти годы крупные компании более быстрыми темпами внедряли новые технологии, снижающие трудоемкость и повышающие капиталоемкость производства.

Отметим, что соотношение вклада в ВВП США у малого и крупного бизнеса продолжает меняться в пользу больших компаний (рис. 8). Доля крупного бизнеса в ВВП с 2002 по 2010 г. выросла на 3,7 процентных пункта, достигнув 55,4 %, что также свидетельствует о постоянно растущей роли крупнейших компаний в экономике США.

Тем не менее не стоит забывать, что процесс укрупнения компаний и следующая за ним монополизация экономики могут негативно влиять на развитие новых технологий. Корпорация, получившая на рынке монопольную власть (как и несколько компаний-олигополий), в определенный момент может умышленно тормозить процесс

научно-технического прогресса из желания максимизировать прибыль. В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» писал: «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно, и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является далее экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс» [5, с. 397]. Далее автор приводит пример, как бутылочный картель выкупил у изобретателя патент на новую, более эффективную бутылочную машину и спрятал его «под сукно», дожидаясь полной амортизации имеющегося оборудования.

Показателен знаменитый пример американского геохимика Кляра Паттерсона, в 1965 г. начавшего активную научную работу по изучению губительного влияния свинца на состояние здоровья людей [13, с. 74–85]. Ученый, в частности, пытался добиться того, чтобы производители отказались от добавления свинца в бензин. Это поставило под удар прибыли нефтяных корпораций: бензин с содержанием свинца пользовался большим спросом у автолюбителей, так как снижал шум от работы двигателя. Угроза нависла и над свинцовыми компаниями. Крупный бизнес объявил Паттерсону негласную войну, задействуя все доступные средства: лоббизм, масштабные кампании в СМИ, подкуп ученых, активное финансирование сомнительной исследовательской деятельности, доказывающей «неправоту» ученого. Паттерсону отказали в контрактах многие научные организации, в том числе формально нейтральная служба здравоохранения Соединенных Штатов. В 1971 г. ученого исключили из национального исследовательского совета США по загрязнению атмосферы свинцом. Фактически крупный бизнес, желая сохранить прибыль, использовал свое экономическое господство, чтобы воспрепятствовать распространению прогрессивных научных идей.

Позже наука пришла к согласию о вредном воздействии свинца на организм человека, а предложения и идеи Паттерсона были взяты на вооружение во многих странах мира, в том числе в США.

И это подтверждает другой тезис, выдвинутый В. И. Лениным: капиталистические монополии никогда не могут полностью и на очень долгое время остановить научный прогресс. «Но тенденция к застою и загниванию, свойственная монополии, продолжает, в свою очередь, действовать, и в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени она берет верх», – писал он [5, с. 397].

Итак, в современной развитой экономике главенствующая, системообразующая роль принадлежит крупным корпорациям, а не малому и среднему бизнесу. По доле активов и получаемой прибыли, производительности труда и инновационной активности, уровню зарплат и качеству социального обеспечения крупный бизнес сильно опережает «малых» конкурентов. Даже по количеству рабочих мест несколько сотен крупнейших предприятий постепенно вытесняют из экономики миллионы малых.

Что касается мифов о сакральной роли малого бизнеса, активно тиражируемых российскими СМИ и высшими чиновниками, относиться к ним надо с изрядной долей скепсиса. В России роль малого и среднего предпринимательства невысока: их вклад в ВВП – около 20 %, а в общую занятость – порядка 25 % [3]. Локомотивы современной экономики – это крупные и крупнейшие корпорации. Другое дело: стоит ли прилагать большие усилия к тому, чтобы искусственно, с помощью активного государственного вмешательства специально развивать этот сегмент экономики? В условиях общей экономической стагнации и усиления западных санкций малые предприятия способны

лишь смягчить последствия массовых сокращений и растущей безработицы (в апреле 2015 г. количество безработных в России достигло 1 млн человек [12]). Но какие рабочие места создаст малый бизнес? Опыт США показывает, что лишь небольшая часть из них будет относиться к области инновационного предпринимательства.

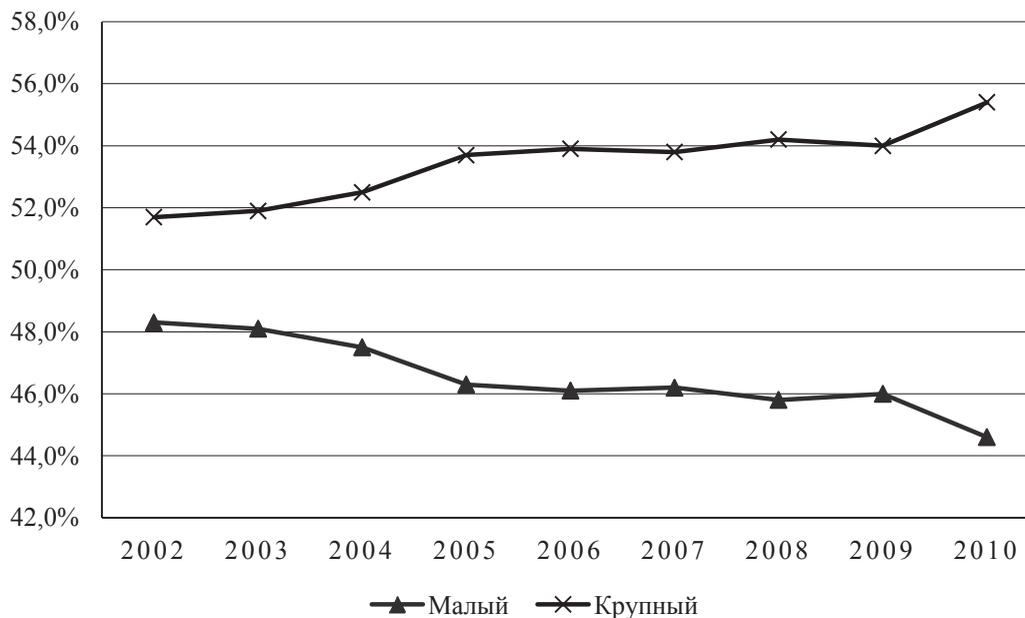

Рис. 8. Изменение доли малого и крупного бизнеса в ВВП США (частный сектор) (составлено автором по данным Kobe K. Small Business GDP: Update 2002–2010// US Small Business Administration // URL: <https://www.sba.gov/content/small-business-gdp-update-2002-2010>)

Сегодня российский СМБ проявляет наибольшую активность в следующих видах экономической деятельности [6]:

- оптовая торговля – доля в общем товарообороте СМБ составляет около 40 %;
- розничная торговля и мелкий ремонт – 12,5 %;
- операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг – 10,5 % (в том числе научные исследования и разработки – 0,5 %);
- строительство – 10,4 % общего товарооборота СМБ.

Образование и здравоохранение практически не интересуют малые и средние предприятия, суммарная доля их товарооборота здесь менее 1 %. Производство малым и средним бизнесом машин и оборудования занимает скромные 1,5 %.

Чтобы преодолеть растущее отставание от западных стран, России необходим форсированный переход к новому – шестому технологическому укладу, в рамках которого господство принадлежит практическому применению фундаментального научного знания. Существует понятие «экономика, основанная на знании» (knowledge-based economy). С точки зрения развития экономики это означает, что все большую долю в добавленной стоимости занимает научное знание. Ключевую роль здесь играют инновации – создание новшества путем прикладного освоения научного знания. Для

этого России необходима мощная индустриальная база, создающая и применяющая инновации [2, с. 20].

Возрождение промышленного производства, обрабатывающей промышленности, высокотехнологичных отраслей и, как следствие, развитие науки, образования через повышение спроса на высокообразованного человека – все это по силам лишь крупным предприятиям, способным сконцентрировать кадровые, организационные и финансовые ресурсы; отличающимся более высокой производительностью труда и инновационной активностью. И только после создания мощного промышленного, технологического фундамента малый бизнес сможет заполнить оставшиеся ниши. Небольшие научно-исследовательские и инженерные коллективы, взаимодействуя со «старшими братьями», смогут использовать свои преимущества (гибкость и мобильность), привнести элемент интерактивности в экономику благодаря более тонкой связи производителя с потребителем. Рассчитывать на возможность запуска данного алгоритма в обратной последовательности – глубокое заблуждение.

Список литературы

1. *Абалкин, Л. И.* Проблемы малого и среднего бизнеса в процессе реформирования российской экономики / Л. И. Абалкин // Избранные труды: в 4 т. – Т. IV. Вольное экономическое общество России / сост. О. М. Грибанова. – М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. – 799 с.
2. *Бодрунов, С. Д.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 1 (35).
3. *Дворников, Ю. В.* Медведев не дал денег малому бизнесу. Почему это хорошо? / Ю. В. Дворников // Slon, 4.02.2014, URL: http://slon.ru/economics/vysokaya_dolya_malogo_biznesa_ne_oznachaet_kachestvo_predprinimatelstva-1052117.shtml
4. *Латыпова, Л. В.* Роль инноваций в малом и среднем бизнесе / Л. В. Латыпова // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. – 2012. – №5. – С. 43–46.
5. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – Т. 27.
6. Росстат, Институциональные преобразования в экономике // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/reform/#
7. *Суслов, В. И.* Инновационный бизнес: малый, средний, крупный? / В. И. Суслов // Интерэкспо гео-сибирь. – 2014.
8. *Гитис, Л. Х.* Большой эффект малого бизнеса (при существующем раскладе сил малый бизнес обречен) / Л. Х. Гитис // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2004. – № 8. – С. 343–346.
9. *Табункова, Н. А.* Малый и средний бизнес как основа развития рыночной экономики / Н. А. Табункова // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – №4-2. – С. 185.
10. *Ульянов, А. О.* Влияние транснациональных корпораций на развитие инноваций в мировой экономике / А. О. Ульянов // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 5.
11. Федеральная служба государственной статистики // URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=1416051>
12. Число безработных в России превысило 1 миллион человек // Regnum 07.04.2015 URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1912728.html>

13. *Adler, R.* Clair Patterson's Battle Against Lead Pollution / R. Adler // California Institute Of Technology Pasadena, California. – 2006. – P. 74–85.
14. Advocacy: the voice of small business in government // U. S. Small Business Administration URL: https://www.sba.gov/sites/default/files/FAQ_March_2014_0.pdf
15. *Barton, H. Hamilton.* Analysis of the reruns to self-employment / H. Hamilton Barton // Journal of Political Economy. – The University of Chicago Press. – 2000.
16. *Beesly, C.* How to Estimate the Cost of Starting a Business from Scratch / C. Beesly // US Small Business Administration URL. Jan. 26. – 2015: <https://www.sba.gov/blogs/how-estimate-cost-starting-business-scratch>
17. Domestic R&D paid for by the company and others and performed by the company, by source of funds and state: 2011 // The National Science Foundation // <http://www.nsf.gov/statistics/2015/nsf15307/pdf/tab12.pdf>
18. Firm Size Data // U. S. Small Business Administration URL: <https://www.sba.gov/advocacy/firm-size-data>
19. Growing the global economy through SMEs / The Edinburgh Group. – P. 9. URL: http://www.edinburgh-group.org/media/2776/edinburgh_group_research_-_growing_the_global_economy_through_smes.pdf
20. *Kobe, K.* Small Business GDP: Update 2002–2010 / K. Kobe // US Small Business Administration URL: <https://www.sba.gov/content/small-business-gdp-update-2002-2010>
21. Larger establishments more likely than smaller establishments to offer medical care benefits // U. S. Bureau of Labor Statistics. July 29. – 2014. URL: http://www.bls.gov/opub/ted/2014/ted_20140729.htm
22. The Global Innovation 1000: Top 20 R&D Spenders 2005–2014// PWC <http://www.strategyand.pwc.com/global/home/what-we-think/innovation1000/top-20-rd-spenders-2014>
23. The Legatum Prosperity Index 2014 // URL: <http://www.prosperity.com/#!/ranking>
24. U. S. Small Business Administration, Advocacy: the voice of small business in government, 2014 // URL: https://www.sba.gov/sites/default/files/FAQ_March_2014_0.pdf

Статья представлена в научно-редакционный совет 25.10.2015 г.

М. В. Красностанова¹, А. К. Каптур²

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПЕРСОНАЛОМ

В условиях жесткой конкуренции организации стремятся усовершенствовать свою деятельность и более рационально использовать находящиеся в их распоряжении ресурсы. Одним из важнейших ресурсов организации является ее персонал, причем не только его квалификация и численность, но и качество реализации основных процессов управления человеческими ресурсами. Осознавая значимость инновационных процессов, компании внедряют инновации в различные сферы своей деятельности, обеспечивая себе наиболее выгодные позиции в долгосрочной перспективе. Однако основное внимание уделяется продуктовым и технологическим инновациям, в то время как темпы реализации управленческих инноваций, к числу которых относятся инновации в управлении персоналом (HRMI), существенно отстают (феномен разницы в темпах роста внедрения производственных и управленческих инноваций в инновационном менеджменте называется *организационным лагом*). Сравнительно более медленные темпы появления инноваций в управлении персоналом обусловлены сложностью оценки эффективности принятия решения об их внедрении, а не меньшей их значимостью для организации в целом.

Цель внедрения любой инновации – улучшение результатов деятельности организации в целом, при этом работа отдельных подсистем в результате внедрения инновации существенно изменяется, а деятельность других оказывается затронутой частично или вообще не меняется.

Согласно А. И. Пригожину [14], основным специфическим свойством управленческих инноваций является возникновение вследствие их внедрения разнонаправленных экономических эффектов:

- в сфере управления – за счет снижения трудоемкости процедур, связанных с непосредственным выполнением управленческих функций, в том числе возможны выгоды от выбора наиболее экономичных способов управления;
- в сфере производства – за счет повышения производительности и улучшения качества труда, что является косвенным следствием внедрения управленческой инновации.

Управленческая инновация влияет в первую очередь на нематериальные аспекты деятельности компании и слабо связана со стоимостными результатами. При оценке любой управленческой инновации необходим учет синергетического эффекта.

Теоретические подходы к определению эффективности инноваций в управлении персоналом можно разделить по двум классификационным признакам (табл. 1).

¹Мария Вячеславовна Красностанова, доцент кафедры экономики инноваций экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, канд. психолог. наук, доцент.

²Анастасия Константиновна Каптур, соискатель экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Основные подходы к определению эффективности HRMI

1. По типу рассчитываемой эффективности		2. По подходу к оценке эффективности инноваций в управлении персоналом		
1.1. Экономическая	1.2. Социальная	2.1. Прирост эффективности всей системы управления персоналом или отдельных ее подсистем	2.2. Влияние внедрения инновации на конкретные, заранее определенные показатели успешности организации	2.3. Использование внешних ресурсов для оценки эффективности внедренных инноваций
Результативное изменение финансовых показателей деятельности компании (прибыль, себестоимость и пр.), ожидаемое или произошедшее после внедрения инновации в управлении персоналом	Достижение позитивных и устранение отрицательных (в социальном аспекте) изменений в организации, а также достижение любых целей, не направленных на изменение стоимостных показателей	Разница между показателями эффективности системы персонала, вычисляемыми на отчетные даты до и после внедрения конкретной инновации	Достижение поставленных стратегических и тактических целей как на уровне всей организации, так и ее подразделений	Оценка внешними экспертами потенциальных способностей работников управления: внедряющая инновацию компания проводит предварительные консультации с экспертами центров оценки для предварительного измерения показателей, необходимых для сопоставления с аналогичными показателями, рассчитанными после внедрения инновации

Эффективность управления персоналом зарубежные и отечественные авторы определяют путем соотношения затрат и выгод от применения организацией конкретных рабочих методик в системе управления персоналом. Дж. М. Иванцевич и А. А. Лобанов [7] предложили методику анализа функционирования системы управления персоналом со следующей группировкой критериев оценок:

1. Расчет экономической эффективности:
 - показателей эффективности;
 - стоимости оцениваемых программ в расчете на одного работника.
2. Расчет показателей соответствия.
3. Определение степени удовлетворенности сотрудников:
 - от компенсаций;
 - от работы.
4. Расчет косвенных показателей эффективности работы сотрудников:
 - текучести персонала;

- абсентеизма;
- брака;
- частоты заявлений о переводе на другие виды работ;
- количества жалоб;
- безопасности труда;
- количества несчастных случаев;
- иных показателей.

Перечисленные показатели и их сочетание отражают эффективность системы управления персоналом (полученная в ходе расчетов величина сопоставляется с заранее заданным значением показателя).

Анализируя зарубежный опыт оценки эффективности инноваций в сфере управления персоналом на основе исследований М. МакКи, Л. Рокко, М. Зурке, Л. Туроу, Х. Фрешетте и Е. Вертайма [16, 21, 22], отметим следующие тенденции:

- эффективность любой инновации оценивается чаще всего с точки зрения достижения поставленных целей;
- одновременная разноуровневая оценка эффективности инноваций в сфере управления персоналом с применением преимущественно количественных методов – балльно-коэффициентного и изменения финансовых результатов деятельности.

Так, согласно стратегии развития американской компании Whimsy, инновационный менеджмент компании включает проведение оценки эффективности системы управления человеческими ресурсами на регулярной основе на трех уровнях: отдельных сотрудников; отдельных управляющих органов; управленческой системы. Оценка проводится ежеквартально, после чего по результатам разницы в полученных баллах компания делает выводы о степени достижения поставленных целей.

Французская компания Retail Rocket, оценивая результаты перевода части сотрудников на гибкий график работы, отчиталась о достижении поставленных целей: сокращении расходов на аренду офисов и оплату накладных расходов, а также повышении степени лояльности сотрудников к работодателю. Достижение первой цели отражено в отчете посредством указания конкретной величины месячной экономии благодаря прекращению арендных и коммунальных платежей, а также оплаты обедов сотрудникам. Достижение второй цели измерялось по результатам анонимного опроса сотрудников, предшествовавшего внедрению инновации (в штате Retail Rocket на дату проведения опроса было 62 сотрудника), в ходе которого выяснилось, что подавляющее большинство предпочитает работу с гибким графиком.

Отечественная практика оценки эффективности инноваций в управлении персоналом свидетельствует об отсутствии масштабности указанного процесса. В открытых источниках крайне мало информации о проводимой российскими организациями (не учитывая дочерние филиалы зарубежных компаний) оценке эффективности таких инноваций. Дефицит информации отчасти обусловлен относительно небольшим числом внедренных инноваций в управлении персоналом в России. Это подтверждают данные исследования Е. Г. Латкина [10], проведенного в 2011 г., согласно которым о готовности внедрять инновации в сферу управления персоналом заявило всего 3 % руководителей организаций.

Проведение прикладных исследований процессов управления персоналом на основе комплексного использования статистических методов в последнее время в России затруднительно. Оно требует наличия продолжительных временных рядов с одновременной их сопоставимостью по отдельным временным отрезкам/датам, а большинство

российских компаний имеют относительно небольшой опыт работы и не склонны раскрывать данные о собственных системах управления персоналом.

В настоящее время многие российские компании либо полностью игнорируют систему управления персоналом, либо оценивают ее эффективность, используя специфические, разработанные для этой цели показатели. Например, Т. Н. Лобанова [11] для оценки эффективности управления персоналом предлагает рассчитывать текучесть персонала, часы, затраченные на профессиональное обучение, и пр.

Методы оценки эффективности управления персоналом можно разделить на три группы:

1. Качественные (описательные):
 - устные и письменные характеристики;
 - метод эталона;
 - матричные методы;
 - биографический метод;
 - групповая дискуссия.
2. Количественные:
 - балльный;
 - установления коэффициентов;
 - рангов;
 - попарных сравнений;
 - система графических профилей, метод эксперимента;
 - прочие.
3. Комбинированные:
 - стимулирующей оценки;
 - группировки сотрудников;
 - тестирования.

Для получения и анализа информации о применяемых российскими менеджерами методах оценки эффективности инноваций в системе управления персоналом в 2014 г. авторами был проведен опрос аудитории сайта для специалистов по управлению персоналом hgm.ru. В опросе приняли участие 259 зарегистрированных пользователей сайта, имеющих подтвержденную принадлежность к профессии (менеджеры/специалисты HR-отдела, сотрудники отдела кадров, отдела/службы персонала) в сферах промышленности, транспорта, оптовой торговли и др. По результатам опроса были сделаны следующие выводы:

1. Внедрение инноваций в сферу управления персоналом в России встречается нечасто – каждый седьмой из опрошенных сообщил, что за время работы в компании проводились инновации/нововведения/улучшения системы управления персоналом. Наиболее часто встречаются инновации, связанные с внедрением компьютерных технологий ввода, обработки и хранения информации.

2. Наиболее популярными методами при оценке эффективности инноваций в управлении персоналом являются сопоставление показателей формирования и использования персонала за периоды до и после внедрения инновации.

3. В большинстве компаний (80 % выборки) не проводится анализ влияния инноваций в сфере управления персоналом на конечные результаты деятельности организации либо на достижение поставленных ею целей.

4. Руководство организации в 95 % случаев не удовлетворено результатами оценки эффективности инноваций в управлении персоналом. Существует потребность

в оценке результатов внедрения инноваций в сфере управления персоналом в стоимостной форме, поскольку такие результаты могут быть четко интерпретированы центрами финансовой ответственности и руководством компании (в 95 % случаев).

5. В организациях, увязывающих внедрение инновации с качественными (социальными) стратегическими и тактическими целями организации или ее структурных подразделений, производится оценка эффективности внедренной инновации, но в большинстве случаев ее результаты не ясны руководству.

С учетом изложенного были сформулированы требования к системе показателей эффективности внедрения HRMI (инноваций в управлении персоналом):

- отражение полноты и достоверности произведенной оценки;
- отражение результатов управленческих решений в количественном и качественном измерении;
- наличие показателей, отражающих прямое и косвенное влияние управленческих решений (при максимально широком охвате сфер деятельности);
- соответствие результатов целям оценки;
- обеспечение соизмеримости результатов внедрения инноваций и затрат на их получение.

Если рассматривать оценку эффективности внедрения инновации как оценку эффективности проекта, то она может быть оценена, как при принятии решения об экономической целесообразности любого планируемого проекта, и к ней можно применить интегральные показатели эффективности проекта [9]:

1) чистый дисконтированный доход (ЧДД), определяемый как сумма дисконтированных доходов за вычетом дисконтированных расходов, приведенных к первому году расчетного периода;

2) индекс доходности ИД – соотношение суммы приведенных доходов и величины капиталовложений;

3) внутренняя норма доходности $E_{\text{вн}}$ – норма дисконта, при которой сумма приведенных экономических эффектов аналогична сумме капиталовложений;

4) срок окупаемости $T_{\text{ок}}$ – наименьший временной интервал, в пределах которого достигается положительный экономический эффект (при условии, что по истечении данного времени экономический эффект остается неотрицательным).

Основной задачей при оценке экономической эффективности инновации в сфере управления персоналом становится расчет общего (интегрального) экономического эффекта $\mathcal{E}_{\text{инт}}$:

$$\mathcal{E}_{\text{инт}} = \mathcal{E}_{y_1} + \mathcal{E}_{y_2} + \mathcal{E}_{y_3} - \sum_{t=t_n}^{t_k} K_{y_{it}} \alpha_t,$$

где \mathcal{E}_{y_1} – экономический эффект в непроизводственной (управленческой) сфере; \mathcal{E}_{y_2} – экономический эффект в производственной сфере; \mathcal{E}_{y_3} – экономический эффект в сфере эксплуатации продукции; $\sum_{t=t_n}^{t_k} K_{y_{it}}$ – расходы на разработку и внедрение инновации в t -м году расчетного периода.

В таком случае задача стоимостной оценки экономической эффективности инноваций сводится к расчету экономического эффекта от внедрения инновации в области управления персоналом в сферах управления, производства, эксплуатации продукции, а также расчета понесенных затрат (капиталовложений). Данный интегральный экономический эффект тождественен величине ЧДД, определенной, как указано выше.

Оценка HRMI в ряде случаев подразумевает учет социального эффекта от внедренной инновации. При этом возможны три подхода:

1. Экономическая эффективность в стоимостной оценке является главным показателем, а оценка социальной эффективности – ограничением при принятии решений о внедрении инноваций (будут внедряться только инновации, учитывающие заданные показатели социальной эффективности).

2. Производится экспертная оценка стоимости социальных показателей эффективности, после чего они суммируются, однако, экономическая и социальная эффективность могут быть качественно несопоставимы, вследствие чего подобный расчет будет носить условный характер.

3. Прежде всего среди возможных к внедрению инноваций отбираются те, которые обеспечивают наиболее высокий уровень социальной эффективности (либо достижение поставленных социальных целей), далее среди отобранных вариантов производится выбор наиболее экономически эффективного.

Если стоимостная оценка социальных результатов от внедрения HRMI невозможна, представляют подробное описание социальных последствий, ожидаемых в результате осуществления проекта, либо приводят характеристику источников получения экономии.

*Оценка эффективности инноваций в управлении персоналом
на примере КБ «А-Банк» (ПАО)*

КБ «А-Банк» (ПАО) (далее – Банк) был зарегистрирован в марте 1993 г. как кредитная организация под именем КБ «А-Банк» (ОАО), генеральную лицензию ЦБ РФ Банк получил в 1994 г.

Стратегия развития Банка в сфере управления персоналом связана с основными целями организации и особенностями ее организационной структуры.

Основные направления деятельности Банка:

- рост клиентской базы, в первую очередь за счет увеличения доли клиентов – представителей малого и среднего бизнеса, а также объема привлеченных средств от физических лиц;

- расширение партнерских отношений с крупными компаниями, в том числе с другими банками;

- рост объемов (в денежном выражении) активных и пассивных операций;

- увеличение доли средне- и долгосрочного кредитования в структуре активов статьи «Выданные кредиты» Банка;

- вовлечение новых инвестиций и снижение стоимости применяемых ресурсов для роста комфортности и увеличения доступности предлагаемых клиентам банковских продуктов;

- территориальная диверсификация – открытие новых внутренних структурных подразделений в городах России;

- повышение роли технологий в ежедневно осуществляемых операциях при обслуживании клиентов (как юридических, так и физических лиц).

Основные направления кадровой политики Банка в 2014 г.:

- привлечение и удержание высокопрофессиональных специалистов;

- совершенствование системы обучения сотрудников;

- развитие корпоративной культуры Банка;

- реализация заложенных в Программе развития Банка социальных программ для сотрудников.

В 2014 г. правление Банка в целях развития корпоративной культуры компании и снижения издержек приняло решение создать внутрикорпоративную систему обучения персонала. В первую очередь речь шла об обучении сотрудников фронт-офиса, где наблюдается наибольшая текучесть кадров. Ранее система внутрикорпоративного обучения в Банке отсутствовала, предлагаемые нововведения являются для организации инновационными.

Для оценки эффективности внедряемых инноваций, а также выявления потребностей сотрудников в обучении и планировании карьеры был проведен соответствующий опрос (табл. 2).

Таблица 2

Оценка респондентами видов обучения, % от числа опрошенных*

Вид обучения	Оценка эффективности		
	Эффективно	Неэффективно	Затруднились с ответом
Первичное	85	4	1
Перспективное (при планировании карьеры)	76	10	4
Текущее (в процессе работы)	69	28	3

*Таблица составлена на основе опроса сотрудников подразделений, работающих с клиентами, проведенного Банком в марте 2014 г.

Результаты опроса показали, что сотрудники наиболее эффективным считают первичное обучение, поскольку оно «подготавливает к решению оперативных, ежедневных задач на рабочем месте». Опрос также показал, что внедрение внутрикорпоративной системы обучения будет с высокой вероятностью встречено сотрудниками Банка положительно, при этом разработку системы обучения целесообразно осуществлять силами самого Банка (табл. 3).

Таблица 3

Оценка респондентами эффективности и стоимости учебных программ

Используемые методики/ программы	Оценка эффективности		Оценка затратности		
	Эффективно	Неэффективно	Затруднились с ответом	Дорого	Дешево
Собственные (разработанные внутри организации) ¹	75	2		37	23
Заемствованные в литературе	75	19	0	44	6
Иные	67	0	13	17	17
Заемствованные в учебных заведениях	79	5	37	16	16

¹Данный пункт при опросе был сформулирован так: «Если бы для обучения применялась программа, разработанная внутри нашего Банка».

Внутрикорпоративная система обучения должна решать следующие задачи:

- снижение издержек на первичное и последующее (повышение квалификации) обучение сотрудников Банка;

- рост объемов продаж банковских услуг за счет повышения производительности сотрудников;
- снижение текучести кадров;
- рост объемов прибыли Банка.

Отметим, что поставленные цели взаимосвязаны: так, рост объемов продаж услуг, снижение издержек на обучение сотрудников при отсутствии роста влияния контрнаправленных факторов (рост издержек продажи услуг, резкое увеличение числа обучающихся сотрудников) ведут к увеличению прибыли. Снижение текучести кадров также может вести к росту прибыли за счет снижения издержек на увольнение и найм персонала и пр.

Приоритетными целями внутрикорпоративных программ обучения являлись:

- обучение новых сотрудников (well come тренинг);
- повышение квалификации штатных менеджеров по продажам;
- ознакомление новых сотрудников с продуктами компании;
- ознакомление всех сотрудников с новыми продуктами компании.

Для стоимостной оценки эффективности внедряемой инновации (принимая во внимание разработанную в компании систему учета показателей в подсистеме управления персоналом и иных подсистемах организации) необходимо в первую очередь определить, на какие производственные и непроизводственные факторы деятельности повлияет планируемая к внедрению инновация – система внутрикорпоративного обучения, и имеется ли в компании достаточное количество информации для оценки такого влияния (табл. 4).

Таблица 4

Изменение производственных и непроизводственных факторов вследствие внедрения HRMI

Непроизводственный фактор	Фактор изменяется (да/нет)
Уменьшение затрат на выполнение функций	Нет
Рост качества осуществления функций	Нет
Уменьшение затрат на управленческий персонал вследствие совершенствования управленческой оргструктуры	Нет
Рост производительности менеджеров вследствие улучшений в обучении, переподготовке и повышении квалификации	Да
Уменьшение числа менеджеров	Нет
Улучшение качества работы менеджеров	Нет
Уменьшение текучести управленческого персонала	Нет
Повышение производительности использования компьютеров	Нет
Улучшение использования технических вспомогательных средств	Нет
Снижение трудоемкости процессов обработки информации	Нет
Снижение стоимости оформления документации	Нет
Уменьшение числа ошибок в документах	Да
Повышение корпоративной культуры	Нет
Уменьшение затрат на организационное проектирование	Нет
Уменьшение трудоемкости подготовки регламентирующей документации	Нет
Уменьшение трудоемкости разработки методических документов	Нет
Уменьшение времени обоснования, разработки, принятия, выполнения решений	Нет

Производственный фактор	Фактор проявляется (да/нет)
Рост качества продукции (работ, услуг)	Нет
Снижение брака	Нет
Уменьшение продолжительности производственного цикла	Нет
Рост ритмичности работы подразделений	Нет
Уменьшение численности занятых рабочих	Нет
Улучшение использования рабочей силы	Нет
Рост производительности труда	Да
Повышение квалификации рабочих	Нет
Уменьшение потерь рабочего времени	Нет
Уменьшение текучести кадров	Да
Уменьшение временных затрат на выполнение сверхурочных работ	Нет
Повышение качества использования основных средств	Нет
Рост уровня механизации (автоматизации)	Нет
Уменьшение сверхнормативных запасов	Нет
Улучшение эффективности использования материалов	Нет
Уменьшение затрат на хранение материальных ресурсов	Нет
Уменьшение периода оборачиваемости	Нет
Рост качества	Нет
Рост трудовой дисциплины	Нет
Повышение культуры производства	Нет
Уменьшение травматизма и заболеваний на производстве	Нет
Увеличение прогрессивности применяемых технологий	Нет
Уменьшение доли ручного труда	Нет
Увеличение объема производства продукции (работ, услуг)	Да
Уменьшение трудоемкости производства	Нет
Уменьшение материалоемкости	Нет

Отдельные из перечисленных факторов не принимаются в расчет, так как в силу предполагаемой незначительности их конечного экономического эффекта, а также сложности точного расчета из-за отсутствия необходимых показателей учета в подсистемах организации можно считать их незначительно влияющими на конечный экономический результат. За временной горизонт оценки принят период продолжительностью один год. Таким образом, оценивается влияние внедряемой HRMI на следующие непроизводственные и производственные факторы: производительность труда, число ошибок в документах, текучесть кадров, объем производства услуг и продуктов. В процессе расчетов использованы показатели, учет которых компания ведет в течение 2005–2013 гг. (табл. 5).

Расчет влияния выявленных производственных и непроизводственных факторов выполняется в соответствии с существующими формулами и плановыми показателями.

Показатели для расчетов

Показатель	Величина
Число менеджеров, прошедших обучение (программы II этапа обучения)	48 человек
Стоимость 1 часа работы менеджера	142 рубля
Фонд рабочего времени менеджера	1 986 часов
Планируемое сокращение периода обучения работников вследствие перехода на внутрикорпоративное обучение персонала	0,5 (3 месяца – продолжительность программы внутрикорпоративного обучения, 6 месяцев – обучение во внешней организации; программы разработаны под индивидуальные требования компании к знаниям и форме поведения ее сотрудников)
Планируемое повышение эффективности труда вследствие введения программы обучения за счет перехода на внутрикорпоративные программы	10 %
Количество документов за год (документы, связанные с оформлением договоров между Банком и клиентом (ошибки в таких документах ведут к необходимости вызова клиента для переоформления заключенных договоров)	3 600 (247 дней · 14,5 – среднее количество оформляемых договоров в день, рассчитано на основе статистических данных Банка)
Сокращение числа ошибок в течение года	17,25 % (рассчитано на основе показателей сокращения ошибок от проведения обучения во внешних компаниях)
Стоимость исправления ошибки	1 233,76 рублей ¹
Стоимостная величина нормы выработки	Рассчитывается как доля прибыли от операций с физическими и юридическими лицами, не являющимися кредитными организациями (выдача кредитов, аренда ячеек, предоставление гарантий и пр.), умноженная на годовую прибыль Банка: 0,73 · 561 660 000 = 410 011 800 рублей

¹Для исправления ошибки требуется перезаключение договора. Затраты включают в себя оплату работы за звонки клиентам; рабочее время персонала, затраченное на повторное оформление документов; расходы по «программе лояльности» – бонусы клиентам за уделенное внимание.

Рост производительности менеджеров, обусловленный улучшением обучения, переподготовки и повышения квалификации, определим по формуле

$$P_{y1}^4 = ЧЦ_p \left[\frac{T_o}{T_n} + \Phi \left(1 - \frac{100}{100 + \Delta П} \right) \right],$$

где Ч – численность прошедших обучение менеджеров, чел.; Ц_р – стоимость 1 часа работы, р.; Т_о – период ускорения процесса обучения, мес.; Т_н – планируемый период процесса обучения, мес.; Φ – годовой фонд рабочего времени одного работника, ч; ΔП – увеличение производительности труда, %;

$$48 \cdot 142(3/6 + 1 \ 986(1-100/(100+10))) = 1 \ 234 \ 006 \text{ рубля.}$$

Уменьшение числа ошибок в документах

$$P_{y1}^{12} = D \frac{B_o C_o}{100},$$

где D – количество документов за год; B_o – сокращение числа ошибок в течение года, %; C_o – стоимость исправления ошибки, р.;

$$3 \ 600 (17,25\% \cdot 1 \ 233,76)/100 = 766 \ 165 \text{ рублей.}$$

Рост производительности труда и увеличение объема оказываемых услуг³

$$P_{y2}^7 = \frac{Ч_{пн} P_{пн}}{100} C_T,$$

$$P_{пн} = \frac{P_{нв2} - P_{нв1}}{P_{нв1}},$$

где $Ч_{пн}$ – процент рабочих, повысивших процент достижения нормы выработки до и после внедрения инновации; C_T – стоимостная величина нормы выработки, р.; $P_{пн}$ – увеличение выполнения нормы, %; $P_{нв1}$, $P_{нв2}$ – выполнение норм до и после внедрения инновации, %;

$$86 \%((89 \% - 77 \%)/77 \%) \cdot 410 \ 011 \ 800 = 54 \ 952 \ 230,86 \text{ рублей.}$$

Уменьшение текучести кадров

$$P_{y2}^{10} = P \left(1 - \frac{K_2^T}{K_1^T} \right),$$

$$P = Z_d \cdot Ч_d \cdot K_c \cdot K_d,$$

где P – средний ущерб, причиняемый организации, обусловленный текучестью кадров (из-за снижения производительности ожидающих увольнения и вновь принимаемых на работу); K_1^T , K_2^T – коэффициенты текучести (ожидаемый и фактический); Z_d – средний заработок 1 рабочего за год, р.; $Ч_d$ – число человеко-дней неработы из-за ухода или обучения нового сотрудника.

$$51 \ 489,60 \cdot (1 - 0,04/0,08) = 25 \ 744,80 \text{ рублей,}$$

³ Под увеличением объема оказываемых услуг подразумевается рост числа заключенных договоров; влияние двух факторов (роста производительности труда и увеличения объема оказываемых услуг) рассчитано в совокупности, поскольку в данном случае увеличение объема услуг обусловлено ростом производительности персонала фронт-офиса, заключающего большее количество договоров.

где $51\,489,60 = 1\,700 \cdot 30 \cdot 1,262 \cdot 0,8$ (1 700 рублей – средняя дневная заработная плата сотрудника).

Итоговая оценка экономической эффективности инновации:

$$1\,234\,006 + 766\,165 + 54\,952\,230,86 + 25\,744,80 = 56\,978\,146,66 \text{ рублей.}$$

При подготовке и внедрении инновации компания понесет затраты, в том числе на разработку методики и иной проектной документации, а также на внедрение проекта. В исследуемом случае Банк выполняет указанные работы силами сотрудников отдела персонала.

Расчет затрат производится по формуле

$$K_{y_1} = \sum_{i=1}^n (Z_i M_i) \cdot K_d + Z_p ,$$

$$K_{y_1} = 5(41\,000 \cdot 12) + 139\,000 = 2\,599\,000 \text{ рублей.}$$

В процессе расчета использованы следующие показатели:

- средняя месячная оплата труда работника, разрабатывающего инновацию, – 41 000 р. (до вычета отчислений во внебюджетные фонды и НДФЛ);
- число месяцев работы (в году) i -го работника, занимающегося разработками инновации, – 12 (определено программой развития внутрикорпоративной системы обучения);
- стоимость обучения сотрудника компании (учебная программа внешней организации) – 139 000 р. (единовременная плата за обучение сотрудника Банка).

В соответствии с предложенным способом оценки эффективность проекта можно определить через расчет агрегированных показателей.

Чистый дисконтированный доход ЧДД = 42 073 800 рублей:

- срок окупаемости $T_{ок} = 16/12 = 1,33$ года;
- индекс доходности ИД = $41\,164 / 2\,394 = 17,2$;
- внутренняя норма доходности $E_{вн} = 14\%$.

По результатам расчетов можно сделать вывод о том, что поставленные Банком цели внедрения HRMI достигаются. Прибыль Банка по результатам внедрения инновации может вырасти приблизительно на 42 073 800 рублей (в текущем значении). Таким образом, цель роста объемов прибыли Банка также выполняется.

Отметим, что при принятии решения о внедрении инновации Банк не ставил целью выбор одной из нескольких возможных инноваций в разных подсистемах деятельности, поэтому вопрос о сравнении финансовых показателей разных инноваций не поднимался. Тем не менее, если бы перед руководством организации возникла необходимость выбора, рассматриваемая инновация – создание внутрикорпоративной системы обучения персонала фронт-офиса, вероятно, имела бы один из самых высоких показателей экономической эффективности (с учетом расчета ЧДД, срока окупаемости, индекса доходности и внутренней нормы доходности).

Выявленные производственные и непроизводственные факторы, повышающие экономический результат, не являются специфическими для данного конкретного года, взятого за прогнозный период. Это позволяет предположить возникновение эконо-

мии по ряду факторов и в последующие годы. В свою очередь, затраты на разработку и внедрение инновации являются единовременными. В дальнейшем может возникнуть потребность в корректировке образовательных программ под изменяющиеся потребности деятельности Банка, однако, ожидаемые расходы будут существенно меньше затрат на разработку программы «с нуля».

Таким образом, оценка эффективности инновации в управлении персоналом, внедренной в филиале КБ «А-Банк» (ПАО), позволяет сделать вывод об ее экономической и социальной эффективности. Предлагаемые алгоритмы оценки эффективности внедрения HRMI могут использоваться для оценки других инноваций в управлении персоналом при наличии в компании необходимых учетных показателей.

Список литературы

1. *Авдулов, А. Н.* Проблемы развития инновационной экономики в Российской Федерации / А. Н. Авдулов // Россия и современный мир. – 2004. – № 1. – С. 25–42.
2. *Анынин, В. М.* Инновации и рынок: стратегия, управление, эффективность / В. М. Анынин. – М.: ВНИЦентр, 1999. – 300 с.
3. *Баранчев, В. П.* Управление инновационным бизнесом: обзор актуальных идей / В. П. Баранчев. – М.: Спутник+, 2005. – 212 с.
4. *Бычин, В. Б.* Персонал в управлении радикальными нововведениями в организации / В. Б. Бычин. – М.: Информ-Знание, 2001. – 174 с.
5. *Горшенин, В. П.* Управление инновационным потенциалом персонала корпораций / В. П. Горшенин. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2006. – 261 с.
6. *Завлин, П. Н.* Оценка эффективности инноваций / П. Н. Завлин, А. В. Васильев. – СПб.: Бизнес-пресса, 2013. – 122 с.
7. *Иванцевич, Дж. К.* Человеческие ресурсы управления / Дж. К. Иванцевич, О. Д. Лобанов. – М.: Дело, 2007.
8. Инновации в российской экономике // Вопросы экономики. – 2001. – №7. – С. 8–115.
9. *Кибанов, А. Я.* Управление персоналом организации: учебник / под. ред. А. Я. Кибанова. – 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Инфра-М, 2010. – 638 с.
10. *Латкин, А. Г.* Управленческие нововведения в современной экономической системе: автореф. дисс. ... канд. экон. наук / А. Г. Латкин. – М., 2008.
11. *Лобанова, Т. Н.* Организация и персонал / Т. Н. Лобанова. – М.: Городец, 2004.
12. *Николаев, А. А.* Инновационное развитие и инновационная культура / А. А. Николаев // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №5. – С. 44–51.
13. *Овчинникова, Т.* Новая парадигма управления персоналом в условиях переходной экономики / Т. Овчинникова // Управление персоналом. – 2003. – №7. – С. 34–39.
14. *Пригожин, А. И.* Управленческие нововведения: неопознанные ресурсы / А. И. Пригожин // Управление персоналом. – 2003. – №1. – С. 78–94.
15. Competence Centre International Innovation and CME Research, Berlin - <http://qje.oxfordjournals.org/art-2014-p3a-ccii.html>
16. *Frechette, H.* Performance Appraisal / H. Frechette, E. Wertheim // New York: American Management Association, 1985. – 56 p.
17. *Gomez-Mejia, L. R.* The role of compensation in the human resource strategies of high technology firms / L. R. Gomez-Mejia, T. M. Welbourne // D. F. Ray (Ed.) Southern Management Association Proceedings, 1988. – 58–60 p.

18. *Kleingartner, A.* Human resource management in high technology firms / A. Kleingartner, C. Anderson // *Journal of Organizational Behavior*. – 1988. – V. 9, 3. – P. 289–291.
19. *Grimm, M.* Inequality in Human Development: An Empirical Assessment of 32 Countries / M. Grimm [and auther]. – Springer, 2009. – P. 6.
20. HR Policies Can Kill Innovation But HR Can Also Be A Great Encourager of Innovation!
21. Jiminez-Jiminez & Sanz-Valle Innovation and HRM fit: an empirical study // *International Journal of Manpower*. – 2012. – V. 26, 4. – P. 364–381.
22. *Jørgensen, F.* Human Resource Management and Innovation: What are Knowledge-Intensive Firms Doing? / F. Jørgensen, K. Becker, J. Matthews. – 2008.
23. *McKee, M.* Health: A Vital Investment for Economic Development in Eastern Europe and Central Asia. World Health Organization on behalf of the European Observatory on Health Systems and Policies / M. McKee, L. Rocco, M. Suhrcke. – Cromwell Press, Trowbridge, Wilts UK, 2009. – 28 p.
24. *Thurow, L.* Investment in Human Capital / L. Thurow. – Belmont, 1970. – 170 p.
25. *Ulrich, D.* Organizational Capability: Competing from the inside out / D. Ulrich, D. Lake. – John Wiley. New York, 1990. – P. 112–117.
26. <http://cfin.ru/bandurin/article/sbrn03/11.shtml>
27. <http://ebscohost.com/19699-jdf-rt-2008/htm>
28. <http://ebscohost.com/2765456-del-on1437-fhg.html>
29. http://ebscohost.com/954512/The_individual_performance_evaluation_a_strategy_resource_for_training_and_Human_Resources_Development_in_Public_Sector
30. <http://ebscohost.com/asinghal/Reports/Gupta-Singhal-Managing%20Human%20Resources...%20%2012.12.06.pdf>
31. <http://ebscohost.com/kent.edu/hr/upload/hrassessmentreport.pdf>
32. (ebscohost.com/8360733-komarov-mtper2007.html)
33. http://ebscohost.com/management/strategy/smallbiz_inno.shtml
34. <http://ebscohost.com/pubs/2015/nsf15540/nsf15540.htm>
35. <http://ebscohost.com/sites/karlmoore/2012/06/22/hr-can-kill-innovation-but-can-also-be-a-great-encourager-of-innovation/>
36. <http://ibbotson.com.au>
37. <http://link.springer.com/3027124/lessons-learned/netfixs-major-hr-innovation-treating-humans-like-people>
38. [http://sciencedirect.com/science/jrnllalbooks/sub/HR as a driver for organizational innovation](http://sciencedirect.com/science/jrnllalbooks/sub/HR%20as%20a%20driver%20for%20organizational%20innovation)

Статья представлена в научно-редакционный совет 22.09.2015 г.

А. А. Золотарев¹, Н. Г. Яковлева²

ПРОИЗВОДСТВО, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ РОССИИ: ПРЕОДОЛЕТЬ СТАГНАЦИЮ

Второй международный конгресс «*Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию*» (ПНО-II) прошел 28–29 ноября 2015 г. в здании Правительства Москвы на Новом Арбате. Организатором конгресса выступил *Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте* при участии Института экономики РАН, Московского финансово-юридического университета, Межрегиональной Санкт-Петербурга и Ленинградской области общественной организации Вольного экономического общества России, Фонда Фридриха Эберта, Конгресса работников образования, науки, культуры и техники (КРОН), Общероссийского общественного движения «Образование – для всех».

В конгрессе участвовали более 450 ведущих российских и зарубежных ученых и политиков, работников сферы образования, науки, культуры, представителей инженерно-технических обществ, депутатов Государственной Думы Совета Федерации РФ, руководителей предприятий реального сектора экономики, предпринимателей, представителей гражданского общества России. Россию представляли более 40 регионов, семь наукоградов; среди иностранных участников были представители Великобритании, Индии, Китая, Казахстана, Чехии, Франции, Германии, США и Египта.

Основные задачи конгресса – анализ причин продолжающейся стагнации производства, науки и образования в России, формирование рекомендаций по выходу из сложившейся ситуации и разработка стратегии опережающего развития перечисленных сфер.

Открыл конгресс и первую пленарную сессию «Россия в мировом пространстве: возрождение производства, науки и образования» председатель оргкомитета, директор ИНИР, первый вице-президент ВЭО России, д-р экон. наук, профессор С. Д. Бодрунов, который в начале своего выступления сообщил, что конгресс проводится в рамках мероприятий, посвященных 250-летию Вольного экономического общества России. С. Д. Бодрунов отметил, что предыдущий конгресс, посвященный проблемам возрождения высокотехнологичного производства, науки и образования, подтвердил высокую актуальность этой темы. И хотя сделано пока не так много, определенные позитивные изменения есть. Однако в условиях экономической стагнации, обострения геополитических и социальных проблем этого явно недостаточно.

С. Д. Бодрунов констатировал, что существующая экономическая система себя исчерпала, требуется переосмысление нашего бытия и видения будущего. Так, развитие промышленности невозможно без науки и образования, а рынок в этих сферах не работает, монетизация ведет к их деградации. Необходима культурно-идеологическая поддержка научного труда, реинтеграция науки, образования и производства. Докладчик

¹*Александр Анатольевич Золотарев*, первый заместитель директора Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук.

²*Наталья Геннадьевна Яковлева*, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук, доцент.

подчеркнул, что основная задача – не просто восстановление промышленности, пусть даже в обновленном виде, а формирование целостной, сбалансированной модели создания новой технико-экономической структуры, в которой приоритетное место займут:

- высокотехнологичное материальное производство;
- передовая фундаментальная и прикладная наука;
- общедоступное образование, ориентированное на развитие реального сектора экономики и человеческих качеств;
- подлинная культура.

И в заключение докладчик делает вывод, что Россия исторически является интегратором Востока и Запада. Наш путь – евразийство. Не торговля, а интеграция в развитии технологий, общих программ, формирование своей евразийской идеологии – в этом цель сотрудничества, в частности с Китаем.

В рамках первой пленарной сессии выступили также известные ученые и общественные деятели, политики, депутаты Государственной Думы СФ РФ. Первый заместитель Комитета по образованию и науке Государственной Думы СФ РФ, член-корр. РАО, д-р филос. наук, профессор О. Н. Смолин отметил, что Россия пережила «великую» деиндустриализацию, в стране сократился выпуск квалифицированных инженеров и снизился уровень их подготовки. Причина – отнюдь не санкции, а порочный путь бюрократических реформ. В докладе определены основные болевые точки в сферах науки и образования, показано, что закон о реформе РАН – ошибка: учителя в школе завалены бумагами – бумажный оборот вырос в 100 раз; квазиреформы, по сути, убивают образование. Как справедливо подчеркнул О. Н. Смолин, наша школа по бумагам на 1-м месте в мире, при этом показатели развития человеческого потенциала у нас снижаются, медицина на 40 % стала платной... Таким образом, идея сбережения народа не реализована. Бюджет на 2016 г. докладчик назвал классовым, так как он не затронул буржуазную «элиту» российского общества, при этом произошло сокращение расходов на образование и здравоохранение.

Модератор первой пленарной сессии д-р экон. наук, профессор МГУ А. В. Бузгалин отметил, что все больше людей, в том числе в верхних эшелонах власти, понимают, что в России продолжают процессы деиндустриализации и примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Представители нашего сообщества, подчеркнул профессор А. В. Бузгалин, знают, как надо выходить из кризиса; от нашей активности зависит донесение наших тревог, знаний и предложений до всего общества – в этом главная цель нашей деятельности и подобных мероприятий.

Следующий докладчик – директор Института океанологии РАН, д-р физ.-мат. наук, академик РАН Р. И. Нигматулин отметил, что необходимо быть самокритичными к себе и своему отечеству. В первую очередь он обратил внимание участников конгресса на проблемы науки в нашей стране, в частности на кадровый голод и нехватку докторского корпуса в возрасте до 50 лет, обусловленный тем, что в 1990-е гг. в силу ряда объективных причин в науку не шли наиболее сильные кадры. Затем докладчик перешел к проблемам экономики и сделал вывод, что главная причина экономических кризисов – недостаточный (не сбалансированный с ВВП) покупательский спрос, определенный фондом оплаты труда 95 % населения (средний и бедный классы), который должен составлять более 60 % ВВП. Это противоречие, подчеркнул академик Р. И. Нигматулин, могло бы нивелировать принятие прогрессивной налоговой шкалы и закона о минимальной заработной плате.

Конгресс имеет статус международного, и в этом году особенно значимым стал доклад политолога и экономиста, исследователя проблем глобализации и зависимого развития, одного из основоположников мир-системного подхода, члена редколлегии журнала «Review of International Political Economy» Самира Амина. Он обратил внимание присутствующих на острую необходимость глобальных структурных изменений и в подтверждение привел известный исторический факт, что Рим рухнул от сверхцентрализации. Известный ученый и «человек мира», как его часто называют, определил сегодняшнее состояние мира следующим образом:

- плачевное положение науки, образования и производства во многих странах мира;
- сегодняшний кризис – это мировой кризис, это кризис гиперцентрализации и глобализации, когда все основные доходы, источники развития, финансовый контроль, информационная власть сосредоточены в странах «центра», точнее, в руках олигархии стран «центра». Чтобы выйти из этого состояния, необходимы фундаментальные стратегические структурные преобразования, не «косметический ремонт», а огромные изменения в мировой и национальных экономиках большинства стран, подчеркнул Самир Амин. Он с большим энтузиазмом поддержал идеи евразийства, высказанные, в том числе, в докладе профессора С. Д. Бодрунова. Основным выводом Самир Амин сформулировал так: «Мир должен стать полицентричным и двигаться к разрушению глобализма».

Советник Президента РФ, академик РАН, д-р экон. наук, профессор С. Ю. Глазьев также был весьма критичен в своем докладе: «Проводимая экономическая политика отнюдь не глупость правительства – она выгодна олигархам новой волны – финансовым спекулянтам, оперирующим государственными деньгами». С. Ю. Глазьев подчеркнул, что продолжение политики сжатия денежной массы (на 29 % за последние 4 года) повлечет за собой расстройство денежного обращения, приведет к возврату взаимозачетов и денежных суррогатов. Как следствие, инфляция только усилится одновременно с падением качества денег и спадом производства. Докладчик отметил, что развитие производства требует планирования, причем индикативного. В условиях санкций, в том числе самых опасных – технологических, надо не снижать денежную массу, а в 3-4 раза повысить расходы на науку и НИОКР, чтобы восполнить недостающие технологические ниши для расширенного воспроизводства. В заключение С. Ю. Глазьев сказал, что проект БРИКС – наше спасение, так как в нем интегрируются разные модели с элементами планирования.

Не менее актуальной и содержательной была вторая пленарная сессия «Драйверы социально-экономического развития: настоящее и будущее производства, науки и образования». Красной нитью в докладе вице-председателя совета Пекинского университета Ян Хэ проходила мысль о том, что основа идеологии развития – это образование, Человек. Профессор Ян Хэ сказал, что Китай – развивающаяся страна, так как развивает науку и образование, а главное – это Человек, и Китай учится этому у СССР.

Директор Социологического института РАН, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор И. И. Елисеева отметила, что у стран БРИКС очень много общего, в том числе в социально-экономических процессах и тенденциях. В своем докладе она остановилась на важности профессиональных коммуникаций, в том числе научных, и подчеркнула вклад иностранных ученых в развитие Петербургской Императорской, а затем Российской академии наук. Подобные профессиональные коммуникации и интеграция являются залогом развития и в современном мире, заключила И. И. Елисеева.

Известный российский ученый-экономист, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН Г. Б. Клейнер высказал мнение, что данный конгресс – это неординарное явление, и он использует эту трибуну для выдвижения тезиса, который в целом созвучен с основными докладами пленарных сессий: «Производство, наука, образование и культура – фундамент новой экономики России». И это не просто лозунг или символ, подчеркнул докладчик, а определенный взгляд на экономику, из которого следуют теоретические и практические последствия. В выступлении отмечено, что эти четыре сферы представляют собой четыре разных типа систем: объектные, средовые, процессные и проектные. Каждая из этих систем (а соответственно и сфер) имеет свою специфику и играет колоссальную роль в экономике. Такое представление экономики является в определенном смысле полным и именно на взаимодействии этих сфер можно построить стройную систему новой экономики России. Как отметил Г. Б. Клейнер, когда мы говорим об интеграции производства, науки и образования, необходимо понимать, что это – взаимодействие самостоятельно существующих и развивающихся автономных систем, а не интеграция как слияние. Докладчик подчеркнул, что существующая координация этих сфер на уровне исполнительной власти является скорее дезинтеграцией. С точки зрения Г. Б. Клейнера, указанные сферы должны получить самостоятельное представительство в органах представительной власти, т. е. участвовать в формировании законодательной базы.

Логическим продолжением пленарных сессий явилась пленарная конференция «Возрождение материального производства и реиндустриализация: императивы новой экономической политики». В силу ограниченности объема данного материала приведем лишь идеи, высказанные в ходе основных докладов.

Заведующий лабораторией Института экономики РАН д-р экон. наук, профессор М. И. Воейков высказал идею о разработке так называемой теории реиндустриализации, которой пока нет (есть лишь отдельные разработки С. Д. Бодрунова, С. Ю. Глазьева, Р. С. Гринберга, Д. Е. Сорокина). Как отметил докладчик, за 25 лет рыночного правления Россия превратилась в сырьевой придаток. Без развития индустрии, промышленности (прежде всего высокотехнологичного производства) не может жить страна, которая обладает серьезным ядерным потенциалом.

Директор Центра промышленной политики Финансового университета при Правительстве РФ д-р экон. наук, профессор С. А. Толкачев в своем докладе остановился на том, что на современном этапе в промышленности идет эпохальный переход на роботизацию производства, соответственно меняется схема экономики, но перейти к новому качеству производства нам не удастся без реиндустриализации. В докладе также подчеркивалось, что иностранный капитал не должен управлять экономикой нашей страны.

Заместитель директора Научно-исследовательского института автомобильного транспорта, д-р техн. наук Б. В. Дроздов затронул очень важную и животрепещущую тему о катастрофическом положении дел в нашей стране с инженерными школами. По словам докладчика, в России – критическое положение с обрабатывающими центрами, учиться – негде, кроме как у поставщиков. В докладе справедливо отмечено, что в некоторых отраслях, в частности в авиационной промышленности, уничтожены заводы, конструкторские бюро; провальная ситуация с индустрией жизнеобеспечения, службами ремонта. В докладе жестко поставлен вопрос: «Кто и как будет организовывать восстановление? – не торговцы же!» и дан ответ: «Нужна структура инженерного обеспечения, нужен механизм – не рынок! – развития инженерии».

В докладе главного научного сотрудника Северо-Западного научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства РАН, д-ра экон. наук, профессора Д. Б. Эпштейна отмечено, что в России проблема не в сокращении импорта, а в освобождении от импортной зависимости, в развитии своего машиностроения. В докладе представлены некоторые цифры, так, например: 40...50 % рабочей силы в России не занято в постоянном производстве, 40 % мощностей простаивает – нет денег. Являясь сотрудником профильного НИИ, докладчик обратил внимание участников конгресса на отсутствие в России своего посевного материала и своего генетического материала для воспроизводства животноводства; подчеркнул необходимость отказа от парадигмы правого либерализма в управлении страной и смены экономического курса. В докладе прозвучало, что при выработке новых идей реиндустриализации надо опираться на успешные примеры реформ из опыта других стран и помнить, что решающую роль в этих странах играло государство, его «толчок» экономике, его стимулы и требования. И как итог данного доклада и всего конгресса – прежде чем посредством снижения ставок процента и регулируемой эмиссии дать под промышленные инвест-проекты деньги, в управлении экономикой и страной надо отказаться от идеологии «рыночного фундаментализма».

Продолжая развитие идей реиндустриализации, маститые ученые передали эстафету молодым ученым из Москвы, Челябинска, Санкт-Петербурга, Томска, Ярославля и других городов нашей страны – впервые в практике конгресса работал «круглый стол» «Реиндустриализация – диалог поколений» (модераторы: В. Ф. Взятыйшев, д-р техн. наук, профессор МЭИ; А. И. Колганов, д-р экон. наук, профессор, зав. лабораторией сравнительных исследований социально-экономических систем экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Д. А. Плетнев, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета).

По актуальным проблемам образования, науки и культуры в рамках конгресса проведены сессии «круглых столов», основными из которых явились:

- *образовательная политика в РФ: анализ и рекомендации* (модераторы: О. Н. Смолен, д-р филос. наук, профессор, первый заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию и Е. К. Климова, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского);

- *возрождение отечественной науки: анализ и рекомендации* (модераторы: А. С. Миронов, канд. техн. наук, старший научный сотрудник ИРЭ им. В. А. Котельникова РАН, сопредседатель КРОН и Д. Б. Эпштейн, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник СЗ НИЭСХ РАН);

- *отечественное образование: уроки СССР* (модератор: Н. Г. Яковлева, канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте);

- *образование и культура как основы созидания личности* (модератор: К. Ш. Мансурова, канд. хим. наук, председатель Международного общественного движения «Родительская забота»);

- *организация инженерного дела в России на этапе новой индустриализации* (модератор: Б. В. Дроздов, д-р техн. наук, зам. директора НИИАТ);

- *финансирование образования: источники и эффекты* (модераторы: С. В. Кадомцева, д-р экон. наук, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и И. В. Манахова, д-р экон. наук, доцент, зав.

кафедрой экономической безопасности Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г. В. Плеханова);

• *наука и информационное общество – движущие силы прогресса* (Т. Е. Головина, координатор КРОН, член ЦС ДЗВОН; А. А. Лебедев, главный редактор газеты «Народная инициатива» и А. С. Миронов, канд. техн. наук, старший научный сотрудник ИРЭ им. В. А. Котельникова РАН).

На заключительном пленарном заседании заместитель председателя конгресса, д-р экон. наук, профессор А. В. Бузгалин подвел итоги двухдневного научно-практического диалога научных и педагогических работников, представителей реального сектора экономики и сферы культуры, государственных и научных деятелей России, дальнего и ближнего зарубежья. Докладчик отметил, что ключевая проблема социально-экономической системы нашей страны – определение реальных приоритетов. В связи с этим главный вопрос: как организовать общественность, чтобы сподвигнуть государство, корпорации, малый и средний бизнес, а также самих себя на решение действительно необходимых задач. Для России, подчеркнул профессор А. В. Бузгалин, единственно возможным выходом из экономической стагнации является социально ориентированная модель позднего капитализма, в рамках которой могут использоваться: директивное, обязательное планирование для государственного сектора; государственно-частное партнерство в сфере инвестиций, план которых формируется не менее чем на 5 лет; методы селективного регулирования сфер, жизненно важных для общества.

Научно-практическая направленность конгресса предполагала соответствующий результат. В ряде резолюций были представлены рекомендации по основным направлениям: «О необходимости принятия альтернативной программы сохранения и развития науки в России», «По возрождению системы образования в России», «О де бюрократизации образования и науки и демократизации управления этими сферами». Данные рекомендации были направлены в исполнительные и законодательные структуры властей всех уровней.

Статья представлена в научно-редакционный совет 10.12.2015 г.

*Е. С. Зотова*¹

ОБНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: СЦЕНАРИИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ²

Проблемы обновления российской экономической системы сегодня выдвигаются на первый план – это подчеркивают и руководители страны, и эксперты, и бизнесмены. Вопрос, однако, остается открытым: по какому сценарию пойдет это обновление, и пойдет ли оно вообще? Перед экспертным сообществом эта тема стоит уже не один год, но лишь в последнее время в связи с обострением внешнеэкономической ситуации она приобрела особую актуальность.

В этом отношении вышедшая в 2015 г. монография «Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего» (под редакцией С. Д. Бодрунова, А. А. Пороховского) представляет несомненный научный и практический интерес. Ее авторы пытаются – и во многом успешно – соединить теоретический анализ с практическими рекомендациями. При этом работа носит экономико-теоретический характер и представляет широкий спектр мнений различных авторов, находящихся в общем пространстве ученых, предлагающих переориентировать экономическое развитие России, выведя его по ту сторону нынешнего тренда, обозначенного термином «рыночный фундаментализм». Этот термин достаточно широко использует один из авторов книги – известный российский эксперт, научный руководитель Института экономики РАН Р. С. Гринберг. В его работе «Обновление экономической системы: большие проекты как ключ к выходу из стагфляционной ловушки» подчеркивается, что обновление экономической системы России должно органично соединять систему государственного регулирования, систему, обеспечивающую социальную справедливость, и рыночные стимулы. Этот тезис выглядит абсолютно очевидным, однако в контексте нынешних противоречий между сохраняющимся неолиберальным экономическим курсом и во многом государственнической геополитической ориентацией он приобретает особое значение. Знаменательно, что такое суждение высказывают ведущие ученые России.

Рассматриваемая монография не исчерпывается важными, но известными тезисами. Р. С. Гринберг предлагает ряд новых направлений реализации системы государственного регулирования и социальной ориентации. Отметим также тексты, к сожалению, ушедшего от нас профессора С. С. Дзарасова и профессора Г. Н. Цаголова. Они предлагают сходный с представленным Р. С. Гринбергом вариант позитивной, а не негативной конвергенции достижений советского строительства и современной капиталистической системы. Для них наш прошлый опыт – это не просто ушедшая в историю и, в целом, тупиковая модель, а проект, который не был полностью реализован и содержит большой потенциал в будущем развитии.

¹*Елена Серафимовна Зотова*, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, канд. экон. наук.

² Рецензия на книгу: *Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернатива будущего* / под ред. С. Д. Бодрунова, А. А. Пороховского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 416 с.

Вернемся к теоретическому содержанию книги. В работах ряда авторов представлен системный взгляд на российскую экономику, причем акцентируется система, которая позволяет соединить технологические уклады, экономические отношения, экономические институты и экономическую политику. Системный подход представлен, в частности, профессором С. Д. Бодруновым, который подчеркивает, что в российской экономике можно выделить, как минимум, три основных подсистемы. Первая подсистема основана на раннеиндустриальном (в некоторых случаях – на доиндустриальном) производстве (ни для кого не секрет, что в России в таких сферах, как сельское хозяйство, инфраструктура (отчасти промышленность), до сих пор используется ручной труд). Выросшая на базе этого технологического уклада система отношений базируется на натуральном хозяйстве – это простые формы рынка, в ряде случаев отношения занятости, напоминающие капитализм XIX в., и многие другие параметры, которые сохраняются в нашей экономической системе. Вторая подсистема основывается на типичном массовом производстве индустриального типа и охватывает в основном сборочные (вторичные) производства, базирующиеся на технологиях, добавляющих незначительную стоимость к основному вкладу, который вносят транснациональные корпорации. Кроме того, свой вклад вносят такие сферы, как торговля, значительная часть сферы услуг и посреднической деятельности. Здесь господствуют отношения, характерные для классической капиталистической рыночной системы, и ее адептами часто выступают экономисты праволиберальных взглядов.

Один из парадоксов заключается в том, что многие из подобным образом ориентированных экономистов рассматривают и постиндустриальную экономику как сферу, где могут и должны развиваться отношения, основанные преимущественно на свободном конкурентном рынке и частной собственности. Но это лишь часть правды: если под постиндустриальными сферами подразумевать только финансы, посредническую деятельность и операции подобного рода, тогда – да, в этой сфере свободный рынок может проявить себя в полной мере. Однако, если речь идет о современных высоких технологиях, материальном производстве, образовании и науке, то тут все обстоит иначе.

Продолжая линию выделения подсистем экономики, С. Д. Бодрунов подчеркивает, что третий блок – это отношения развитой индустриальной системы; современных высоких технологий в материальном производстве, близких к пятому технологическому укладу; это такие сферы, как наука (фундаментальная и прикладная), образование, формирующее человеческие способности, которые нужны и могут быть реализованы в рамках высоких технологических укладов.

Для этой системы, по мнению Бодрунова (и с ним можно согласиться), характерны такие отношения, как регулируемый и социально ориентированный рынок, основанный на государственно-частном партнерстве и реализующий долгосрочную программу приоритетного развития тех сфер, которые этот автор называет новой индустриализацией, включая туда не только собственно промышленность, но и сопряженные высокотехнологические отрасли материального производства, а также образование и науку.

Несколько иную модель систематизации предлагают профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. В. Бузгалин и А. И. Колганов. С их точки зрения, для анализа структуры российской экономической системы более пригоден традиционный политэкономический подход. Они выделяют такие подсистемы, как отношения координации, в которые включают не только рыночные механизмы, но и механизмы государственного регулирования. Заслугой этих авторов считаем то, что, в отличие от многих других, они видят и такой механизм, как теневое государственное регулирование (в частности,

ручное управление), а также показывают наличие некоторых пережитков позднефеодальной системы, напоминающих вассальную зависимость.

Второй подсистемой, с их точки зрения, являются отношения собственности. Здесь авторы делают акцент на анализе структуры крупных корпораций. Во многом позитивно относясь к этому подходу, подчеркнем, что А. В. Бузгалин и А. И. Колганов упустили в своей работе значительные пласты российской экономики. У них слабо представлены отношения государственной собственности, практически ничего не сказано о малом и среднем бизнесе. Все это требует внимания и дальнейшего развития.

Что касается отношений воспроизводства, которые они выделяют в качестве еще одной подсистемы, то здесь традиционный политэкономический подход, на наш взгляд, несколько заслоняет едва ли не наиболее важные вопросы, связанные с проблемами реиндустриализации и экономического роста. Увлеченность теоретическими аспектами дает себя знать – и не всегда позитивно.

В тексте заведующего кафедрой политической экономии МГУ имени М. В. Ломоносова А. А. Пороховского «Экономическая система России: подходы и решения» вопросы экономической системы России отражены тоже с классической политико-экономической точки зрения, но работающей на стыке с неоклассической теорией. Не ограничиваясь таким подходом, автор делает очень интересный экскурс в историю, выделяя «невывученные уроки» отечественного прошлого. Этот раздел заслуживает специального анализа. Автор справедливо акцентирует проблему сложившейся дисгармонии частных и национальных интересов. Тезис о том, что в движении к рыночной экономике роль локомотива принадлежит частным интересам, но скорость такого движения и самого локомотива зависят от общественных интересов, достоин развития – и в этом смысле сошлемся на его размышления о том, что «фактически через “правила игры” реализуются как национальные, так и частные экономические интересы», и что «правила игры» выступают важнейшим фактором, своеобразным «приводным ремнем» между частными и общественными интересами, и эти правила игры должны быть равными и доступными на всей территории страны, превращая ее в единое национальное экономическое пространство. «Государство в лице своих институтов и служащих не может не быть примером исполнения своих общественных обязанностей, примером выражения и защиты национальных экономических интересов» (с. 180).

В книге представлены также тексты, посвященные сценариям обновления российской экономической системы. Здесь работы таких известных ученых, как проректор Финансового университета при Правительстве, чл.-корр. РАН РФ Д. Е. Сорокин, д-р экон. наук М. И. Воейков из ИЭ РАН, профессор МГУ К. А. Хубиев, профессор СЗНИЭСХ РАСХН Д. Б. Эпштейн, и др. Они показывают, как могут быть реализованы императивы экономического развития на базе активной промышленной политики, как можно и необходимо принимать нестандартные решения для реализации этих задач. Подчеркивается, что эти преобразования должны носить системный характер, учитывать позитивный и негативный опыт (как советский, так и девяностых годов).

В приложении к работе, коллективном докладе под руководством С. Д. Бодрунова, Р. С. Гринберга и Д. Е. Сорокина, представлена конкретная модель реализации политики реиндустриализации российской экономики.

В заключение отметим, что в монографию входят статьи зарубежных авторов – ученых из Великобритании и Франции. В тексте Д. Лейна отмечается, что одним из важнейших аспектов обновления российской экономической системы является ее место в мировой глобальной хозяйственной структуре. Английский профессор,

ученый Кембриджского университета, опровергая расхожее мнение об ученых Запада, подчеркивает значимость евразийской интеграции и считает, что на этой основе может сформироваться альтернатива западнцентричному экономическому устройству. Французский ученый Ж.-Л. Трюэль (профессор Парижского университета Кретьейл) делает акцент на развитии национальной экономической системы. Это разрушает устойчивый взгляд на западных ученых как на наднациональных глобалистов и показывает, что такой подход принципиально важен для современной России.

Наконец, еще раз упомянем текст профессора Международного университета в Москве Г. Н. Цаголова, который названные ранее тезисы о позитивной конвергенции капиталистических и социалистических начал ставит в глобальный контекст и показывает, что она имеет стратегические мировые перспективы и не исчерпывается исключительно российскими реалиями.

Оценивая книгу в целом, подчеркнем, что в ней при многих фундаментальных достоинствах есть и определенные недостатки. За исключением едва ли не единственного текста В. М. Кулькова (МГУ имени М. В. Ломоносова), в работе практически игнорируются цивилизационные особенности России, их влияние на экономическое развитие и экономическую политику. Нельзя сказать, что авторы не являются патриотами – отнюдь: все тексты проникнуты искренней заботой о возможностях и перспективах развития российской экономики. Однако, на наш взгляд, анализ особенностей нашей страны, ее отличия от остальных стран заслуживают большего внимания. В этой связи подчеркнем выделенную В. М. Кульковым необходимость периодического обращения к мобилизационному типу развития экономики как внеисторическому тренду. По его мнению, мобилизационность в широком смысле «охватывает и объединяет такие характеристики, как суверенность, самодостаточность, конкурентоспособность ряда ключевых отраслей, целостность расширенного воспроизводства, высокий уровень государственной координации, независимая и масштабная финансовая система, учет требований национальной безопасности (как общей, так и экономической), социальная консолидация, высокая степень национальной ответственности граждан и т. п.» (с. 212).

Завершая анализ монографии, подчеркнем, что она носит комплексный характер, соединяет теоретико-экономический (во многом политэкономический) подход и системный взгляд на российскую экономику с практическими рекомендациями, является большим вкладом в развитие теории и подспорьем для экономической практики. Надеемся, что монография будет достойно оценена читателями.

Статья представлена в научно-редакционный совет 27.11.2015 г.

РЕФЕРАТЫ

УДК 330.354 С. Д. Бодрунов. Новое индустриальное общество: структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты. Выполнен глубокий теоретический анализ работ сторонников «индустриального общества» (Дж. К. Гелбрейта и др.) и адептов постиндустриализма (Д. Белла, Э. Тоффлера и др.), отрицающих ведущую роль материального производства в современном «информационном обществе». Автор доказывает утопичность их мечтаний о приоритетности в «обществе знаний» сферы услуг, о свободном рынке во всех сферах жизни общества, о процессах финансиализации... Показано, что реализация этих идей опосредованно стала причиной мирового кризиса. Необходимо восстановление материального производства, развитие новой индустриальной экономики, формирование нового индустриального общества (НИО-2). Его отличительные черты – непрерывный рост «знаниеемкости» материального производства и его продукта, знаниеинтенсивность технологий, формирование знаниеинтенсивного производства и нового типа индустриального работника – профессионала высокой квалификации. Необходимы изменения в системе экономических отношений и институтов: развитие общественно-государственной системы хозяйствования, активная государственная промышленная политика, долгосрочное инвестиционное государственно-частное партнерство, развитие института интеллектуальной собственности для новой индустриальной экономики.

Ключевые слова: новое индустриальное общество, структура и содержание общественного производства, экономические отношения, институты, знаниеемкость, знаниеинтенсивность.

УДК 330.354. В. Т. Рязанов. Неиндустриализация России и возможности преодоления экономической стагнации. Необходима разработка программы новой ин-

ABSTRACTS

S. D. Bodrunov. New industrial society: structure and content of public production, economic contacts, institutions. New industrial state: structure and content of the public production, economic relations, institutions. There is the profound analysis of the studies of the «industrial society» supporters (J. K. Galbraith and etc.) and adherents of the post-industrialism (D. Bell, A. Toffler and etc.) who deny the leading role of the material production in the modern «information society». The author proves the utopian nature of their dreams about the priority of service industries in the «knowledge society», the free market in the all aspects of the life of society, the processes of financialization... It is shown that the implementation of these ideas has become an indirect reason of the world crisis. It is necessary to recover the material production, to develop the new industrial economy, to create the new industrial society (NIS-2). Its distinctive features are the continuous growth of the «knowledge-capacity» of material production and its product, knowledge-intensity of the technologies, creation of the knowledge-intensive production and a new type of industrial worker – highly skilled specialist. It is necessary to make changes in the system of economic relations and institutions: the development of the state and public system of economic management, the active state industrial policy, the long-term investment public-private partnerships, the development of the intellectual property institute for the new industrial economy.

Keywords: new industrial society, structure and content of public production, economic relations, institutions, knowledge-capacity, knowledge-intensity.

V. T. Ryazanov. Neoindustrialization of Russia and of the possibilities of overcoming the economic stagnation. In the article is based the need of developing the program of the new

дустриализации России на 10...15 лет. Программа рассматривается как необходимое условие преодоления рецессии и вывода экономики России в фазу устойчивого и сбалансированного роста. Спад в экономике России обусловлен в первую очередь внутренними причинами: истощенностью экспортно-сырьевой модели роста и сжатием спроса. Для преодоления спада предлагается коррекция денежно-кредитной политики с целью стимулирования экономического роста. Важно такое изменение дополнить институциональными переменными и социальными приоритетами экономического развития.

Ключевые слова: неоиндустриализация, рецессия, денежно-кредитная политика, импортозамещение, возможности и факторы роста.

УДК 332.354. Г. Б. Клейнер. Реиндустриализация, ресайентизация, реинституционализация – ключевые задачи экономического возрождения России. Процессы реиндустриализации, ресайентизации, реинституционализации рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты экономического возрождения России. Исследуются возможности и условия восстановления необходимых составляющих индустриального развития страны на инновационной основе, определяется состав институтов, обеспечивающих этот процесс, включая институты корпоративного промышленного управления и стратегического планирования.

Ключевые слова: индустриализация, развитие науки, институты промышленной деятельности, инновации.

УДК 330.354. А. В. Бузгалин. Материальное производство и креатосфера: пространство для дискуссий. Анализируя споры по проблеме реиндустриализации, автор показывает, что целью социально-экономического развития должен быть не экстенсивный рост, а прогресс человеческих качеств и страны как целого. В качестве средства достижения этой цели выступает обновление системы производственных отношений (развитие системы промышленной политики, социализация соб-

industrialization for 10...15 years. This program is considered as the necessary condition overcoming the emergent recession and conclusion of the economy of Russia during the phase of the steady and balanced increase. It is emphasized that the decrease in the economy of Russia is caused by the action first of all of internal reasons – by exhaustion by the export-raw model of increase and by the compression of demand. For overcoming the decrease it is proposed to carry out the correction of money and credit policy, directed toward the stimulation of economic increase. It is important also this change to supplement with the institutional changes and the social priorities of economic development.

Keywords: new industrialization, recession, the money and credit policy, import substitution, possibility and the growth factors.

G. B. Kleiner. Re-industrialization, re-scientification, re-institutionalization – the key tasks of the economic revival of Russia. The processes of re-industrialization, re-scientification, re-institutionalization considered as interconnected and interdependent components economic revival. The possibilities and conditions for the restoration of necessary components of the industrial development on the basis of innovations. The institutions which provide this process, including the institutions of industrial corporate government and strategic planning are defined.

Keywords: industrialization, the development of science, institutes of industrial activity and innovation.

A. V. Buzgalin. Material production and the creatosphere: space of discussions. Analyzing the debate on the issue of reindustrialization, the author suggests that the purpose of social and economic development should be the progress of human qualities and the country as a whole, and as not only economic, but also as a cultural leader, and not only within the post-Soviet space. An updating productive relations system performs as means of achieving of the purpose. The updating productive relations system includes the devel-

ственности, снижение социального неравенства, ориентация на качественные параметры развития). Только на базе этих изменений следует проводить реформирование кредитно-денежной политики.

Ключевые слова: реиндустриализация, креатосфера, производственные отношения, Россия, кредитно-денежная политика.

УДК 330.354. С. Д. Бодрунов. Модернизация экономики и бюджетная политика. Рассмотрены результаты неэффективной промышленной политики, которая привела к деиндустриализации экономики России. В качестве альтернативной экономической модели рассматривается инновационный сценарий развития. Анализируются роль государства в модернизации экономики, соотношение роли государства и рынка; приоритетные направления стратегических изменений; возможности перераспределения бюджета, изменения позиции Минфина и ЦБ в целях стимулирования экономического роста. Подчеркивается необходимость изменения сущности государственной экономической политики (в том числе бюджетной и промышленной) и ее нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: экономика, модернизационная политика, роль государства, перераспределение бюджетных расходов.

УДК 330.354. С. С. Губанов. От экспортно-сырьевой модели к неиндустриальной экономической системе. Аргументируется необходимость перехода России от экспортно-сырьевой модели к неиндустриальной экономической системе, которая должна отвечать целям, задачам и приоритетным направлениям новой индустриализации страны. Не при всякой системной модели возможно проведение неиндустриальной модернизации. Проблема состоит в том, что на базе экспортно-сырьевой модели новая индустриализация России неосуществима, как и решение однопорядковой, в сущности, задачи высокотехнологичного, или неиндустриального импортозамещения. На указанной базе воспроизводится лишь системный кризис, который разрешается только

опомет of industrial policy, the socialization of ownership, reducing social inequality, focusing on quality parameters of development. On the basis of these changes only can be, and it should carry out the reform of the monetary policy.

Keywords: reindustrialization, creatosphere, productive relations, Russia, monetary policy.

S. D. Bodrunov. Modernization of economy and fiscal policy. There is a consideration of results of ineffective industrial policy that led to de-industrialization of the Russian economy. An innovative scenario of development is regarded as an alternative economic model. The article analyzes the role of the state in the economy modernization, the issues of ratio between of the state and the market; priority directions of strategic changes; possibilities of the budget reallocation as well as changes in the position of the Ministry of Finance and the Central Bank for economic growth stimulation. In this regard the article points out the necessity of changing the essence of the state economic policy (including fiscal and industrial one) and its legal and regulatory framework.

Keywords: economy, modernization policy, role of state, reallocation of budget costs.

S. S. Gubanov. From export and raw material model to neo-industrial economic system. The necessity of transition the Russia from raw-material export model to neoindustrial economic system argues in the article. Neoindustrial economic system as such must be adequate to the goals, tasks and priority directions of new the industrialization this country. Not every out of systemic models can be fitting for implementation of the neoindustrial modernization. The problem of problem consists just in that new industrialization of the Russia is unachievable upon the base of raw-material export model, as well as decision the same-ordinal in essence task of hi-tech import substitution. Upon said a base only systemic crisis is reproducing, which can be overcome by the transition from the old

переходом от старой экономической системы к новой, более прогрессивной, каковой выступает неоиндустриальная, приведенная в соответствие с законом вертикальной интеграции.

Ключевые слова: экономическая система, системный кризис, неоиндустриальная модель, закон вертикальной интеграции.

УДК 338.45. Д. Б. Эпштейн. О переходе экономики России к новой индустриализации и импортозамещению. Анализируются негативные явления в российской экономике (падение темпов роста ВВП, недоступность кредитов, повышение темпов роста цен, снижение реальных доходов населения). Среди основных внешнеэкономических факторов, их обуславливающих, отмечаются снижение цен на нефть и санкции Запада. В качестве средств вывода из кризиса предлагаются реиндустриализация и импортозамещение путем воссоздания комплекса ключевых отраслей на отечественной элементной базе и грамотного расходования валюты. Перечислены наиболее важные меры по индустриализации (политические, финансовые, антиинфляционные, инновационной и структурной политики). Акцентируется необходимость отказа от праволиберального курса и перехода к социально ориентированной экономической политике, нацеленной на инновационный рост.

Ключевые слова: реиндустриализация, экономический кризис, импортозамещение, валютный рынок, праволиберальный курс.

УДК 352.354. Р. М. Качалов. Оценка перспективности предлагаемых моделей развития экономической системы. Рассмотрены процессы включения в общественный дискурс новых моделей экономического развития. Показано, что их общественное обсуждение должно строиться на базе широкой аналитической информации, включающей анализ цели, на достижение которой ориентирована модель. В процессе общественного обсуждения наряду с позитивной программой инициаторов изменения модели экономического развития должны быть предусмотрены процедуры выявления и идентификации негативных проявлений, которые могут возник-

economic system to the new one – historically more higher and progressive, just as neoindustrial, brought into accord with the law of vertical integration.

Keywords: economic system, systemic crisis, neo-industrial model, the law of vertical integration.

D. B. Epshtein. About transition of Russian economy to new industrialization and import substitution. There is an analysis of the negative phenomena in the Russian economy (the fall of GDP growth rates, the unavailability of credits, increase of growth rates of prices, the decrease of the population real income). The decline of oil prices and the Western sanctions are among the major foreign economic factors. The article offers such means of crisis recovery as re-industrialization and import substitution by recreating of a set of key industries in the domestic element base, efficient currency expenditures. The most important measures for industrialization (political, financial, antiinflationary, innovative and structural policy) are listed. The article emphasizes the necessity for right-liberal course refusal and the transition to a socially-oriented economic policy aimed at innovative growth.

Keywords: re-industrialization, economic crisis, import substitution, foreign exchange market, right-liberal course.

R. M. Katchalov. Evaluation of the proposed economic system models perspective. Processes of advance in a public discourse of the new economic development models are considered. It is shown that public discussion of the new economic development model has to be based on the wide analytical information. It is shown that such information includes the analysis of the purpose on which achievement the new economic development model is focused in the structure. Besides, in the public discussion, on an equal basis with the positive program of initiators of model change, the finding out and identification of negative manifestations which can arise on the way of the movement to the declared

нать на пути движения к декларируемой цели в рамках реализации предлагаемой модели.

Ключевые слова: модель экономического развития, цель экономического поведения, экономический риск, операциональная теория управления экономическим риском.

УДК 330.1. О. С. Сухарев. Проблемы развития промышленности: практические постановки и теоретические решения. Выполнен эмпирический анализ состояния промышленности в России за последние 25 лет. Определены виды стратегий по изменению структурных пропорций экономической системы. Условие индустриализации и деиндустриализации получено для изначально сырьевой и индустриальной системы в наиболее простой агрегированной форме, а также в зависимости от структуры производства на старых и новых технологиях и в дальнейшем может быть усложнено с учетом ограничений, вводимых в этот процесс и в управление им. Проведенный анализ позволяет утверждать, что цель инновационного развития не может выступать релевантной стратегической целью для российской экономики. К тому же никакие «рывки» и «прорывы» не являются обоснованными и необходимыми. В ближайшей перспективе при сохранении базовых императивов экономической политики доминирование сырьевой экономики сохранится. Для выбора иной стратегии развития нужно кардинально изменить систему распределения ресурсов и базовых пропорций, сложившихся в экономической системе.

Ключевые слова: промышленность, условие индустриализации, проблемы развития, стратегия, технологии.

УДК 334.7. Д. Е. Сорокин, С. А. Толкачев. Условия и факторы эффективной реиндустриализации и промышленной политики России. Рассматриваются вопросы, связанные с экономическим механизмом реиндустриализации России в условиях турбулентности мировой экономики. Вскрываются направления и формы неоиндустриализации стран Запада. Прослеживается неблагоприятная динамика показателей промышленного комплекса России за последние 10 лет. Вы-

purpose within realization of the offered model have to be provided.

Keywords: economic development model, economic behavior purpose, economic risk, operational theory of economic risk management.

O. S. Sukharev. Problems of development industry: practical formulation and theoretical solution. Empirical analysis of the industry in Russia for a quarter of a century of ongoing changes in the economy. The kinds of strategies to change the proportions of the structural economic system. Conditions of industrialization and de-industrialization originally obtained for the raw materials and the industrial system in the most simple aggregate form, and depending on the structure of production at the old and new technologies, and can be further complicated for input into the process and management constraints. The analysis suggests that the goal of innovative development can not be a relevant strategic goal for the Russian economy. In addition, no «jerks», «breakthroughs» are not reasonable and necessary. In the short term, while maintaining the basic imperatives of economic policy, the dominance of resource-based economy will continue. To select a development strategy need to radically change the distribution of resources and basic proportions prevailing in the economic system.

Keywords: industry, the condition of industrialization, development issues, strategy, technology.

D. E. Sorokin, S. A. Tolkachev. Conditions and factors of effective re-industrialization and industrial policy of Russia. There is a consideration of issues related to the economic mechanism of the Russian re-industrialization in the turbulence of the global economy. The directions and types of Western countries neo-industrialization are revealed. There is an unfavorable tendency of the Russian industrial complex indicators for the last 10 years. Missed opportunities of the re-industrialization funding in Russia

явлены упущенные возможности финансирования реиндустриализации в России. Предлагается комплексная система мероприятий по обеспечению реиндустриализации российской экономики и проведению эффективной промышленной политики.

Ключевые слова: реиндустриализация, деиндустриализация, промышленная революция, обрабатывающая промышленность, промышленная политика.

УДК 330.354. П. М. Лукичѳв. Императорское Вольное экономическое общество как первая общественная организация России. Излагается история создания Императорского Вольного экономического общества (ИВЭО); роль и участие Екатерины II в судьбе общества. Рассматриваются его основные задачи и приоритеты деятельности (прежде всего в сфере сельскохозяйственного производства); принципы организации и функционирования (открытость, независимость, демократичность). Выделены этапы существования общества, их особенности и основные достижения. Подчеркивается роль общества как первой общественной организации России.

Ключевые слова: Императорское Вольное экономическое общество, история создания, принципы, формы, сферы деятельности, земельные реформы, Екатерина II.

УДК 338.436. Б. А. Карменов, Л. С. Тарасевич. Особенности бюджетных потоков Республики Казахстан в XXI веке. Проведен анализ динамики основных показателей, характеризующих социально-экономическое развитие Республики Казахстан в 2000–2014 гг., исследована структура бюджетных потоков республики в 2000–2014 гг. и на этой основе определены основные особенности ее финансового состояния.

Ключевые слова: республиканский, консолидированный бюджет Казахстана, бюджетные потоки, доходы и расходы республиканского и консолидированного бюджета.

УДК 330.332. Е. А. Ткаченко, С. В. Кочетков. Механизмы стимулирования структурной трансформации экономики. Исследуются задачи и механизмы структурной

are presented. The article offers a comprehensive system of measures to ensure the re-industrialization of the Russian economy and conduct an effective industrial policy.

Keywords: reindustrialization, deindustrialization, industrial revolution, manufacturing, industrial policy.

P. M. Lukichev. Imperial Free Economic Society as the first public organization in Russia. The article describes the history of the Imperial Free Economic Society (IFES) establishment; the role and participation of Catherine II in the destiny of the Society. There is a consideration of its main objectives and action priorities (especially in agricultural production); the principles of the organization and functioning (openness, independence, democracy). Stages of the Society existence, their peculiarities and achievements are identified. The role of the Society as the first public organization in Russia is stressed.

Keywords: Imperial Free Economic Society, history of establishment, principles, forms, scopes of activity, land reforms, Catherine II.

B. A. Karmenov, L. S. Tarasevich. Peculiarities of Kazakhstan Republic budget flows in the XXI century. The article has devoted analysis of main indicators of development of social and economic system and budget of Republic Kazakhstan in period 2000–2014, author has defined main the specialties and trends of financial stay of Republic Kazakhstan.

Keywords: republican budget, consolidated budget of Republic Kazakhstan, budgetary flows, revenues of the republican and consolidated budget, expenditures of the republican and consolidated budget.

E. A. Tkachenko, S. V. Kochetkov. Mechanisms of stimulation of structural transformation of economy. In the article tasks and mechanisms of structural transformation of

трансформации экономики, главная особенность которой – обеспечение максимальной эффективности производства в условиях ресурсной ограниченности без использования административных мер. Повышение эффективности неразрывно связано с инновационным развитием, применением более прогрессивных технологий и ростом производительности труда. Основные представления о механизмах структурной трансформации связаны с мерами экономического регулирования, стимулирующими переток капитала и трудовых ресурсов из менее эффективных отраслей в отрасли приоритетного развития. Исследование охватывает период структурных реформ с 1992 г. по настоящее время и включает идентификацию этих механизмов и обоснование ключевых точек их воздействия.

Ключевые слова: инновационное развитие, структурная трансформация, экономический рост.

УДК 334.021.1. Г. Ф. Биглова. Некоторые аспекты управления инновационным процессом в экономике на региональном и национальном уровнях. Анализируются результаты инновационного процесса, активизированного в середине 2000-х гг. В качестве результирующего показателя рассматривается связь затрат на инновации с производительностью труда. Предложены конструктивные меры по увеличению динамики внедрения отечественных разработок в регионах и в целом по России.

Ключевые слова: инновации, производительность труда, интеллектуальная собственность, результативность инновационного процесса.

УДК 330.332. Д. С. Демиденко, Е. Д. Малевская-Малевиц. Особенности формирования оптимальной инновационной стратегии предприятия. Рассматриваются вопросы формирования оптимальной инновационной стратегии предприятия. Предложен экономический критерий для дифференциации инновационных и обычных продуктов, технологий, рабочих мест; изложены авторский подход и метод количественной оценки критерия.

economy are investigated. The main feature of structural transformation of economy consists that it is necessary to provide the maximum effective production in the conditions of resource limitation. It is obvious that increase of efficiency is inseparably linked with innovative development, with application of more progressive technologies and growth of labor productivity. The main ideas of mechanisms of structural transformation are connected with the measures of economic regulation stimulating an overflow of the capital and a manpower from less effective branches in branch of priority development. Our research covering the period of structural reforms since 1992 and to the present includes identification of these mechanisms and justification of key points of their influence.

Keywords: innovative development, structural transformation, economic growth.

G. F. Biglova. Some aspects of management of innovative process at the regional and national levels of the economy. The article discusses the result of the innovation process, intensified since mid-2000-ies. As a result of the measure proposed to consider the relationship of costs on innovation and productivity. Also suggested constructive measures to increase the dynamics of the implementation of domestic production in the economy of the regions and in Russia as a whole.

Keywords: innovation, productivity, intellectual property, the effectiveness of the innovation process.

D. S. Demidenko, E. D. Malevskaya-Malevich. Peculiarities of optimal innovative business strategy formation. In article questions formation of optimum innovative strategy of the enterprise are considered. The economic criterion for differentiation of innovative and usual products, technologies, workplaces is offered, author's approach and a method of a quantitative assessment of criterion is stated. The method of optimization of innovative strategy of

Предложен метод оптимизации инновационной стратегии предприятия на основе динамического программирования; применение метода показано на числовом примере.

Ключевые слова: инновации, оптимальная стратегия, предприятие, динамическое программирование.

УДК 338.001.36. А. Н. Гродинская, П. П. Табурчак. Методика исследования устойчивости подсистем промышленного предприятия. Представлена методика определения уровня устойчивости подсистем промышленного предприятия. Приведен перечень основных показателей, используемых для оценки состояния предприятия; определены и описаны основные этапы методики и предложена шкала ранжирования показателя устойчивости. Выполнены расчеты на примере предприятия ОАО «МХК «Еврохим» с целью выявления устойчивости отдельных подсистем предприятия и всей системы в целом.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивость, подсистемы предприятия, промышленное предприятие, ОАО «МХК «Еврохим».

УДК 330.322. Г. А. Ефимова, О. В. Осипова, П. Е. Булгаков. Стратегические ориентиры реиндустриализации аграрной экономики. Рассмотрены вопросы регулирования процесса реиндустриализации агропромышленного комплекса России. Реальные предпосылки сводятся к созданию стратегических научно обоснованных моделей с социально-экономическими и инновационными ориентирами реиндустриализации на основе конкурентоориентированной концепции развития отраслей.

Ключевые слова: реиндустриализация, молочное скотоводство, племенной скот, рента, социально-экономические ориентиры.

УДК 334.7. О. О. Комолов. Крупный и малый бизнес: роль и место в современной экономике. Развенчивается распространенный в России миф о ключевой роли малого бизнеса в развитии современной рыночной экономики. На примере данных о народном хозяйстве США приводятся факты, подтвержда-

the enterprise on the basis of dynamic programming is offered, application of a method is shown on a numerical example.

Keywords: innovations, optimum strategy, enterprise, dynamic programming.

A. N. Grodinskaya, P. P. Taburchak. Method of determining the level of sustainability of the subsystems of an industrial enterprise is presented. A list of the main indicators used to assess the condition of the company, identifies and describes the main stages of the methodology and proposed a scale ranging indicator of sustainability. Practical calculations were conducted on the example of JSC «MCC «EuroChem» in order to identify the sustainability of the enterprise and the individual subsystems of the whole system.

Keywords: sustainable development, sustainability, enterprise subsystem, industrial plant, JSC «MCC «EuroChem».

G. A. Efimova, O. V. Osipova, P. E. Bulgakov. Strategic landmarks reindustrialization of agrarian economy. They discussed the issues of regulation of the process of re-industrialization of the agro-industrial complex of Russia. Real prerequisites are to establish strategic science-based models with socio-economic and innovative guidance of reindustrialization on the basis of oriented competitors the concept of development of industries.

Keywords: reindustrialization, dairy cattle breeding, breeding cattle, rent, socio-economic guidelines.

O. O. Komolov. Big and small business: role and place in the modern economy. The article denounces the myth of the key role of small business in the modern economic paradigm. Using the example of the national economy of the US the article gives the facts, which confirm the dominate role of large corporations in techno-

дающие главенствующую роль крупных промышленных предприятий в технологическом развитии экономики, приросте производительности труда и доли в ВВП. Одновременно отмечена важная социальная роль малого бизнеса, способного создавать рабочие места в сложных экономических условиях, смягчая последствия безработицы.

Ключевые слова: малый бизнес, крупный бизнес, инновации, безработица, производительность труда, США, Россия.

УДК 331. М. В. Красностанова, А. К. Кашпур. Оценка эффективности инноваций в управлении персоналом. Выполнены систематизация и практическая апробация способов оценки инноваций в управлении персоналом (HRMI), разработаны рекомендации, позволяющие повысить качество оценки эффективности инноваций в этой сфере.

Ключевые слова: инновации, управление персоналом, эффективность, оценка, HRMI.

УДК 330.354. А. А. Золотарев, Н. Г. Яковлева. Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию. Представлен обзор основных мероприятий, проводившихся в рамках международного Конгресса по проблемам интеграции производства, образования и науки; в тезисной форме изложены идеи и выводы основных докладчиков конгресса: ведущих российских и зарубежных ученых и политиков, работников сферы образования, науки, культуры, государственных деятелей, руководителей предприятий реального сектора экономики.

Ключевые слова: производство, наука, образование, культура, реиндустриализация, экономическая политика, социально-экономическая модель, стагнация, рекомендации, резолюции.

logical development, growth of labor productivity and share of GDP. Simultaneously the author points out that small business plays an important social role through its ability to provide employment opportunities in difficult economic circumstances.

Keywords: small business, big business, innovations, unemployment, labor productivity.

M. V. Krasnostanova, A. K. Kashpur. The human resource management innovations evaluation. The objectives of this article are the systematization and practical testing the human resource management innovations evaluations and recommendations making for development the assessment of innovation efficiency in human resource management.

Keywords: innovation, personnel management, efficiency, evaluation, human resource management innovations, HRMI.

A. A. Zolotarev, N. G. Yakovleva. Production, science and education of Russia: to overcome stagnation. There is an overview of the main activities that were carried out within the framework of the international Congress on problems of integration of production, education and science. The article contains ideas and conclusions (in the thesis form) of the congress keynote speakers: leading Russian and foreign scientists and politicians, educators, science- and cultural workers, statesmen, heads of enterprises of economy real sector.

Keywords: production, science, education, culture, re-industrialization, economic policy, social and economic model, stagnation, recommendations, resolutions.